Вестник Московского университета

Moscow State University Bulletin

Moscow State University Bulletin

JOURNAL
founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9
PHILOLOGY

NUMBER THREE
MAY – JUNE

This journal is a publication
prepared by the Philological Faculty
Editorial Board.
There are six issues a year

Moscow University Press • 2017

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в ноябре 1946 года

Серия 9
ФИЛОЛОГИЯ

№ 3
МАЙ – ИЮНЬ

Выходит
один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2017

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова;
филологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.Л.Ремнёва, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, декан филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова – *главный редактор*

О.А.Смирницкая, докт. филол. наук, профессор кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова – *зам. главного редактора по лингвистике*

В.М.Толмачев, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова – *зам. главного редактора по литературоведению*

Е.В.Клобуков, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова – *отв. секретарь по лингвистике*

Г.В.Зыкова, докт. филол. наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова – *отв. секретарь по литературоведению*

Е.Г.Домогацкая, научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире», зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова по редакционно-издательской деятельности – *оргсекретарь*

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

О.В.Александрова, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова по науке

А.Е.Беликов, канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Т.Д.Венедиктова, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

М.В.Всеволодова, докт. филол. наук, профессор кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Д.П.Ивинский, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

А.И.Изотов, докт. филол. наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

С.В.Князев, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

И.М.Кобозева, докт. филол. наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

С.И.Кормилов, докт. филол. наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Н.Т.Пахсарьян, докт. филол. наук, профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

С.Г.Татевосов, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

О.Е.Фролова, докт. филол. наук, ст. научный сотрудник лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

© Издательство Московского университета, 2017
© «Вестник Московского университета», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Виноградов И.А. Блаженны миротворцы: от Повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» (I) 7

Оляндэр Л.К. (Украина). Интертекстуальность: терминологические значения и способы ее проявления в художественной литературе 19

Фролова О.Е. Мотив смерти в повести А. Платонова «Котлован» 42

Жданова Л.А. Власть и закон в русском языке и в картине социального мира. . . 57

Безяева М.Г. Коммуникативное поле нормы в языке и тексте 76

Кюсева М.В. Признаковая лексика в русском жестовом языке в типологической перспективе 97

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Балакин А.Ю. И.А. Гончаров в письмах К.Ф. Ордина к жене (1872) 115

Киктева К.Д. Раскаявшийся соблазнитель в религиозно-фантастической драме Хосе Соррильи «Дон Хуан Тенорьо» 138

Савина Е.С. Некоторые стилистические приемы передачи юридического дискурса в текстах Ж. Сименона 147

Черепанова О.Д. Лингвистическое обеспечение речевых технологий: использование англо-русской практической транскрипции в системе русскоязычного синтеза «ТЕКСТ – РЕЧЬ» 156

Янь Юй. Особенности сложения сокращенных заимствованных основ в русском языке рубежа XX–XXI вв. 168

Инь Сюй. Буковница 1592 г.: особенности грамматической кодификация и структура словарных гнезд 190

Плотникова А.И. Значения местного падежа у существительных мужского рода в русском языке XVII в.: факторы выбора окончания -Ѣ или -У 203

Критика и библиография

Никуличева Д.Б. Чекалина Е.М. Семантические аспекты шведской грамматики: системно-функциональный и сопоставительно-типологический анализ. М.: МАКС Пресс, 2017. 214

Научная жизнь

Петрухина Е.В. Ломоносовские чтения 2017 г. на филологическом факультете МГУ 217

Володина М.Н., Кобозева И.М. Круглый стол «Язык и дискурс СМИ в XXI веке» . . .227

Леонтьева А.Л. Международная научная конференция «Русская грамматика: описание, преподавание, тестирование» (Хельсинки) 232

Филатова А.С. Международная конференция «Безвременье как сюжет» в Твери 236

Юбилеи

Кучина Т.Г. Александр Владимирович Леденев 240

CONTENTS

Articles

Vinogradov I.A. Blessed are the Peacemakers: from the Tale of the Two Ivans to the Plan of the "Dead Souls" (I) 7

Oliander L.K. (Ukraine). Intertextuality: Terminological Meanings and Ways of Its Presentation in Literature 19

Frolova O.E. The Motive of Death in A. Platonov's Story "The Pit" 42

Zhdanova L.A. Power and Law in Russian Language and in the Picture of the Social World 57

Bezyaeva M.G. Communicative Field of the Norm in the Language and in the Text 76

Kyuseva M.V. Qualitative Lexicon in Russian Sign Language from the Typological Perspective 97

Communications and Materials

Balakin A.Yu. I.A.Goncharov in C.F.Ordin's Letters to His Wife (1872) 115

Kikteva K.D. Repentant Seducer in the Religious-Fantasy Drama "Don Juan Tenorio" by José Zorrilla 138

Savina E.S. Some Stylistic Devices for Legal Discourse in the Texts of G. Simenon 147

Cherepanova O.D. Using Linguistic Knowledge in Speech Technologies: Phonetization of English Words in Russian Text-To-Speech Synthesis by Means of Orthographic Transcription 156

Yan Yu. The Specifics of the Addition of the Abbreviated Borrowed Stems in the Russian Language of the 20–21st Centuries. 168

Yin Xu. Bukovnitsa 1592: the Features of Grammatical Codification and the Structure of Dictionary Sockets 190

Plotnikova A.I. Meanings of the Locative Case of Masculine Nouns in the Russian Language of the 17th Century: Factors of Inflection Choice -*В* or -*У* 203

Critique and Bibliography

Nikulicheva D.B. Chekalina E.M. Semantic Aspects of the Swedish Grammar: System-Functional and Comparative-Typological Analysis. M.: MAKS Press, 2017. 196 p. 214

Scholarly Life

Petrukhina E.V. The Lomonosov Readings 2017 at the Philological Faculty (MSU) 217

Volodina M.N., Kobozeva I.M. Round Table "Language and Discourse of Mass Media in the 21st Century" 227

Leontyeva A.L. International Scientific Conference "Russian Grammar: Description, Teaching, Testing" (Helsinki) 232

Filatova A.S. International Conference "Timelessness as the Plot" in Tver 236

Jubilees

Kuchina T.G. Aleksander Vladimirovich Ledenev 240

СТАТЬИ

И.А.Виноградов

Блаженны миротворцы: от Повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ»[1]

Работая над «Мертвыми душами», Гоголь назвал свои ранние повести «отрывками тех явлений», «из которых долженствовала» создаться в его поэме «полная картина». Изучение «сквозных» и «узловых» мотивов гоголевского творчества позволяет отчасти проникнуть в тайну этого замысла, воплощению которого писатель посвятил почти всю свою жизнь. Принципиально важным для понимания концепции, положенной Гоголем в основу поэмы, оказываются внутриполитические события в России в 1834 г., когда отечественная словесность была официально провозглашена главной выразительницей Народности. Этот призыв правительства к литераторам был сразу услышан Гоголем и совпал с его заветным убеждением в том, что русские поэты являются средоточием «истинно русских коренных свойств наших». Решение задач общенационального масштаба вызвали тогда к жизни гоголевские сборники «Миргород», «Арабески», комедию «Ревизор» и поэму «Мертвые души».
В первой части статьи очерчена связь гоголевской Повести о ссоре с историческими взглядами писателя; обозначены реминисценции этой повести в «Мертвых душах», а также то, каким образом ее проблематика сказалась на замысле поэмы.

Ключевые слова: Гоголь, биография, творчество, авторский замысел, интерпретация, герменевтика, общественная идеология, духовное наследие

Summary: While working on “Dead Souls”, Gogol called his early novellas “fragments of those phenomena”, of which the “full picture” was supposed to be created in his poem. The study of the “through” and “nodal” motifs of Gogol’s works allows us to come close to the mystery of this conception, to the realization of which the writer devoted almost all his life. Domestic political events in Russia in 1834, when the national literature was officially proclaimed the main spokesman of the Nationality, are significant as the way to understand Gogol’s idea set in the basis of the poem. This appeal of the government to writers was immediately heard by Gogol and coincided with his conviction that Russian poets are the focus of “our truly Russian fundamental features”. Gogol’s collections “Mirgorod”, “Arabesque”, comedy “The Inspector General” and poem “Dead Souls” appeared as the attempt to solve these tasks of national scale.
The first part of the article outlines the connection between “The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich” and the writer’s historical

[1] В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на Всероссийской научной конференции «Поэма Н.В.Гоголя “Мертвые души”: история и современность» в Московском университете (май 2017 г.).

views; the reminiscences of this story in “Dead Souls” are indicated, as well as the way in which its problematics influenced the concept of the poem.

Key words: Gogol, biography, creativity, author’s plan, interpretation, hermeneutics, social ideology, spiritual heritage.

Многими мотивами своего творчества Гоголь-художник обязан давнему, еще со школьной скамьи, увлечению историей. Не составляет исключения и его знаменитая «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». После основательного изучения истории в Нежинской гимназии высших наук Гоголь на протяжении нескольких лет, в пору создания Повести о ссоре, сам преподавал исторические дисциплины в двух учебных заведениях Петербурга – в Патриотическом институте и Императорском университете. Как позволяет судить содержание сохранившихся лекций и исторических сочинений писателя, наиболее чувствительной «болевой точкой» писателя в восприятии отечественной истории было переживание одного общеизвестного явления – бесконечных княжеских распрей, часто расторгавших русское и славянское единство. Пожалуй, никто не переживал это печальное locus communis древнерусской старины так глубоко и остро, как он. Жгучее неприятие того, что у нас еще от эпохи удельных княжеств «все перессорилось» – «дворяне у нас между собой, как кошки с собаками; купцы между собой, как кошки с собаками; мещане между собой, как кошки с собаками» [Гоголь, 2009, VI: 93], – и стало главным побудительным мотивом появления Повести о ссоре.

Первый «подступ» к художественной разработке этой темы Гоголь сделал еще в 1832 г. в «Страшной мести», в образе «пана» Данила, который, с одной стороны, сетует на отсутствие «порядка» и «старшей головы над всеми» («…Полковники и есаулы грызутся, как собаки, между собою»), с другой, как неоднократно подчеркивает автор, сам не лишен корыстолюбия – главной причины внутренних раздоров. Вспоминая о «золотом» времени казачества, герой, к примеру, восклицает: «Сколько мы тогда набрали золота! Дорогие каменья шапками черпали козаки» [Гоголь, 2009, I: 230]. В завершение «Страшной мести» Гоголь поместил, в качестве эпилога, пространную «повесть бандуриста», где подробно описал еще одну губительную «ссору» – вражду закарпатских «братьев»-славян Петра и Ивана, один из которых позавидовал другому.

Через несколько лет размышления о недопустимости междоусобных распрей нашли отражение в строках «Тараса Бульбы» о «враждующих и торгующих городами мелких князьях» и, конечно же, в знаменитой речи

Бульбы о товариществе. Описывая в этой повести происхождение казачества, Гоголь замечал: «Вместо прежних уделов, мелких городков, наполненных псарями и ловчими, вместо враждующих и торгующих городами мелких князей, возникли грозные селения, курени и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью против нехристианских хищников... Гетманы, избранные из среды самих же казаков, преобразовали околицы и курени в полки и правильные округи» [Гоголь, 2009, II: 307].

Во всех исторических штудиях Гоголя мысль о пагубности разделений с настойчивостью повторяется применительно к самым разным историческим эпохам и государствам, к историям – русской, украинской, европейской, новейшей и древнейшей (включая библейскую). В одной из своих лекций он, в частности, замечал: «Рассеянная жизнь, открытые пространства России, неимение никаких союзов и взаимной связи между племенами были причиною их беспрерывных покорений многочисленными нациями, умевшими повиноваться одному вождю» [Гоголь, 2009, VIII: 165].

Спустя год после завершения Повести о ссоре Гоголь в статье «Несколько слов о Пушкине» (1834), подводя итог своих размышлений об отечественной истории, писал: «Русская история, только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость; до того характер народа большею частию был бесцветен…» [Гоголь, 2009, VII: 276]. Другими словами, для Гоголя – молодого адъюнкт-профессора Петербургского университета – вся русская история до Петра (титул императора был принят Петром I в 1721 г.) оказывалась, вследствие внутренних неурядиц и княжеских ссор, «скучной» и «бесцветной». Этот вывод прямо повторяет заключительное восклицание Гоголя в Повести о ссоре: «Скучно на этом свете, господа!» [Гоголь, 2009, II: 497].

В том же 1834 г. Гоголь, сообщая М. А. Максимовичу о своем желании занять кафедру всеобщей истории в Киевском университете, с не меньшей энергией – и с таким же горьким чувством – заявлял: «Я с ума сойду, если мне дадут русскую историю» [Гоголь, 2009, X: 259]. Спустя две недели он пояснял: «Если бы это было в Петербурге, я бы, может быть, взял ее, потому что здесь я готов, пожалуй, два раза в неделю на два часа отдать себя скуке» (курсив наш. – И. В.) [Гоголь, 2009, X: 262]. Из дальнейших объяснений Гоголя следует, что, не желая посвящать себя курсу русской истории, он избегал этим отнюдь не банальной скуки, но куда более серьезного душевного испытания – возможной, вдали от близких людей,

«сердечной тоски», связанной с этими лекциями: «…Оставляя Петербург, знаешь ли, что я оставляю?.. Здесь все, что… мило моему сердцу; люди, с которыми сдружился… Бросивши все это, нужно стараться всеми силами заглушить сердечную тоску; нужно отдалять всеми мерами то, что может вызывать ее» [Гоголь, 2009, X: 262–263]. Речь в письме идет, очевидно, о той же самой «сердечной тоске», что звучит и в заключительном «скучно» Повести о ссоре.

Тогда же, в 1834 г., в статье «Взгляд на составление Малороссии», говоря о раздорах русских князей в эпоху «Слова о полку Игореве» – и размышляя о неумении, «незнании» настоятелей и митрополитов, «как схватить с помощью… веры власть над народом», «настроив» его «к великому», Гоголь опять восклицал: «Какое ужасно-ничтожное время представляет для России XIII век! Сотни мелких государств, единоверных, одноплеменных, одноязычных, означенных одним общим характером и которых, казалось, против воли соединяло родство (а отличали, видно, лишь формы голов – то «редькой хвостом вниз», то «редькой хвостом верх». – *И.В.*), – эти мелкие государства так были между собою разъединены, как редко случается с разнохарактерными народами... Это был хаос браней за временное, за минутное – браней разрушительных, потому что они мало-помалу извели народный характер, едва начинавший принимать отличительную физиогномию при сильных норманских князьях» [Гоголь, 2009, VII: 160].

Очевидно, что одновременно с созданием Повести о ссоре Гоголя сильно занимала мысль о единении Русской земли. Эта мысль заключена не только в «Тарасе Бульбе», но и в самой Повести о двух Иванах. Здесь имеются даже хронологические указания на то, что начало многолетней судебной тяжбы героев приходится прямо на 1812 год – год всеобщего народного сплочения. В своем «Введении в Древнюю историю» Гоголь, говоря о соперничавших между собой древних «Греческих Республиках», в частности, замечал: «…Угрожал ли Греции какой-нибудь внешний неприятель… эти по-видимому разъединенные вечною ненавистью Республики кидали междоусобия и соединенным оружием, не дорожа ничем, защищали общее свое отечество» [Гоголь, 2009, VIII: 82]. Однако занятые ссорой герои Гоголя о Двенадцатом годе даже не помышляют.

По аналогии с объединением враждующих древнегреческих республик перед лицом внешней угрозы Гоголь в статье «О сословиях в государстве» замечал о русском народе, что и в нем «никто не хочет уступить один другому и... только в минуты величайшей опасности, когда прихо-

дится спасать родную землю, все соединяется в один человек и делается одним телом» [Гоголь, 2009, VI: 316]. Из взаимной неуступчивости Гоголь и выводил необходимость установления на Руси монархии: «Все сословия, дружно требуя защиты от самих себя, а не от соседних врагов, утвердили над собою высшую власть в том, чтобы рассудить самих себя – потребность чисто понятная среди такого народа...» [Гоголь, 2009, VI: 316]. Следуя переложению слов летописи Н.М. Карамзиным в «Истории государства Российского», Гоголь писал: «История государства России начинается добровольным приглашением верховной власти. «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: придите княжить и владеть нами»…» [Гоголь, 2009, VI: 316]. (В черновой редакции повести «Портрет» 1834 г. Гоголь, в свою очередь, упоминал о затруднительности для него «перечесть по именам удельных князей, наполняющих Русскую историю» [Гоголь, 1938, III, 616].)

Подобно тому, как несчастья и страдания, выпавшие на долю народа в Южной России, породили запорожское казачество – и возглавивших его гетманов, так же, по Гоголю, позднейшие имперские преобразования Петра I не только привели к образованию слаженного «организма управления губерний» («слышно, что Сам Бог строил незримо руками Государей» [Гоголь, 2009, VI: 144]), но и «огнивом бед» [Гоголь, 2009, II: 307; VI: 156, 158, 162] высекли из народной груди бесчисленные искры блестящих талантов. По словам Гоголя, в эпоху продолжательницы Петра Екатерины II, «царствование которой можно назвать блестящей выставкой первых русских произведений», «на всех поприщах стали выказываться русские таланты»: полководцы, государственные деятели, дипломаты, словесники, ученые и поэты [Гоголь, 2009, VI: 158].

Размышлениями о значении послепетровской эпохи в формировании русского характера пронизана и сама гоголевская концепции развития русской поэзии, изложенная в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Здесь Гоголь в числе источников самобытной русской поэзии и своего творчества – служащих к «построению» русского человека – указывает пословицы и слово церковных пастырей, народную песню и церковные песни и каноны, и наряду с этим – важнейшее политическое событие в истории России – принятие русскими царями в лице Петра I императорского достоинства [Гоголь, 2009, VI: 155–157, 195]. Именно это событие, над которым Гоголь размышлял еще в 1834 г., породило, по его словам, «верховный лиризм» одической поэзии Ломоносова и Державина и поставило Россию перед лицом ее истинного призвания – быть Свя-

щенной Империей, главным назначением которой является «стремленье к свету», т. е. спасение душ подданных, «приближенье иного Царствия» [Гоголь, 2009, VI: 157, 41]. В статье «О лиризме наших поэтов» Гоголь замечал: «Все события в нашем отечестве, начиная от порабощенья татарского, видимо клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного…» [Гоголь, 2009, VI: 46]. С этими же размышлениями связано и пророческое восклицание Тараса Бульбы в заключении повести: «…Подымется из Русской земли свой царь!..» [Гоголь, 2009, II: 413].

* * *

С содержанием Повести о ссоре напрямую связан и замысел главного произведения Гоголя – задуманной в трех томах поэмы «Мертвые души».

Сама по себе «загадка» «Мертвых душ» уже более полутора веков ждет своего разрешения. Общим для всех этапов и направлений в восприятии и изучении поэмы остается то, что, несмотря на обилие литературы о «Мертвых душах», вопрос о том, что же хотел сказать нам Гоголь этим незавершенным творением, по-прежнему не ясен.

Уже первые читатели «Мертвых душ» почувствовали, что имеют дело с произведением, скрывающим в себе какую-то тайну. Сам Гоголь в 1842 г., спустя три месяца после выхода в свет первого тома, писал о восприятии поэмы в читательских кругах С. Т. Аксакову: «…Еще не раскусили, в чем дело… не узнали важного и главнейшего...» [Гоголь, 2009, XII: 102]. О сокровенном замысле «Мертвых душ», оставшемся недоступным читателю, Гоголь говорил также в письме к А. О. Смирновой 1845 г.: «Вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет «Мертвых душ». Это пока еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех (ибо ни одна душа из читателей не догадалась), раскрыться в последующих томах...» [Гоголь, 2009, XIII: 153]. Спустя два года, в «Авторской исповеди», Гоголь вновь отмечал, что его поэма «составляет еще поныне загадку» для читателя [Гоголь, 2009, VI: 228].

Прошло еще тридцать лет, и Ф.М. Достоевский, как бы подытоживая недоумения современников по поводу героев «Мертвых душ», писал: «Эти изображения, так сказать, почти давят ум глубочайшими непосильными вопросами... с которыми, чувствуется это... справишься ли когда-нибудь?» [Достоевский, 1981, XXII: 106]. Критик Ю.Н. Говоруха-Отрок в 1892 г. замечал о восприятии Гоголя: «Далеко ли мы ушли в понимании его созданий?.. Со времен Белинского мы только и пришли к тому, что

отделываемся от Гоголя ходячими фразами…» [Говоруха-Отрок, 2012: 760–761].

Спустя еще четверть века В.В. Зеньковский (известный впоследствии богослов, профессор и священник) заключал: «Гоголь, как мыслитель, еще более закрыт от нас его художественным творчеством, чем это можно сказать о Ф.М. Достоевском…» [Зеньковский, 1926: 63]. Вывод этот во многом сохраняет свое значение до сего дня. «Не будет преувеличением утверждать, – замечал в 1968 г. о «Мертвых душах» В.В. Кожинов, – что эта поэма – наименее понятое и освоенное из всех великих классических творений русского искусства слова» [Кожинов, 1968: 73].

В одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу «Мертвых душ»» Гоголь замечал о героях первого тома поэмы: «Эти ничтожные люди, однако ж, ничуть не портреты с ничтожных людей; напротив, в них собраны черты от тех, которые считают себя лучшими других, разумеется только в разжалованном виде из генералов в солдаты» [Гоголь, 2009, VI: 83].

Главная, определяющая идея «Мертвых душ» заключается в убеждении писателя, что каждый человек, созданный по образу и подобию Божию, несет на себе отпечаток этой божественности – более или менее зримый «первообраз», который он исказил в себе, отступая от Отеческого замысла о нем Творца. Мыслью о восстановлении искаженного подобия Божия в человеке и обусловливалось видение Гоголем путей духовного преображения России.

Именно в этом стремлении и обнаруживается органическая связь замысла «Мертвых душ» с содержанием «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Объясняется эта связь тем, что воскрешение «мертвых душ» Гоголь не мыслил без согласной взаимной помощи людей, без всеобщего народного единения.

В.С. Аксакова, вспоминая о посещении Гоголем Абрамцево в июне 1851 г., сообщала: «Не помню, как зашел у Гоголя с Иваном (имеется в виду И.С. Аксаков, брат мемуаристки. – *И. В.*) разговор, но помню, что он коснулся до всего состояния современного неустройства, разладу и т. д. Гоголь говорил с душевным участием, видно было, что эти мысли не раз тревожили его душу и возбуждали его самое глубокое соболезнование, – «а как бы все само собою устроилось, все недоразумения, раздоры прекратились, – говорил <он>, – если б каждый человек был полон любви». Он подошел к окну, видимо погруженный в свои мысли, устремил глаза

вдаль; видно было, что он предался своей задушевной мечте; в эту минуту высказалась вся его любовь ко всем» [Гоголь в воспоминаниях... 2012, II: 897–898]. А.О. Смирнова также вспоминала: «Гоголь любил со всеми жить в мире. Он… стремился к тому, чтобы не только перезнакомить всех своих знакомых, но постоянным его желанием было сблизить друзей своих, чтобы все были связаны одними общими узами дружбы и «жили между собою в мире и согласии»» [Гоголь в воспоминаниях... 2012, II: 240]. Как автор Повести о ссоре Гоголь в 1836 г. обращался к сестрам: «Об одном прошу: сделайте милость, если вы меня хоть каплю, хоть крошку любите, живите между собою дружно. Если вы этого не исполните, то значит вы меня ни на волос не любите» [Гоголь, 2009, XI: 65]. В 1848 г. в письме к С.П. Шевыреву, имея в виду полемику приятеля с журналистами по поводу своей «Переписки с друзьями» (за что Гоголь, казалось бы, должен быть только благодарен Шевыреву), он, однако, замечал: «Мне кажется подчас, что все то, о чем так хлопочем и спорим, есть просто суета, как и все в свете, и что об одной только любви следует нам заботиться. Она одна только есть истинно верная и доказанная истина» [Гоголь, 2009, XV: 50]. (Примеры, где Гоголь – на протяжении всей своей жизни – говорит о единении, о прекращении вражды и розни, можно умножать и умножать.)

Важность проблем, поставленных Гоголем в Повести о ссоре, памятование о том, что Сам Спаситель «называет миротворцев сынами Божьими» [Гоголь, 2009, VI: 93], стали главными причинами того, что с изданием этой повести, ее образы продолжали жить в творческом сознании писателя – и вскоре получили новое художественное воплощение.

Непосредственными «преемниками» в «Мертвых душах» героев Повести о ссоре – «чрезвычайно тонкого» Ивана Ивановича и «распространяющегося в ширину» Ивана Никифоровича [Гоголь, 2009, II: 454] – можно назвать европейски-«утонченного» Манилова и, соответственно, неуклюжего «медведя» Собакевича. Исполненный «бездны тонкости» в «познании света», но при этом духовно бесплодный Манилов чрезвычайно напоминает «любезнейшего» Ивана Ивановича Перерепенко, а «редко отзывающийся о ком-нибудь с хорошей стороны», скрывающий свои чувства «под толстою скорлупою» Собакевич [Гоголь, 2009, V: 19, 98] вполне соответствует крепкому на «словцо», никогда не показывающему вида, «доволен он или сердит», Ивану Никифоровичу Довгочхуну [Гоголь, 2009, II: 454].

Столь же узнаваемым «наследником» княжеских междоусобиц выступает в «Мертвых душах» воинственный помещик Ноздрев, любитель

охоты, пиров и ссор. По наблюдению исследователя, реплика героя, показывающего гостям свои владения: «Вот граница!.. Все, что ни видишь по эту сторону, все это мое, и даже по ту сторону… все мое» [Гоголь, 2009, V: 73], – невольно ассоциируется с речами враждующих удельных князей из «Слова о полку Игореве»: «…Рекоста бо брат брату: «се мое, а то мое же»» [Медриш, 1980: 131]. Приведем строки «Слова о полку Игореве» в русском переводе: «Усобица князей походы на поганых прервала, потому что сказал брат брату: «Это мое, и то – мое же». И начали князья про малое «это великое» говорить, а сами на себя крамолу ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую» [Кожевников, 2012: 206]. Эта плачевная картина, конечно же, тоже с «полным правом» заслуживает гоголевского порицания: «Скучно на этом свете, господа!»

Очевидным «наследием» в «Мертвых душах» давнего рассказа о том, как «два почтенные мужа, честь и украшение Миргорода, поссорились между собою… за вздор, за гусака» [Гоголь, 2009, II: 464], является и упоминание в заключительной главе первого тома поэмы о ссоре Чичикова с его приятелем: «...Чиновники… поссорились ни за что. Как-то… Чичиков назвал другого чиновника поповичем...» [Гоголь, 2009, V: 229].

С другой стороны, можно заметить, что как бы в «противовес» этим неожиданным проявлениям в «Мертвых душах» образов Повести о ссоре, все герои-помещики поэмы словно «нуждаются» друг в друге. Манилову недостает практичности Коробочки, Коробочке – созерцательности Манилова, им обоим – энергии и воодушевления Ноздрева. В свою очередь, неупорядоченности и буйству сил Ноздрева не хватает душевной крепости, присущей Собакевичу, – тогда как крепкий, как «невозделанная» скала, этот герой ущербен без качеств, носителем которых, в своем «воскрешенном» состоянии, должен был стать Плюшкин.

Каждому из персонажей «Мертвых душ» словно недостает способностей другого. Эта особенность гоголевских героев составляет одну из важнейших сторон замысла поэмы.

О тесной взаимозависимости людей друг от друга сам Гоголь тоже говорил неоднократно. В 1844 г. он обращался к своим друзьям – С.П. Шевыреву, С.Т. Аксакову и М.П. Погодину: «...Соединимся между собой тесней... уже самое несходство наших характеров и свойств, самое то, что мы с разных сторон видим иногда одни и те же вещи, говорит… как мы можем пополнить друг друга» [Гоголь, 2009, XII: 339]. В письме к Аксакову 1842 г. он также замечал: «…Мы позабыли, что человек уже так создан, чтобы требовать вечной помощи у других. У всякого есть что-то,

чего нет у другого…» [Гоголь, 2009, XII: 98]. 25 мая (н. ст.) 1847 г. Гоголь, в частности, писал Шевыреву: «Я чувствовал всегда, что я буду участник сильный в деле общего добра и что без меня не обойдется примиренье многого, между собою враждующего» [Гоголь, 2009, XIV: 282].

Таким образом, продолжая размышлять в новом произведении – «Мертвых душах» – о проблеме пагубных несогласий и ссор, Гоголь во главу угла ставит теперь мысль о плодотворном взаимодополняющем единстве. От «пошлых» героев «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», от губительных удельных ссор, он ведет теперь к многогранной, развивающейся общности – к расцвету и «верховному согласью» всех тех «способностей и даров, которые розные у всякого» [Гоголь, 2009, VI: 43; V, 345].

О «воскрешении» в человеке подобия Божия, при прекращении взаимных ссор, Гоголь прямо пишет в завершении статьи о русской поэзии, отмечая среди первостепенных «народных качеств» способность «рвануться всем на дело, невозможное ни для какого другого народа, – которое вдруг сливает у нас всю разнородную массу, между собой враждующую, в одно чувство, так что и ссоры, и личные выгоды каждого – все позабыто, и вся Россия – один человек» [Гоголь, 2009, VI: 193] (последнее выражение, «один человек» – употребляемое для обозначения единства народа, часто встречается в Священном Писании – см.: Первая книга Царств, гл. 11, ст. 7; Вторая книга Царств, гл. 19, ст. 14; Первая книга Ездры, гл. 3, ст. 1 и 9; Книга Неемии, гл. 8, ст. 1).

Этим же призывом-завещанием оканчивается и заключительная статья Гоголя в «Переписке с друзьями», «Светлое Воскресенье»: «Как бы, казалось, девятнадцатый век должен был радостно воспраздновать этот день... Но на этом-то самом дне, как на пробном камне, видишь, как бледны все его христианские стремленья... Отделись от этого человечества… один человек, его оскорбивший, которому повелевает Христос в ту же минуту простить, – он уже не обнимет его... Но… есть уже начала братства Христова в самой нашей славянской природе, и побратанье людей было у нас родней даже и кровного братства… И если предстанет нам... сбросить с себя... недостатки наши... то... как в двенадцатом году... рванется у нас все сбрасывать с себя позорящее и пятнающее нас... и в такие минуты всякие ссоры, ненависти, вражды – все бывает позабыто... и вся Россия – один человек. Вот на чем основываясь, можно сказать, что праздник Воскресенья Христова воспразднуется прежде у нас, чем у других» [Гоголь, 2009, VI: 198, 204].

С расцветом талантов еще большее значение приобретает, по Гоголю, «полномощная власть монарха», которая, согласно убеждениям писателя, «не только не упадет, но возрастет выше по мере того, как возрастет выше образование всего человечества» [Гоголь, 2009, VI: 577]. В связи с этим Гоголь приводит сказанные ему в личной беседе слова Пушкина, в которых тот сравнивал монарха с «капельмейстером», без которого «как ни хороши будь... музыканты... никуды не пойдет концерт»: «При нем и мастерская скрыпка не смеет слишком разгуляться на счет других: блюдет он общий строй, всего оживитель, верховодец верховного согласья!.. Государь... один может только внести примиренье во все сословия и обратить в стройный оркестр государство». «Как метко выражался Пушкин! Как понимал он значенье великих истин!» – восклицал при этом Гоголь [Гоголь, 2009, VI: 43].

Таким образом, Гоголя на протяжении всей его жизни не оставляла мысль о прекращении на Руси всяческих усобиц. Следуя словам Писания – «Брат от брата помогаемь, яко град тверд и высок, укрепляется же, якоже... царство» (Притч. 18, 19), – путь преображения России Гоголь указывал во взаимодействии, или «соприкосновеньи» ее многообразных талантов (сокрытых и в «ничтожных» башмачкиных, и в погибающих андриях) с вдохновляющей силой монарха – «верховодца верховного согласья» – «Божьего помазанника, обязанного стремить вверенный ему народ к тому свету, в котором обитает Бог» («О лиризме наших поэтов») [Гоголь, 2009, VI: 43].

(Продолжение следует)

Список литературы

Говоруха-Отрок Ю.Н. Чему нас учит Гоголь? // Говоруха-Отрок Ю.Н. Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская публицистика. СПб., 2012. Т. 1.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. [Л.], 1938. Т. 3 / Тексты и коммент. подгот. И.Я. Айзеншток, В.Л. Комарович, Н.И. Мордовченко, Н.Л. Степанов, Б.М. Энгельгардт.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев, 2009.

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников: Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критич. изд.: В 3 т. / Изд. подгот. И.А. Виноградов. М., 2011–2013.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1876 // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 22. Л., 1981.

Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. (Критика европейской культуры у русских мыслителей). Париж, [1926].

Кожевников В.А. Тайны и загадки «Слова о полку Игореве». М., 2012.

Кожинов В.В. К методологии истории русской литературы (о реализме 30-х годов XIX века) // Вопросы литературы. 1968. № 5.

Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция: Вопросы поэтики. Саратов, 1980.

Сведения об авторе: Виноградов Игорь Алексеевич, док. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. E-mail: info@imli.ru.

Л.К.Оляндэр (Украина)

Интертекстуальность: терминологические значения и способы ее проявления в художественной литературе

В статье анализируются терминологические значения интертекстуальности, раскрывается специфика ее проявления в современной литературе; рассматриваются концепции присутствия автора, анализируется монография О.В. Богдановой, где благодаря системно организованной интертекстуальности *создается континуитивность*, беспрерывность смоделированной художниками жизни и литературный процесс – как явление-синерген – предстает не только в абстрактной линейности, но и в своеобразном пространственно-временном континууме, в полифонии голосов, которые звучат, казалось бы, одновременно. На материале поэмы Е. Евтушенко «Тринадцать» доказано возрастание роли интертекста как формо- и смыслообразующего элемента в системе художественного целого, в частности в организации (поли)диалогической ситуации в тексте за счет расширения в нем способов пересечения чужих текстов.

Ключевые слова: автор, диалог, интертекст, интертекстуальность, присутствие, смерть автора, текст.

Terminological meanings of intertextuality are analyzed in the article, the specifics of its presentation in contemporary literature is disclosed; the concept of the author presence is examined, the monograph of O.V. Bohdanova is analyzed, where thanks to systematic and organized intertextuality *contintuition* and continuity of *life modeled by the artists* are created, and literary process – as a phenomenon-synergen – appears not only in the abstract linearity, but in a kind of space-time continuum, a polyphony of voices that sound as if at the same time. On the material of the poem "Trinadtsiat" ("Thirteen") by Ye. Yevtushenko increasing role of intertext as form and sense creating element in the system of the literary whole is proved, in particular in the organizing (poly)dialogic situations in the text by expanding the ways of crossing other texts in it.

Key words: author, dialogue, intertext, intertextuality, presence, death of the author, text.

Все давно сказано, и мы опоздали родиться, ибо уже более семи тысяч лет на земле живут и мыслят люди.

Жан де Лабрюйер. Характеры или нравы (1687–1693)

Страшні слова, коли вони мовчать,
коли вони зненацька причаїлись,
коли не знаєш, з чого їх почать,
бо всі слова були уже чиїмись.

Хтось ними плакав, мучився, болів,
із них почав і ними ж і завершив.
Людей мільярди і мільярди слів,
а ти їх маєш вимовити вперше!

Все повторялось: і краса, й потворність.
Усе було: асфальти й спориші.
Поезія – це завжди неповторність,
якийсь безсмертний дотик до душі.

Ліна Костенко. Страшні слова, коли вони мовчать…

Историческое сознание, я это утверждаю, – великое сокровище. <…> … историческое сознание существует тогда, когда прошлое какой-либо культуры является не абстракцией, а множеством образов и цитат…

Чеслав Милош. Тождественность (2002)

Цель статьи состоит в том, чтобы, рассматривая терминологические значения интертекстуальности и раскрывая специфику ее проявлений в современной литературе, показать, прежде всего на материале поэмы Е. Евтушенко «Тринадцать», что роль интертекста как формо- и смыслообразующего элемента в системе художественного целого в организации диалогической ситуации в тексте значительно возрастает благодаря расширению писателем способов пересечения в нем чужих текстов.

Философски осознаваемая, начиная со второй половины XX в., с давних времен проявляемая интертекстуальность теперь входит во все современные словари литературоведческих терминов, но в крайне обобщенном виде:

Интертекстуальность, термин, введенный в 1967 теоретиком постструктурализма Юлией Кристевой (р. 1941) для обозначения общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга [Словарь А–Я].

Различие состоит только в степени перечисления наиболее характерных видов проявления интертекстуальности в тексте и многих приемов,

включая плагиат[1]. В результате сегодня интертекстуальность остается открытой проблемой, что, в частности, утверждает Н. Пьеге-Гро [Пьеге-Гро, 2008]. С ней согласуется и лингвист Г. Денисова, которая выводит интертекстуальность за границы одного текста, сосредоточивая внимание на двух ипостасях интертекстуальных отношений: 1) они действуют внутри одной культуры: 2) они одновременно вступают в межкультурный контакт (см. [Бураго, 2013], [Денисова, 2001]). О том, что словарные определения не охватывают всех сторон многоплановой интертекстуальности, свидетельствует наличие уточняющих трактовок этого термина. Если В. Руднев понимает *интертекст* как *основной способ организации текста в искусстве модернизма и постмодернизма* [Руднев, 1997: 113], т. е. ограничивает определенной эпохой, а И. Ильин связывает его с мировоззрением человека [Ильин, 1998], то Н. Фатеева рассматривает интертекст «как способ генезиса собственного текста и постулирования собственного «Я» через сложную систему отношений оппозиций, идентификации и маскировки с текстами других авторов» [Фатеева, 2006: 16]. В связи с тем, что этот вопрос достаточно полно освещен А. Илуниной [Илунина, 2007: 14] и многими другими учеными, обратим здесь внимание лишь на тот факт, что и Р. Барт, и Ю. Кристева рассматривали интертекстуальность только на горизонтальном уровне текста. Излагая взгляды М. Бахтина, Ю. Кристева отмечала: русский философ «…хочет сказать, что всякое письмо есть способ чтения совокупности предшествующих литературных текстов, что всякий текст вбирает в себя другой текст и является репликой в его сторону» [Кристева, 2004: 432]. Такой *репликой / реакцией* являются мысли Лины Костенко, выраженные парадигматиески по принципу градации: 1) «*...всі слова були уже чиїмись* (предшествующий текст)*... – маєш вимовити вперше*» (реплика в его сторону)…. И далее то же самое, но с усилением: *«Все повторялось* (предшествующий текст)*... – Поезія – це завжди неповторність»* (реплика в его сторону). Однако ни М. Бахтин, ни Ю. Кри-

[1] Ярким примером неосознанного плагиата представляет поэзия Н. Грибачева. Вот что вспоминал Е. Евтушенко: «А я выступил на обсуждении его (Грибачева. – *Л. О.*) сборника («После грозы» – *Л. О.*) и показал явные примеры, мягко говоря, заимствований в его стихах. Я не сказал бы, что это было намеренным плагиатом – но это была болезнь, поэтическая клептомания, когда человек берет чужие строки неосознанно, не замечая этого. И я привел, например, строки из Пастернака: “Кавказ был весь, как на ладони, и весь, как смятая постель, и лес голов чернел в бездонье теплом нагретых пропастей...” – и грибачевские: “Кавказ был весь передо мною, и весь, как смятая кровать”» [Половец].

стева не говорят о *повторении* как о *неповторности* уже сказанного *Другим(и)*. Понятие *повторение / неповторность* – его характеризовали в разных аспектах Р. Якобсон [Якобсон, 1987] и С. Бураго [Бураго, 2013: 294] – вводит в поэтический текст Л. Костенко, меняя тем самым акценты не только в понимание иинтертекста, но и бартовской трактовки *продуктивности* текста:

«Текст, – писал и Р. Барт, – это продуктивность. Сказанное не означает, что он является *продуктом* той или иной работы (какового могла бы потребовать техника повествования или совершенство стиля); он представляет собой само зрелище производства, где встречаются производитель текста и его читатель: текст “работает” ежесекундно, с какой стороны к нему ни подойди; даже будучи записан (закреплен), он не прекращает работать, поддерживая процесс производства. Он деконструирует язык коммуникации, репрезентации и выражения (где индивидуальный или коллективный субъект еще может питать иллюзию, будто он чему-то подражает или себя выражает) и воссоздает некий другой язык» [Пьеге-Гро, 2008: 52].

Вдумываясь в этот тезис Р. Барта, развивая идею *продуктивности работающего* текста, нельзя забывать, что философ пришел к ошибочной мысли о смерти автора. А с этим уже согласиться нельзя, но установить причину ее появления можно, обращаясь к двум его тезисам:

1. «...каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах…» [Барт, 1973: 78].
2. «…текст существует лишь в силу межтекстовых отношений, в силу интертекстуальности» [Богданова, 2016: 428].

Кажется, все безупречно и верно, но в действительности более чем недостаточно, потому что игнорируется философский контекст. В философском аспекте *интертекстуальность* является тем фактором, который объединяет противоречивое интерсубъективное сознание как по горизонтали времен и пространств, так и по вертикали в интерсубъективное сознание человечества. И мысль Жана де Лабрюйера: «Все давно сказано, и мы опоздали родиться…», – истинна только с одной стороны, о чем в юмористической форме напоминает С. Лец: *«Обо всем уже сказано, но, к счастью, не обо всем подумано»*. И Л. Костенко настаивает на необходимости и *подумать*, и *пережить*, что уже предполагает наличие автора. Иными словами, в оппозицию к мысли Р. Барта о *«смерти автора»* предстает *концепция присутствия автора* [Денисова, 2003].

Обращаясь к этой проблеме, прежде всего следует вспомнить положение Л.Ф. Киселевой о том, что не только в конкретном тексте, а и во всей русской литературе XX в. ощутимо пребывание А. Пушкина. И, не употребляя термина *интертекстуализация*, исследовательница обратила ее в доказательство. «Ни один из ее классиков, – пишет Л. Киселева, – в своих творческих исканиях и свершениях не прошел мимо Пушкина, но *"следы", "отзвуки", "воспоминания"* о его "присутствии" у каждого – свои, особенные» [Киселева, 1999: 7].

С методологической стороны в этом отношении особый интерес вызывает монография О. Богдановой «Современный взгляд на русскую литературу XIX – начала XX вв.» [Богданова, 2016] и взаимодействующие с ней статьи, где благодаря системно организованной *интертекстуализации* создается континуитивность, непрерывность *смоделированной художниками жизни*[2]. И русский литературный процесс – как явление-синерген – предстает не только в абстрактной линейности, но и в своеобразном пространственно-временном континууме, в полифонии голосов, которые звучат вроде бы одновременно. Возникает коммуникативная ситуация, когда в сознании реципиента, с одной стороны, сталкиваются между собой голоса героев, авторов / нарраторов и самих писателей; а с другой – голоса информированных читателей (критиков, литературоведов, философов и др.). Неся на себе отпечаток своего времени, эти голоса выходят за его рамки, а в результате, как бы одновременно, говоря словами Ю. Кристевой, *слышаться голоса сразу нескольких дискурсных инстанций*, в том числе и авторских. Полифония как вид интертекстуализации создает эффект «живого» *присутствия* писателя – *автора-конструкта* (М. Бахтин) в самом тексте, подтексте и автора биографического за текстом. Такое присутствие автора приходит во взаимодействие и с читателем-современником, и с читателем другой эпохи, когда большое значение начитают приобретать интерес и тезаурус реципиента, его жизненный опыт.

В. Хализев был прав, когда не отбрасывал категорично все положения Р. Барта и Ю. Кристевой [Хализев, 2004]. В частности, заслуживает внимания разнонаправленная мысль / вопрос Ю. Кристевой: «…что же все-таки мы хотим услышать от текста, когда *извлекаем его из ситуации места, времени и языка* и заново обращаемся к нему, минуя временную, географическую, историческую и социальную дистанции?» [Кристева, 2004: 7].

[2] Проблема моделирования художником действительности детально представлена в монографии Н. И. Астрахан [Астрахан, 2014].

И эта кристевская мысль (вернее, части ее: *«что же все-таки мы хотим услышать от текста…»* и *«…извлекаем его из ситуации места, времени и языка…»*) поворачивается неожиданной стороной и ставит вопросы в иной плоскости. Например, что значит для англичан «Евгений Онегин» и его интертекстуальные вставки? Как они воспримут образ *«москвич в гарольдовом плаще»*? И насколько достиг цели В. Набоков своим переводом и комментариями?

Говоря об *интертекстуализации*, необходимо не упускать из виду, что обнаружение присутствия чужого текста в новом тексте связано со свойствами памяти, в том числе и такими, как *забывание* и *контаминация*, что накладывает свой отпечаток на жизнь текста не только в единичном, но и в интерсубъективном сознании. При этом иногда происходит возникновение сложного по своей значимости явления, представляющего собой своеобразный синтез, казалось бы, несовместимого – *утраты* и *приобретения*. Со всей очевидностью это выявляется в стихотворении А. Пушкина «К*** (Я помню чудное мгновенье)» (1825), в котором поэт употребил, выделяя курсивом, выражение «гений чистой красоты», взятое из стихотворения В. Жуковского «Лалла-Рук» (1821). Курсив со временем убрали (а не надо бы), и выражение *«гений чистой красоты»* в нашем сознании окончательно закрепилось за А. Пушкиным, приобретя – в сочетании со словами *«как мимолетное виденье»* [21, II, 267] и пушкинской музыкальностью стиха, гениально подчеркнутой М. Глинкой, – ту завершенность гармонии, какой оно не обладало в тексте В. Жуковского. И это было несомненное обогащение самого образа – «гения чистой красоты». В то же время вместе с убранным пушкинским курсивом исчезла отсылка поэта к стихотворению «Лалла-Рук»[3], в частности к строкам: *«Ах! не с нами обитает Гений чистый красоты; Лишь порой он навещает // Нас с небесной высоты…»*. В результате *«чудное мгновенье»*, как событие, утратило свою оценку: это появление – *чудо*, преобразовавшее внутреннее состояние лирического героя.

Интертекстуальность – явление многоуровневое по своей смысловой направленности и различное по способу введения в текст: она может быть осознанным и открыто подчеркнутым смыслообразующим элементом, может быть полускрытой и даже непроизвольной. Ее иногда воспринимают как влияние одного писателя на другого или рассматри-

[3] О том, что образ Лалла-Рук волновал воображение А. Пушкина, свидетельствует изъятая из десятой главы строфа: «И в зале яркой и богатой / Когда в умолкший, тесный круг // Подобна лилии крылатой, // Колеблясь, входит Лалла-Рук…».

вают как типологию. Так, например, «Santes Kinder» («Дети Сатаны») С. Пшибышевского связывают с романом Ф. Достоевского «Бесы», а «Облик дня» Ванды Василевской – с романом М. Горького «Мать» (С. Касторский). Оба писателя опровергали это. Однако как бы то ни было, но есть факт существования инварианта и варианта и взаимодействия между ними. На наш взгляд, настало время и типологию рассматривать как «игру» *текста* с *интертекстами*.

Ю. Кристева вслед за Бахтиным утверждает, что автор может использовать чужое слово, чтобы вложить в него новую смысловую направленность, сохраняя при этом тот предметный смысл, который оно уже имело [Блок, 1980: 174]. В этом случае речь идет о сознательной установке на узнавание и на (поли)функциональность интертекста, что с особой очевидностью проявилось в поэме Евгения Евтушенко «Тринадцать»[4], в которой поэт ведет диалог с началом XX в. Специфика авторской стратегии в поэме «Тринадцать» состоит не в простом использовании интертекста в разных формах – цитатах, парафразах, ритмике и т. п. – для того, чтобы передать диалог двух эпох, но в создании атмосферы полифонии голосов, которые, перекликаясь по горизонтали, т. е. внутри своей эпохи, вырываются за пределы своего времени в другой исторический этап, явившийся ее результатом, и теперь эти голоса из минувшего вступают в (поли)диалог с голосами нового времени. И весь характер их звучания приобретает признаки карнавальной культуры, что тоже является чертой интертекстуальности. Ю. Кристева права, заявляя: «Карнавальный смех – это не просто пародирующий смех; комизма в нем ровно столько же, сколько и трагизма; он, если угодно, серьезен, и потому принадлежащее ему сценическое пространство не является ни пространством закона, ни пространством его пародирования; это пространство своего другого» [Кристева, 2004: 444–445].

Е. Евтушенко безусловно опирался на постмодерное мышление читателя конца XX в. И не случайно – это была сознательная установка на диалог – взял за основной *претекст* поэму Блока «Двенадцать», которая представляет собой структурный каркас его поэмы и, сопрягаясь со множеством других претекстов, образует сложнейшую полифоническую конструкцию. Следует отметить, что у Е. Евтушенко это не простые претексты, потому что в подтексте они сохранены как тексты-оригиналы,

[4] Поэма Е. Евтушенко «Тринадцать» как диалог с началом XX в. частично рассматривалась нами в статье «Текст как чужое слово в структуре нового художественного целого» [Оляндэр, 2000].

во-первых, в своей первозданности и в восприятии реципиентов-современников и реципиентов последующих поколений. Следовательно, диалог автора-нарратора – он же лирический герой, переживающий свое время, – осуществляется и в столкновениях с интерпретаторами актуализованных прошлых текстов в структуре текста нового.

Диалог с началом XX в., который ведет Е. Евтушенко в поэме «Тринадцать» (1993–1996), посвящен раздумьям об исторической судьбе России, ее народа и самого поэта. При этом следует заметить, что разноплановый образ России, стержнем проходящий через все его творчество, по сути своей диалогичен с самого начала. Полемическое содержание этого образа у Е. Евтушенко нашло свое выражение в структуре его поэтического текста, насыщенного интертекстуальными вставками – *прямыми*, нередко обладающими свойствами метатекста, и *косвенными*, существующими подчас в умолчании скрыто, между словами-намеками на тот или иной текст. Таковыми являются переклички Е. Евтушенко с А. Блоком. Если в «Тринадцати» *диалог* намеренно заложен не только в структуру поэмы, но и в ее сюжетную основу, то в иных текстах он или находится в подтексте, скрытый за высказанной мыслью, или возникает в сознании реципиента благодаря ассоциациям с произведениями других авторов. Подобные ассоциации могут расцениваться как крайне субъективные, в частности так их оценивает Мишель Риффатер (подробнее см. [Богданова, 2016]). Однако в таком суждении содержится только доля правды, а не вся правда. Доказательством служат обращения Е. Евтушенко к А. Блоку в «Братской ГЭС» (1965–1997), где функционируют *прямые* и *косвенные* интертексты. Наиболее показательно в этом отношении начало «Молитвы перед поэмой»:

Поэт в России – больше, чем поэт.
В ней суждено поэтами рождаться
лишь тем, в ком бродит гордый дух
гражданства,
кому уюта нет, покоя нет (курсив мой. – *Л. О.*)
[Евтушенко, 2000: 297].

Если парафраза блоковских строк *уюта нет, покоя нет* не вызывает сомнения, то перекличка со стихотворением Н. Некрасова «Поэт и гражданин» не так очевидна, ибо она скрыта за словосочетанием *гордый дух гражданства*. Словосочетание *дух гражданства*, являясь в тексте Е. Евтушенко ключевым понятием, играет роль связующего звена меж-

ду блоковским покоя нет и на первый взгляд отсутствующим – потому что не названо знаменитым – тютчевским четверостишием:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить
[Тютчев, 1995: 297].

В процессе восприятия начальных строф «Братской ГЭС» – «Молитвы…» и «Пролога» в тезаурусе реципиента актуализуется строка *«Умом Россию не понять»* не сразу, а постепенно, с появлением самокритичного признания поэта: *поверхностность несем как сокровенья* и *поверхностность – убийца* [Барт, 1989: 300–301], – взятого в сочетании с лироэпической зарисовкой:

Россия обтекала наш «Москвич».
Россия что-то высказать хотела,
И что-то понимала, как никто
[Евтушенко, 2000: 301].

Процитированный фрагмент раскрывает возникшее в душе лирического героя желание постичь тайну России. А узнать и понять то, ***что*** она *высказать хотела* и ***что*** *понимала* сама, надо и возможно не только сердцем, но и *умом*, избегая поверхностных суждений. Межтекстовый диалог базируется на парадигме: Умом... *не понять – необходимо понять*. Именно этой необходимостью вызвана «Молитва перед поэмой», обращенная к великим предшественникам – А. Пушкину, М. Лермонтову, Н. Некрасову, Б. Пастернаку, С. Есенину…

У А. Блока Е. Евтушенко просит:

О, дай мне, Блок, туманность вещую,
и два кренящихся крыла,
чтобы, тая загадку вечную,
сквозь тело музыка текла
[Евтушенко, 2000: 298].

В контексте «Молитвы…» слово музыка органично связывает строфы-характеристики поэзий А. Блока и Б. Пастернака, у которого ее ритмы передают и *смешенья дней,* и *мученья века*. Но не следует забывать, что у А. Блока был призыв *слушать музыку революции*, призыв, который сочетался у него в поэме «Двенадцать» с символическим образом *снеж-*

ной вьюги. Нечто подобное есть и у Е. Евтушенко, но с большим подчеркиванием трагедии. Ср.:

А. Блок. «Двенадцать»	Е. Евтушенко. «Тринадцать»
Разыгралась что-то вьюга, Ой, вьюг**а**, ой, вьюг**а**! **Не видать** совсем друг друга За четыре за шага! [Блок, 1961: 427]	Ух, какая вьюга – **Не найти** друг друга… Вьюга! [Евтушенко, 2000: 516].

Во фразе: *«**Не видать** совсем друг друга»*, – содержится только возможность потери, а в предложении: *«**Не найти** друг друга»*, – ее свершение без надежды вновь обрести утерянное. Но это лишь один из аспектов, заложенный в смысл обоих полисемантичных высказываний, не до конца проясненных, суггестивных по своей сути. Обе фразы таят в себе *туманность вещую*, отсутствие *уюта* и *покоя*, выражают *дух гражданства*. Таким способом оба поэта создают образ сложного внутреннего состояния души человека, его переживаний в момент социальных катаклизмов, с той разницей, что блоковский лирический герой питает надежду на *новый нерожденный мир* [Астрахан, 2014: 332], на то, что явится *Россия …в красоте* [Блок, 1980: 334], а евтушенковский – переживает разочарование, осознав крушение иллюзорных идеалов. Прозревая, лирический герой Е. Евтушенко видит страшную картину:

То ГУЛАГА нары,
то виденья Лары,
вот Россия наша –
чертовые чары
[Евтушенко, 2000: 518].

Симфоничность художественно-философского мышления А. Блока позволила ему сменить грозные аккорды начала «Двенадцати» на иное звучание, в котором слышится *чудный звон колокольчика* гоголевской *тройки*, звучания, вызванного появлением *белого снежка*:

Черный вечер,
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер –
На всем белом свете!

Взвивает ветер
Белый снежок
[Блок, 1961: 411].

Такая трансформация ритмов и мелодики в поэме А. Блока становится особенно понятной, если ее рассматривать в контексте его статьи «Дитя Гоголя» (1909). Жгучий вопрос *«украинского соловья» Гоголя* (А. Блок): «Русь! куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа», – связывает в сложное противоречивое единство художественные миры русских поэтов, в том числе А. Блока и Е. Евтушенко. Но «век двадцатый – убийца и тать» вызвал в сознании поэта и другие *тройки – зловещие тройки* преступной репрессивной машины. В глазах стояла *кровь убиенных* [Евтушенко, 2000: 631]. Эта парафраза из «Бориса Годунова», символизируя сталинскую эпоху, говоря о ее *(лже)свободе*, получает дальнейшее развитие в стихотворении «Шекспир о Михоэлсе» (1997) и вызывает межтекстовые ассоциации с такими, казалось бы, отдаленными произведениями, как «Сорока-воровка» А. Герцена:

В России все актеры –
крепостные,
да и сама она –
Шекспироссия –
актриса крепостная в железах.
Она – то в роли матери,
то мачехи.
В глазах скорбящих у нее не мальчики,
а гении кровавые в глазах
[Евтушенко, 2000: 632].

Закономерно, что на место *белого снежка* у Е. Евтушенко пришел тяжелый *Снег Снегович*:

Что же ты, Снег Снегович,
над Россией воешь?
Кровь ты засыпаешь,
думаешь, что скроешь?
Кровь сквозь снег алеет,
кровь не побелеет…
Когда себя Россия пожалеет?
[Евтушенко, 2000: 518]

Конечно, *снег* в евтушенковской поэзии разнообразен: он может быть без определения: «как олень *под снегом* ягель» [Евтушенко, 2000: 266], он может быть *белым* [Евтушенко, 2000: 419], *глубоким и чистым, застечиво-пушистым, пышным, красивым, свежим и блестящим* [Евтушенко, 2000: 140–141]; он может *идти, пуржить, буранить* [Евтушенко, 2000: 140]. Но особенность образа снега в поэтическом мире Е. Евтушенко заключается в том, что он в той или иной степени символичен. Даже в стихотворении «Третий снег» (1953) этот образ не лишен символического содержания, ибо приводит к катарсису, вызывает чувство очищения.

Как некий символ *снег* возникнет у Е. Евтушенко и в стихотворении «Идут белые снеги» (1965), и в поэме «Тринадцать». И каждый раз блоковский контекст будет оттенять глубинный смысл евтушенковского образа России, острую боль размышлений поэта над ее судьбой в лабиринтах истории, безуспешных поисков ответа на гоголевский вопрос. Не случайны в стихах Е. Евтушенко признания: «Я *запутал* себя и тебя», «…мир *запутался* тоже» [Евтушенко, 2000: 642], «Я друга *потерял* и *потерялся* сам» [Евтушенко, 2000: 519] и др. Лирический герой поэзии Е. Евтушенко ищет опору духа и находит ее, возвращаясь к тютчевской вере:

Вот Россия наша –
ты да я с тобою,
среди вьюг спасенные любовью.
Надо продержаться,
надо продышаться
и сквозь вьюгу,
и кольчугу
мерзлого окна.
Есть еще Россия,
да и мы живые,
да и мы живые,
и она,
вьюжная,
недужная,
но моя страна
[Евтушенко, 2000: 518].

Евтушенковский лирический герой убежден, что потерять веру в свою страну невозможно:

Как же я в Россию разуверюсь,
если в ней поруганная ересь,
классикой становится везде.
«Похороны Окуджавы» (1997) [Евтушенко, 2000: 480].

Итак, диалогичность поэзии Е. Евтушенко очевидна, но очевидно и то, что до 1990-х гг. она была несколько иною, чем после них. Сначала евтушенковская диалогичность означалась добавлением каких-то новых оттенков в существующие мотивы. Допустим, если М. Лермонтов говорил о своей *странной любви* к Отчизне, то отзвуки такой любви, но в другой эпохальной инструментовке можно найти и в «Братской ГЭС», и в поэме «Казанский университет». Лермонтовское прощание *с немытой Россией* и *послушным голубым мундирам народом* невольно приходит на ум вместе со строчками из отрывка поэмы «Ивановские ситцы» (1976) и стихотворения «Лоскутное одеяло» (1993):

Государство, я тебя любить старался,
и хотел тебе полезным быть всерьез,
но я чувствовал, что начисто стирался,
если слушался тебя, как палки пес.
Государство, ты – холопство и боярство,
царство лести, доносительство, вражда.
Чувство родины и чувство государства
У холопа не сольются никогда.
«Ивановские ситцы» [Евтушенко, 2000: 448]

В отличие от М. Лермонтова, с которым Е. Евтушенко созвучен, поэт акцентирует внимание на конфронтации таких понятий, как *чувство родины* и *чувство государства*. Горячо любя Россию, евтушенковский лирический герой становится в оппозицию к ее существующему государственному устройству для того, чтобы сохранить в человеке личность, возможность для него проявлять свою индивидуальность во всем, в том числе и в творчестве.

Отличительным является и то, что в стихотворении «Лоскутное одеяло» возникает – вместе с мотивом жажды свободы – мотив тревоги за само существование России, все больше усиливающийся в поэзии Е. Евтушенко в 1990-х гг.

Империя, прощай!
Россия здравствуй!

Россия, властвуй –
только над собой.
<…>
Я так хочу
под пенье поддувала
прижаться к бабушкиному локотку,
чтобы она Россию вновь сшивала
по лоскутку,
по лоскутку…
«Лоскутное одеяло» [Евтушенко, 2000: 100].

Стихотворение «Лоскутное одеяло» и еще больше «Танки идут по Праге», включенные реципиентом в контекст пушкинского «Клеветникам России» (1831), обнажают острые моменты в русском сознании и заставляет размышлять над конфликтными реалиями нынешнего дня. Дело не только в конкретном содержании каждого отдельного произведения, но и в том, какие интенции они вызывают, будучи поставленными в один ряд в новых исторических условиях.

Однако диалог – интертекстуальзация усиливает его – между произведениями Е. Евтушенко и классиков развивается все еще в рамках единомыслия, хотя есть и существенные разногласия между ними. Чтобы представить усиление поля напряжения русской мысли, достаточно сопоставить строки, образующую парадигму: «Прощай, немытая Россия» и «Империя, прощай! // Россия здравствуй!»; «Иль русского царя уже бессильно слово? // Иль нам с Европой спорить ново? // Иль русский от побед отвык?» и «Россия, властвуй – // только над собой…».

В таких же отношениях находится диалог между произведениями Е. Евтушенко и В. Маяковского. Если В. Маяковский высказал как заветную мечту – *жить без Россий и Латвий единым человечьим общежитием,* – то Е. Евтушенко, не меньший интернационалист, тут не согласен со своим кумиром, ибо для него Россия – дом, без которого он себя не мыслит:

Пусть она позабудет
про меня без труда,
только пусть она будет
навсегда. Навсегда.
<…>
Быть бессмертным не в силе,
Но надежда моя:

если будет Россия,
значит, буду и я.
«Идут белые снеги» [Евтушенко, 2000: 419–420].

Резкий перелом в характере диалога с поэзией начала XX в. у Е. Евтушенко обнаруживается в поэме «Тринадцать», стихах «Дорога до дому» (1955), «Как Россия разоблачилась!» (1998) и др.

Как Россия разоблачилась!
Если катящейся вниз,
коммунизма не получилось,
не получится капитализм
[Евтушенко, 2000: 521].

Поэма «Тринадцать», созданная Е. Евтушенко сразу после распада СССР, начинает свою полемику с началом XX в. уже с названия, которое путем ассоциаций адресует реципиента прежде всего к поэмам А. Блока «Двенадцать» (январь 1918) и В. Маяковского «Облако в штанах» (1914–1915), где есть образ тринадцатого апостола:

И новым рожденным дай обрасти
пытливой сединой Волхов,
и придут они –
и будут детей крестить
именами моих стихов.

Я, воспевающий машину и Англию,
может быть, просто
в самом обыкновенном евангелии
тринадцатый апостол
[Маяковский, 1978, I: 243].

Особенный характер интертекстуализации выявляется уже во взаимотношении заглавия с основным текстом.

Выбор не случайный. Во-первых, эти поэмы, взятые за *единый текст,* представляют собой две его части: первая – «Облако в штанах» – **пророчество**: «*в терновом венце революций // грядет шестнадцатый год*» [Маяковский, 1978, I: 118]; вторая – «Двенадцать» – **сбывшееся пророчество**: «*Революционный держите шаг! // Неугомонный не дремлет враг!*» [Блок, 1961: 421]. У В. Маяковского – **призыв** к борьбе (*Идите!)*; у А. Блока – **повествование** о борьбе (*пошли*). В. Маяковский выступает как глашатай, А. Блок – как нарратор (в определенных частях поэмы).

В. Маяковский. «Облако в штанах»	А. Блок. «Двенадцать»
Идите, **голодненькие**, потненькие, покорненькие, закисшие в блохастом гря́зненьке! Идите! Понедельники и вторники **окрасим кровью** в праздники! (Здесь и далее выделено мною. – *Л. О.*) [Маяковский, 1978, I: 241].	Как **пошли** наши ребята В красной гвардии служить – В красной гвардии служить – Буйну голову сложить! Эх ты, **горе-горькое**, Сладкое житье! **Рваное пальтишко**, Австрийское ружьё! Мы на горе всем буржуям Мировой **пожар раздуем**, Мировой пожар **в крови** – Господи, благослови! [Блок, 1961: 117].

Очевидно, что в произведениях обоих поэтов интенсиональные поля соприкрасаются: 1) *голодненькие*, *горе-горькое*, *рваное пальтишко*; 2) *окрасим кровью*, *пожар раздуем… в крови…* И тот, и другой текст используют библейскую лексику с лексикой сниженной: *площадной сутенер*, *жирный* человек, *растопыренный* глаз, *высморкал* и т. д. (В. Маяковский); *кабак*, *керенки … в чулке*, *сукин сын*, *Святая Русь – кондовая*, *толстозадая*, *блудить*, *холера* (здесь бранное), *подлец* и т. д. (А. Блок).

Поэмы «Облако в штанах» и «Двенадцать» – это изначальная сторона парадигмы, а ее вторую часть составляют такие, например, строки из поэмы «Тринадцать»:

Над «Белым домом»
трехцветный флаг.
Идут **тринадцать** работяг.
Один мордатый,
один худой.
Один поддатый,
хотя седой
[Евтушенко, 2000: 488].

Ср: ***Идут двенадцать*** *человек* (А. Блок) – ***Идут тринадцать*** *работяг* (Е. Евтушенко). Идентичность синтаксических блоковских конструкций, строфики В. Маяковского, сочетание сакральной лексики с профанной – все это говорит о том, что Е. Евтушенко использовал *переделки* как один из основных приемов для выражения диалогичных отношений со своими предшественниками.

Парадигматический характер всей конструкции выдерживается и в эпиграфах, одной стороны, ахматовское: «*Любит,* ***любит кровушку*** //

Русская земля», а с другой – из современного фольклора: «*Пусть всегда будет водка*, // *колбаса и селедка*, // *молоко и кефир*… // *Вот тогда будет мир*!» И заглавие поэмы «Тринадцать», и эпиграф из А. Ахматовой, и последующее обращение Е. Евтушенко к разным текстам, которые вошли структурообразующим элементом в ткань его произведения, говорит о том, что поэт, ведя диалог с началом XX в., не отделяет его от глубинных эпох русской истории и культуры. Такой эффект достигается не квазицитацией, не реминисценциями, не аллюзиями – они только указатели на *интертекстуальность*, то есть на межтекстуальные связи. Е. Евтушенко принадлежит к тем художникам, которые превратили *интертекстуальность* в основной прием, создающий возможность открыто вступить в *диалог* с началом века и читателю, который должен обратить внимание не только на словесно выраженные смыслы, но и на смыслообразующие функции организации строфы:

А. Блок

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни.
Кругом – огни, огни, огни.

В зубах – цигарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
тра-та-та!
[Блок, 1961: 415].

<…>
…Так идут державным шагом –
Позади – голодный пес,
впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой невиди́м,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Впереди – Исус Христос
[Блок, 1961: 430].

Е. Евтушенко

Идут тринадцать работяг.
Что впереди?
Опять Гулаг?
Вся Русь,
где столько казнено, –
на Лобном месте казино.
Словно заплатки на портки
кругом ларьки,
ларьки,
ларьки.
Что позади?
Цари,
царьки,
самая в мире лучшая
проволока колючая,
палачи,
Салтычихи,
стукачи,
стукачихи,
политбюрошные
почти в похожести нарошные,
вожди…
Неужто это и впереди?
Кругом сплошная макдональдизация…
Не пропади,
нация!
Свобода, свобода,
и даже с крестом,
но разве с Христом?
[Евтушенко, 2000: 496].

При сопоставлении – а это один из основных приемов Е. Евтушенко – картин бытового и исторического пространства России в «Двенадцати» с его образом в поэме «Тринадцать» XX в. предстал веком неоправданных надежд. Мечта не только французской, но и русской революций выражалась в девизе: *Братство, Равенство и Свобода*. Социалистическая революция обещала землю крестьянам и мир народам. Конец XX в. показывал, что ничего из обещаний реализовано не было. Отношения *Братства* нарушали *стукачи* и *стукачихи*, которых расплодила система и стараниями которых отправлялись ближние в ГУЛАГ. На размышления об отсутствии реального *Равенства* наталкивает фраза в начале 2-й главки поэмы «Тринадцать»: *Идут тринадцать* ***работяг***, – ассоциативно напоминая блоковскую: *Идут двенадцать* ***человек***. Возникшая благодаря ассоциациям парадигма ***человек – работяга*** свидетельствует, что идею воплощения *Равенства* в жизнь, ради чего было пролито столько крови в начале XX в., к концу его осуществить не удалось. Это же можно сказать и о Свободе. Недосягаемость ее Е. Евтушенко объясняет тем, что *«нет свободы выше человека»* («Не жди свободы лучше человека»). Подлинная *Свобода* наступит только тогда, когда человек станет человеком, изжившим в себе холопство:

Не жди свободы лучше человека
И человека лучшего не жди,
А стань им сам! Не лезь ни в челядь «верха»,
Ни в челядь верхней челяди – вожди
[Евтушенко, 2000: 520].

Чтобы все это выразить, Е. Евтушенко необходимо было изменить ракурс видения российского пространства, что осуществляется с помощью интертекстуализации дискурса. У А. Блока изображено – направление взгляда *горизонтальное* – безграничное пространство России, охваченное революцией, что подчеркнуто строфикой: *Кругом – огни, огни, огни.* В этом пространстве *Огонь* разрывает *Тьму*, образ которой возникает в связи со словом *черный*. ***Черный*** символизирует отсутствие ***Света***, непроглядность; ***Огонь*** – ***Свет***, наступающий ***на Тьму***, рассеивающий ее. Е. Евтушенко намеренно повторяет синтаксическую конструкцию блоковской фразы, но изменением строфики направляет взгляд *вертикально* вниз, говоря этим о падении общества со ступеньки на ступеньку:

кругом
ларьки
ларьки
ларьки
↓

Эти мысли дополняются опасениями, глубокой тревогой за Россию евтушенковского лирического героя, обращающегося к грядущему столетию в стихотворении «Двадцать первый век»:

Двадцать первый, а вдруг ты – барыга
И умеешь лишь деньги листать?
[Евтушенко, 2000: 644].

Интересно у Е. Евтушенко видение *Свободы* в конце XX в. Она почти такая же, как у А. Блока, поэтому снова через парафразу обращено внимание на текст «Двенадцати». Но блоковский образ *Свободы* проходит определенные стадии своего развития. Возникшая как анархия: свобода *без креста* (усечение от известной поговорки *«Креста на нем нет»*) – и подчиняясь дисциплине: *идут державным шагом, Свобода* устремляется к идущему впереди Христу, символизирующего собой, на наш взгляд, торжество высоких моральных общечеловеческих ценностей. У Е. Евтушенко этих стадий нет. В поэме «Тринадцать» блоковскую строфу: *свобода, свобода* – вдруг! – врывается возглас удивления: *и даже с крестом*. Но тут же удивление переходит в недоуменное: *но разве с Христом*? Смысл сказанного окончательно прояснится, если обратить внимание на заключительную строфу стихотворения «Не жди свободы лучше человека»:

Свобода по заслугам нас надула.
Как слепок человека, на века
свобода сука и свобода дура
убийцы, вора или дурака
[Евтушенко, 2000: 520].

Особенность евтушенковской художественно-философской мысли заключается в ее направленности не в прошлое, а в будущее. Его оппозиционность по отношению к призывам в поэме «Двенадцать» – не ревизия, а размышление над выбором действий. И прежде всего нужно предотвратить *распроклятую войну гражданскую* [Евтушенко, 2000: 520]. Парафразы строф из поэмы «Двенадцать» призваны вызывать в памяти блоковский образ революции и одновременно предостеречь от необдуманных шагов:

Не на горе всем буржуям,
а, вконец спалив страну,
неужели мы раздуем
вновь гражданскую войну?

Мировой пожар в крови…
Господи,
останови!
[Евтушенко, 2000: 514]

Отсюда: «Революционный не нужен шаг» – «Эволюционный держите шаг» и

Твой, Россия,
лучший выбор –
если выберешь
Христа
[Евтушенко, 2000: 513].

Но не только оппозиционностью характеризуется диалог двух поэтов: евтушенковский образа Христа проясняет и глубинный смысл завершающих строк поэмы «Двенадцать», и мысль / ответ А. Блока, что иного конца он не видит, усиливая и то, и другое. А сам XX в. – в трагедии своей – осознан поэтом для России как переломный и судьбоносный. Чтобы решить эту задачу, Е. Евтушенко элиминировал в подтекст многие художественные концепции произведений разных искусств, в том числе и кино, и фольклора, ибо диалог с началом XX в., со всей русской – и не только – культурой того времени возможен только в условиях *полифонии*. Но при всем этом «Тринадцать» – это принципиально не постмодерн, который, по мысли самого поэта, направлен на разрушение классики [Половец], а историософская поэма. Интертекстуализация призвана была выразить трагедию крушения надежд.

Анализ поэмы «Тринадцать» показывает, что *интертекст* в ней представлен, по крайней мере, в пяти важнейших ипостасях, взаимодействующих между собой: 1) как основной способ и вид организации текста (В. Руднев); 2) как структурный прием (М. Пфистер); 3) как присутствие в повествовании легко узнаваемого текста (А. Зверев); 4) как способ генезиса собственного текста и постулирования собственного «Я» (Н. Фатеева) и 5) как миросознание человека (И. Ильин). Все это говорит об определенной ограниченности существующих определений *интертек-*

ста, что, в свою очередь, скорее указывает на ракурс его изучения, чем на полную характеристику его как явления. И это необходимо учитывать при анализе каждого конкретного случая.

В завершение следует добавить, что изучение *интертекстуализации* требует новых ракурсов. Здесь укажем лишь на один из них: на наш взгляд, для литературоведения актуальным является проблема – *перевод как текст, обладающий признаком интертекстуальности*, которая в настоящее время разрабатывается в лингвистике Ю. Алексеевой [Алексеева, 2014], Г. Денисовой [Денисова, 2003] и др. Но лингвистического подхода недостаточно, нужен и литературоведческий. Это необходимо не только с точки зрения науки, но практики, т. е. для усовершенствования вузовской подготовки филологов.

То, что к проблеме *интертекста* и *интертекстуальности* обращены взоры виднейших исследователей, в том числе таких, как Р. Ныч [Нич, 2007], свидетельствует о многоаспектности по значимости и разновекторности по своей функции этого явления, а поэтому любое его определение не может исчерпывающим. Даже понимание Ю. Кристевой, высказанное в работе «Революции поэтического языка» (1974): *интертекст* является *не подражанием и не воспроизведением, а транспозиц*ией, – тоже диалогично по своей сути, что безусловно стимулирует дальнейшее его научное осмысление.

Список литературы

Алексеева Ю. М. Перевод как интертекстуальное образование // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 4 (28). С. 26–34 (то же: http://www.rfp.psu.ru/archive/4.2014/alexeeva.pdf).

Астрахан Н. Буття літературного твору: Аналітичне та інтерпретаційне моделювання. Київ, 2014. 432 с.

Барт Р. Избр. работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр.; Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 1989. 615 с.

Барт Р. Текст (теория текста) / Пер. Г. К. Косикова // Encyclopaedia universalis. 1973.

Блок А. Двенадцать // Блок А. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т. 2. М., 1961. С. 411–430.

Блок А. Дитя Гоголя // Блок А. Избранное: Стихотворения. Поэмы. Театр. М., 1980. 380 с.

Богданова О.В. Современный взгляд на русскую литературу XIX – начала XX вв. СПб., 2016. 388 с.

Бураго С.Б. Набег язычества на рубеже веков. Київ, 2013. 672 с.

Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М., 2003. 298 с.

Денисова Г.В. Интертекстуальность и семиотика перевода // Текст. Интертекст. Культура. М., 2001. С. 112–128.

Дзик Р. Парадигма письменник як актуальна літературознавча категорія // Питання літературознавства. 2012. Вип. 86. С. 3–17.

Евтушенко Е. Стихотворения. Поэмы. М., 2000. 672 с.

Зверев А.М. XX век как литературная эпоха // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. М., 2002. С. 6–46.

Илунина А.А. Интертекстуальность и ее идейно-художественные функции в романах Роберта Ная «Фальстаф», «Странствие «Судьбы»», «Г-жа Шекспир: полное собрание сочинений» и «Покойный г-н Шекспир»: Дисс. … канд. філол. наук. Київ, 2007. 200 с. http://www.dissercat.com/content/intertekstualnost-i-ee-ideino-khudozhestvennye-funktsii-v-romanakh-roberta-naya-falstaf-stra.

Ильин И.П. Постмодернизм: от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа. М., 1998. 255 с.

Киселева Л.Ф. Пушкин в мире русской прозы XX века. М., 1999. 362 с.

Кристева Ю. Избр. труды. Разрушение поэтики / Пер. с франц. М., 2004. 656 с.

Маяковский В. Собр. соч.: В 12 т. М., 1978.

Нич Р. Світ тексту: постструктурализм і літературознавство / Пер. з польськ. О. Галевич. Львів, 2007. 316 с.

Оляндэр Л. Текст как чужое слово в структуре нового художественного целого (на материале поэмы Е. Евтушенко «Тринадцать») // Герменевтика тексту: між істиною і методологією. Дрогобич, 2000. С. 161–168.

Пушкин А. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1950–1951.

Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008. 240 с.

Руднев В.П. Интертекст // Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М., 1997. С.113–118.

Словарь А–Я = Словарь литературоведческих терминов. slovar.lib.ru/dictionary/seteratura.htm.

Половец А. Евгений Евтушенко. Сорок лет спустя, и потом... / Из цикла «Беседы». www.bulatfund-usa.com/index.php/our-fund/...of.../44-2015-01-07-19-41-06.

Тютчев Ф. «О вещая душа моя…»: Стихотворения. Переводы. Размышления о поэте. М., 1995. 496 с.

Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. 2-е изд., испр. М., 2006. 280 с.

Хализев В.Е. Неавторское слово. Литература в литературе // Теория литературы: Учеб. для вузов. 3-е изд. М., 2004. С. 261–275.

Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. 464 с.

Сведения об авторе: Оляндэр Луиза Константиновна, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой истории зарубежной литературы Восточноевропейского национального университета им. Леси. Украинки (Луцк, Украина). E-mail: olk32@ukr.net.

О.Е.Фролова

Мотив смерти в повести А.Платонова «Котлован»

В статье рассматривается мотив смерти в повести А. Платонова «Котлован». С помощью Национального корпуса русского языка показана частотность единиц, формирующих семантические поля *жизнь* и *смерть*, их близость и взаимосвязь в тексте. Семантическое поле *смерть* представлено однокоренными словами *умереть*, *смерть*, *мертвый*, а также несколькими лексическими единицами той же тематической группы: *скончаться*, *могила*, *гроб*, *хоронить*, *труп*. Мотив смерти обнаруживает сложное устройство и представлен на нескольких уровнях: сюжетном, модусном, дескриптивном и дискурсивном.

Ключевые слова: мотив, предикат, структура мотива, эксплицитные и имплицитные средства выражения, глагол, существительное, прилагательное, термин, истощение телесности.

In the article the motive of death in A. Platonov's story "The Pit" is considered. With the help of the Russian National Corpus the frequency of units that form the semantic fields "life" and "death", their proximity and interrelation in the text are shown. The semantic field "death" is represented by the same root words *to die*, *death*, *dead*, and also by several lexical units of the same thematic group: *grave*, *coffin*, *bury*, *corpse*. The motif of death reveals a complex structure and is represented on several levels: plot, modus, descriptive and discursive.

Keywords: motive, predicate, motive structure, explicit and implicit means of expression, verb, noun, adjective, term, body exhaustion

Традиционно термином *мотив* оперируют литературоведы, определяя его как «простейшую содержательную (смысловую) единицу художественного текста в мифе и сказке» [Чудаков, 1967: 995]. В «Краткой литературной энциклопедии» указывается, что комбинация мотивов формирует сюжет (см. [Веселовский, 1940]). Вместе с тем частое обращение к данному термину привело литературоведов к осознанию нечеткости его границ, что побудило В.Я.Проппа уже в 1920-е гг. для анализа волшебной сказки предложить терминологическую замену. Рассматривая сюжет, Пропп выделил постоянные и переменные величины: к первым были отнесены названия и атрибуты действующих лиц, а ко вторым их действия, которые и получили наименования *функций*. Пропп пишет: «Функции действующих лиц представляют собой те составные части, которыми

могут быть заменены мотивы Веселовского или элементы Бедье» [Пропп, 1928: 29]. Если пытаться установить лингвистические корреляции литературоведческих терминов, мотив соотносим с предикатом. Для Проппа функция – прежде всего акциональный предикат.

Анализу и интерпретации мотивов в текстах А.Платонова посвящен ряд работ: [Злыднева, 2006], [Исупов, 1993], [Проскурина, Борисова, 2014], [Радбиль, 1998], [Рясов, 2014], [Толстая, 2002]. Отмечаются мифологическая природа мировосприятия Платонова, характеризующаяся взаимопроникновением природного и социального, мотивы болезни, ветхости. В работе [Проскурина, Борисова, 2014] специально исследуется мотив смерти и обращено внимание на частотность «мортальных ситуаций», отсылки к апокалипсису и мотив предчувствия катастрофы.

Мы намереваемся рассмотреть мотив смерти в повести А. Платонова «Котлован». С. Никольский видит в смерти главную тему творчества писателя: «Большая проза Платонова – реалистическая фантасмагория, повествующая о жизни в царстве смерти. Вся она – репортажи об умирании, фактах смерти, жизни мертвых – написаны мертвецом и на языке мертвых… <…> Андрей Платонов создает особый прецедент. Он анализирует не просто мертвое или живое, а “мертвое живое”. Предмет объединяет в себе оба начала, тем самым снимая вопрос о естественной оппозиции» [Никольский, 2014: 214, 219].

Оговоримся: выбранный нами аспект касается авторского осмысления и конструирования мотива, а не вопросов поэтики и стиля А. Платонова, чему посвящены многочисленные работы (см. [Дмитровская, 1998], [Дооге, 2007], [Кобозева, Лауфер, 1990], [Левин, 1998], [Радбиль, 1998], [Толстая, 2002], [Цветков, 1983]). Поэтика и стилистика Платонова описывались как сложно организованные языковые аномалии, пронизывающие текст от низших до высших уровней, взаимосвязь избыточности и компрессии, экспансия общественно-политической лексики.

Онотологическая, философская, физиологическая стороны смерти, сложно переплетаясь, присутствуют на разных уровнях платоновского текста. Характеру этой связи живого и мертвого мы намереваемся посвятить нашу работу. Нас интересуют референциальная и семантическая стороны смерти, отраженные в повести А. Платонова.

Для достижения поставленной цели нам необходимо: а) доказать наличие такого мотива в тексте; б) описать средства его выражения; в) показать, каким образом происходит активизация значения слова в рамках интересующего нас мотива.

В своем анализе материала мы будем опираться на различные методы: интроспекция, контекстный анализ, анализ лексикографических источников, а также методы корпусной лингвистики.

Во-первых, обратимся к лексикографическим источникам времени создания повести. Значение слова *смерть* толкуется в Словаре Д.Н. Ушакова как «1. Прекращение жизни, гибель и распад организма. *Насильственная с. Естественная с. Легкая, тяжелая с. Скоропостижная с. Примешь ты смерть от коня своего.* Пушкин. *С рассветом глас раздастся мой, на славу иль на смерть зовущий.* Рылеев. *Двум смертям не бывать, а одной не миновать.* Пословица. *На миру и смерть красна.* Пословица. || *перен.* Гибель, прекращение, уничтожение (*книжн.*). *Социализм несет с. Капиталистическому миру.* 2. *в знач. нареч., только ед., со словом* «как» *или без него.* Очень, в высшей степени, чрезвычайно (*разг. фам.*). *С. как хочется пить»* [Ушаков; 1996, IV: 298]. Д.Н. Ушаков отмечает как отдельное метафорическое значение интенсификатора. Что касается более широкого толкования семы ‘прекращения жизни’ – как ‘прекращения существования’, семантический перенос описывается не как отдельное значение, а как его оттенок в первом, буквальном значении. Между тем при переносе ‘прекращение существования’ распространяется на более широкий круг объектов. Это обстоятельство представляется нам важным, поскольку именно фигуративное значение свидетельствует об универсальности смерти как разрушения для всех существующих в мире живых и неживых объектов, а также для самой вселенной.

Доказательство присутствия того или иного мотива в тексте можно получить, анализируя сюжет как более высокий уровень текста, а также ненормативную платоновскую сочетаемость как низший уровень текста.

Связь низших уровней текста с высшими в прозе Платонова была описана Е. Толстой [Толстая, 2002] с опорой на концепцию Ю.Н. Тынянова «тесноты стихового ряда». «Концепция эта оперирует понятием стихотворной строки как единства, внутренне связанного многими средствами организации и способного подчинять своим законам материал, попадающим внутрь него» [Толстая, 2002: 229].

Выявить наличие мотива смерти и специфику платоновской сочетаемости в рамках данного семантического поля можно с помощью Национального корпуса русского языка. В НКРЯ мы задали в качестве подкорпуса повесть «Котлован», что позволило проследить частотность употребления интересующих нас слов. В качестве единиц поиска задавались антонимичные слова-стимулы *жизнь* / *смерть*, *жить* / *умирать*,

умереть, а также единицы, образующие семантическое поле *смерти*: однокоренные лексические единицы и слова данной тематической группы. Выбор именно таких единиц был обусловлен тесной связью мотивов *жизни* и *смерти*. Были получены следующие результаты: *жить* 114, *жизнь* 121, *живой* 26, *умереть* 45, *погибнуть* 19, *скончаться* 9, *умирать* 8, *погибать* 1, *убить* 6, *убивать* 2, *ликвидировать* в значении ‘убить’ 9 употреблений, *хоронить* 1, *смерть* 12, *мертвый* 47, *гроб* 40, *кость* 25, *прах* 8, *могила* 5, *гибель* 3; *труп* 1, *кладбище* 1, *похороны* 1 употребление.

Эти данные свидетельствуют не только о наличии мотива *смерти* в тексте, но и его взаимодействии с мотивом *жизни*, на что указывает высокая частотность второго существительного, которое в «Котловане» контекстно связано с именами: *смысл*, *истина*, *план*, *будущий*, *новый*.

Осмысление смерти принципиально антропоцентрично. Мотив смерти не линеен и выражен в сюжете «Котлована» на нескольких уровнях: сюжетном, модусном, дескриптивном и дискурсивном. Предикаты смерти требуют актантов, выраженных личными существительными, существительными с предметным значением, называющими природные объекты или артефакты, которые обнаруживают связь с переходом от жизни к смерти и включены в ритуальные действия.

Сюжетный уровень представляет собой цепь ситуаций, в которых меняется состояние персонажа или он совершает какие-либо действия, лишая кого-либо жизни. Модусный уровень показывает, как персонаж описывает смерть в устной или письменной речи, воспринимает и осмысляет ее. Дескриптивный уровень позволяет выявить описания смерти и ситуации, в которых сравнение со смертью служит способом изображения. Дискурсивный уровень предполагает включение в ткань текста единиц семантического поля *смерть*.

Сюжет повести строится на изображении жестокого раскулачивания крестьян (см. [Дужина, 2010]), умирают несколько персонажей: Юля, ее дочь Настя, рабочий Козлов, социалист Сафронов, погибает активист, проводящий коллективизацию в деревне, крестьяне, противясь обобществлению скота, забивают его. Естественная и насильственная смерть описывается с помощью глаголов *умереть*, *убить*, *убивать*, *ликвидировать*. Естественная смерть изображается как переход в новое состояние, обрыв связей с внешним миром, наступление одиночества и остановка времени, поскольку перестает меняться возраст человека (примеры 1, 2).

(1) *Чиклин дошел затем рукой до лица матери и наклонился к ее устам, чтобы узнать – та ли это бывшая девушка, которая целовала*

его однажды в этой же усадьбе, или нет. Поцеловав, он узнал по сухому вкусу губ и ничтожному остатку нежности в их спекшихся трещинах, что она – та самая.

– Зачем мне нужно? – понятливо сказала женщина. – Я буду всегда теперь одна. – И, повернувшись, ***умерла*** *вниз лицом* [Платонов, 2011: 454].

(2) *Женщина осталась лежать в том вечном возрасте, в котором* ***умерла:*** *32-х лет и 3-х месяцев* [Платонов, 2011: 458].

Пример 3 дает неожиданное осмысление естественной смерти как осознанного контролируемого действия, на что указывает наречие *лично*. Словосочетания *лично родиться*, *лично заболеть* и *лично умереть* парадоксальны и аномальны, так как субъект не может прилагать никаких усилий для изменения своего состояния. Словосочетание *лично умереть* сближается с устойчивым выражением *покончить жизнь самоубийством*.

(3) *Активист представил Чиклину, что этот дворовый элемент есть смертельный вредитель Сафронова и Козлова, но теперь он заметил свою скорбь от организованного движения на него и сам пришел сюда, лег на стол между покойными и* ***лично умер*** [Платонов, 2011: 480].

Уничтожение движимого имущества описывается в тексте с помощью глагола *ликвидировать* (подробно об этом глаголе ниже). Пример 4 не оставляет сомнений в интерпретации значения глагола.

(4) ***Ликвидировав*** *весь последний дышащий* ***живой инвентарь****, мужики стали есть говядину и всем домашним также наказывали ее кушать; говядину в то краткое время ели, как причастие, – есть никто не хотел, но надо было спрятать плоть родной убоины в свое тело и сберечь ее там от обобществления* [Платонов, 2011: 496–497].

Перейдем к модусному уроню, который мы понимаем вслед за Ш. Балли, как проявление субъективной стороны высказывания: речевой, модальной, перцептивной.

В устной речи и ощущениях персонажей отражается идеологизация смерти. Настя говорит с умирающей матерью о классовых причинах ее ухода и о безвестности, которая наступает в смерти:

(5) *– Мама, а отчего ты умираешь – оттого, что буржуйка, или от смерти?..*

– Мне стало скучно, я уморилась, – сказала мать. <…>

– Как ты только умрешь, то я никому не скажу, и никто не узнает, была ты или нет [Платонов, 2011: 453].

С одной стороны, в вопросе Насти смерть предстает не как универсальное, а как классовое явление, а с другой – смерть, как представляется девочке, ведет к безвестности.

Для Козлова смерть как подвиг получает положительную оценку и идеологическую ценность радостной жертвы, отсюда замена слова в конструкции *работать с энтузиазмом* на *умереть с энтузиазмом* (пример 6).

(6) *Козлов чувствовал внутри себя горячую социальную радость и эту радость хотел применить на подвиг и умереть с энтузиазмом* [Платонов, 2011: 454].

Для инженера Прушевского смерть предстает как закономерный результат изнурительного труда на благо будущего и своего рода вхождение в коллектив мертвых, в котором достигнуто полное равенство и человек полностью лишен индивидуальности. Смерть «выключает» сознание и уничтожает в человеке личностное начало.

(7) *Прушевский узнал удовлетворенье ,,,от того, что землекопы так же быстро истомят жизнь в котловане, как он сам* ***умрет****; ему лучше было видеть друзей* ***мертвыми****, чем живыми, чтобы затерять свои* ***кости*** *в* ***общих костях*** *и не оставить на поверхности земли ни памяти, ни свидетелей, – пусть будущее будет чужим и пустым, а прошлое покоится в* ***могилах*** *– в тесноте некогда обнимавшихся* ***костей****, в* ***прахе*** *сотлевших любимых и забытых тел* [Платонов, 2011: 470].

Инженер Прушевский воспринимает мир как постигаемый и понятный, что, с его точки зрения, омертвляет и опустошает его. Отсутствие сопротивления Прушевский также воспринимает как смерть. В примере 8 прилагательное *мертв* занимает позицию предиката. Данный фрагмент сочетает антропоцентричную точку зрения, а также антопоморфное или зооморфное представление о мире как о теле.

(8) *Весь мир он представлял* ***мертвым телом —*** *он судил его по тем частям, какие уже были им обращены в сооружения: мир всюду поддавался его внимательному и воображающему уму, ограниченному лишь сознанием косности природы; матерьял всегда сдавался точности и терпению, значит* ***—*** *он был* ***мертв*** *и пустынен* [Платонов, 2011: 422].

Напротив представления крестьянина о своем будущем после смерти совершенно иные: персонаж рассказывает о том, что произойдет с его телом и как продолжится его жизнь уже в растительном облике (пример 9).

(9) *Под кленом дубравным у себя на дворе, под могучее дерево лягу. Я уж там и ямку под корнем себе уготовил, – умру, пойдет моя кровь со-*

ком по стволу, высоко взойдет! Иль, скажешь, моя кровь жидка стала, дереву не вкусна? [Платонов, 2011: 464].

Время создания текста отражается в способах выражения мотива насильственной смерти, который реализуется с помощью глагола *ликвидировать*, обретающего в 1930-е гг. идеологические коннотации и выступающего как эвфемизм глагола *убить*. Показательны не толкования, а примеры Словаря Ушакова. *Ликвидировать* – «(*книжн.*). Произвести (производить) ликвидацию чего-н. *Л. трест. Л. неграмотность.* ***Л. оппозицию.*** *Л. неприятные последствия. Л. инцидент. Только Октябрьская революция поставила себе целью – уничтожить всякую эксплоатацию и* ***ликвидировать всех и всяких эксплоататоров и угнетателей***. Стлн. [Ушаков 1996, 2: 60]; *Ликвидация* – «[латин. liquidatio – окончание дела] «(*книжн.*). 1. Прекращение деятельности какого-н. торгового предприятия, связанное с подведением финансовых итогов и распределением остающегося имущества (торг. право). *Л. треста. Л. банка.* 2. Уничтожение, прекращение существования кого-чего-н. *Л. царского режима.* ***Л. кулачества как класса на основе сплошной коллективизации***. *Л. неграмотност*». [Ушаков, 1996, II: 59].

Как видим из лексикографического описания отглагольного существительного, первоначально его семантика была связана с ‘прекращением деятельности’, а уже вторым значением описывалось ‘уничтожение’. Заметим, что Ушаков помещает в рамки одного значение нетождественные семы, соотносимые с убийством – ‘уничтожение’ и со смертью ‘прекращение существования’.

Новая идиома *ликвидировать как класс* встречается в письме Насти (пример 10), в устных объяснениях Сафронова (пример 11), официальных документах, которые составляет активист (пример 12). Субъективное отношение персонажа к данной формулировке выражается в том, что устойчивое выражение включает параметр градуальности *не меньше, чем*, а чтобы соблюсти нормы официально-делового стиля, активист инвертирует выражение *ликвидировать как класс* в пассив (пример 12).

(10) Настя писала Чиклину: «***Ликвидируй*** *кулака* ***как класс****. Да здравствует Сталин, Козлов и Сафронов!»* [Платонов, 2011: 483].

(11) – *Мы же, согласно пленума, обязаны их* ***ликвидировать не меньше как класс****, чтобы весь пролетариат и батрачье сословие осиротели от врагов!* [Платонов 2011: 593].

(12) *Активист стал записывать прибывшие с Вощевым вещи, организовав особую боковую графу под названием «Перечень* ***ликвидирован-***

***ного насмерть кулаком как классом пролетариата**, согласно имущественно-выморочного остатка»* [Платонов, 2011: 514].

Невозможность замены устойчивого выражения *ликвидировать как класс* на *убить* значима для персонажей, поскольку Сафронов, как видно из его диалога с Настей, считает, что фразеологизм употребляется, только в случае массового уничтожения классового врага (пример 13).

(13) *– Два кулака от нас сейчас удалились.*

– Убей их пойди! – сказала девочка.

– Не разрешается, дочка: две личности это не класс...

– Да, – ответила девочка. – Это значит плохих людей всех убивать, а то хороших очень мало.

– Ты вполне классовое поколенье, – обрадовался Сафронов, – ты с четкостью сознаешь все отношения, хотя сама еще малолеток. <…> да мы и класс свой будем скоро чистить от несознательного элемента!» [Платонов, 2011: 465].

Проблема ответственности за насильственную смерть для другого персонажа повести Жачева не личная, а коллективная: убийца становится членом партийного тела – его *рукой.*

(14) *Далее Чиклин покойно дал активисту ручной удар в грудь, чтоб дети могли еще уповать, а не зябнуть. Внутри активиста раздался слабый **треск костей**, и весь человек свалился на пол; Чиклин же с удовлетворением посмотрел на него, будто только что принес необходимую пользу. <…> Жачев сейчас же … пощупал человека – насколько он цел.*

– Живой он? – спросил Чиклин.

– Так себе: средний, – радуясь всему факту, ответил Жачев. – Да это все равно, товарищ Чиклин: твоя рука работает, как партия, ты тут ни при чем [Платонов, 2011: 525].

Перейдем к дескриптивному уровню. Платонов описывает смерть холистически как факт и дискретно как процесс: во втором случае изображаются изменения и разложение тела. Здесь обнаруживается иерархическая структура мотива, конструируемого словами различных семантических классов.

В примере 15 описывается прекращение функций живого человека, в частности невозможность речи – *смолкший рот*, а также отсутствие реакций – *равнодушное, усталое тело.*

(15) *Настя хотя и глядела на Вощева, но ничему не обрадовалась, и Вощев прикоснулся к ней, видя ее открытый **смолкший рот** и ее **равнодушное, усталое тело**. Вощев стоял в недоумении над этим утихшим ребенком…* [Платонов, 2011: 533].

У Платонова описания тяжелого труда и смерти обнаруживают сходство в употреблении предметного существительного *кость*. Данное неодушевленное существительное включено в описания трех референциальных областей: изможденного трудом и недоеданием тела, наступления смерти, человеческих останков. У Ушакова *кость* – « 1. Отдельная составная часть скелета человека или животного. *Перелом кости. Подавился рыбьей костью.* || Твердое вещество, из к-рого состоит скелет (анат.). 2. *только мн.* Останки, тело умершего (поэт.). *Завещал он, умирая, чтобы на юг перенесли его тоскующие кости.* Пшкн. 3. *чаще мн.* Кубики с вырезанными на гранях очками, употр. для игры. 4. То же, что косточка в 3 знач. 5. Порода, происхождение (разг. ирон.). *Дворянская к. Белая к.* (дворянская)» [Ушаков 1996, I: 1486]. Платонов переходит от прямого значения к переносному, депоэтизируя его.

В примерах 14 и 16 тяжелый труд и смерть изображаются через *треск костей.*

(16) *Чиклин <…> начал разверзать неподвижную землю… пока не услышал, как* ***трескаются кости*** *в его трудящемся туловище* [Платонов, 2011: 533].

Пример 17 показывает переход от переносного к прямому значению слова, несмотря на то, что сначала не вполне понятно, в чем состоит просьба девочки, далее в тексте следует довольно пространное натуралистическое описание (пример 18), по прочтении которого не остается сомнений в референтном употреблении существительного *кость*.

(17) *– Нету твоей матери, – не радуясь, сказал Жачев. – От жизни все умирают – остаются одни* ***кости****.*

– Хочу ее кости! – попросила Настя [Платонов, 2011: 526].

(18) *Спичек у Чиклина не имелось, и он нашел женщину ощупью… Унести скелет целиком было трудно, тем более что скрепляющие хрящи давно завяли; поэтому Чиклину пришлось разломать весь скелет на отдельные кости и сложить их, как в мешок, в свою рубашку. В рубашке, после помещения туда всех костей, еще осталось много места, – настолько женщина была мала после смерти. Настя сильно обрадовалась материнским костям; она их по очереди прижимала к себе, целовала, вытирала тряпочкой и складывала в порядок на земляном полу* [Платонов, 2011: 530].

Из примера 18 не вполне ясно, описывается ли общение Насти с умершей матерью или своего рода детская игра.

Пример 19 объединяет сразу несколько лексических единиц, входящих в интересующий нас мотив: *смерть*, *кость*, *сотление*, *прах*, *тело*, *гниение*.

(19) *Мужик разинул рот и закричал от горя* ***смерти****, жалея свои целые* ***кости*** *от* ***сотления в прах****, свою кровавую силу тела от* ***гниения****, глаза от скрывающегося белого света и двор от вечного сиротства* [Платонов, 2011: 487].

Среди предметных имен, формирующих мотив *смерти*, и существительное *гроб*, называющее предмет, относящийся к ритуалу. Данное слово в «Котловане» включено в контексты, описывающие планируемое будущее. Приспособление же ритуального предмета под бытовые нужды, с одной стороны, лишает смерть таинственного ореола, а с другой, расширяет ее пространство (пример 20).

(20) – ***Гробы*** *тесовые мы в пещеру сложили впрок, а вы копаете всю балку. Отдай* ***гробы****! Чиклин сказал, что вчера вечером близ северного пикета, на само деле, было отрыто сто пустых* ***гробов****; два из них он забрал для девочки – в одном* ***гробу*** *сделал ей постель на будущее время, когда она станет спать без его живота, а другой подарил ей для игрушек и всякого детского хозяйства: пусть она тоже имеет свой красный уголок* [Платонов, 2011: 463].

На дескриптивном уровне Платонов также следует традиции изображения сна как смерти, что отражается и на языковом уровне в устойчивых выражениях *спать / заснуть как убитый*, *спать / заснуть мертвым сном*.

(21) *Внутри сарая спали на спине семнадцать или двадцать человек, и припотушенная лампа освещала бессознательные человеческие лица. Все спящие были худы, как* ***умершие****… Ситец рубах с точностью передавал медленную освежающую работу сердца – оно билось вблизи, во тьме* ***опустошенного тела*** *каждого уснувшего. Вощев всмотрелся в лицо ближнего спящего… Спящий* ***лежал замертво****, глубоко и печально скрылись его глаза, и охладевшие ноги беспомощно вытянулись в старых рабочих штанах* [Платонов, 2011: 420–421].

В данном фрагменте, описывающем сон рабочих, присутствует мотив истощения тела, выраженный сравнительным оборотом *худы, как умершие.* Неподвижное положение тела описывается конструкцией *лежал замертво*, которая обнаруживает близость к идиоме *упасть замертво*.

Теперь обратимся к дискурсивному уровню и проанализируем употребление единиц семантического поля *смерть*.

В «Котловане» прилагательное *мертвый* (47 контекстов) количественно значительно превышает употребление своего антонима (26 контекстов). Анализ позволяет выявить универсальность признака *мертвый*,

который в тексте относится к живым, антропоморфным и неантропоморфным объектам.

Применительно к неживой природе Платонов осуществляет подмену, называя ее *мертвой*. Атрибутивная позиции по отношению к разным существительным объединяет мир от растения (пример 22) до звездного неба (пример 24).

(22) *Полночь, наверно, была уже близка; луна высоко находилась над плетнями и над смирной старческой деревней, и* ***мертвые лопухи*** *блестели, покрытые мелким, смерзшимся снегом* [Платонов, 2011: 511].

(23) *От чуждости глины и сознания малочисленности своей артели Чиклин спешно ломал вековой грунт, обращая всю жизнь своего тела в удары по* ***мертвым местам*** [Платонов, 2011: 423].

(24) *Вощев, опершись о гробы спиной, глядел с телеги вверх – на звездное собрание и в* ***мертвую массовую муть Млечного Пути*** [Платонов, 2011: 471].

В «Котловане» обыграны устойчивые выражения *мертвым грузом* и *мертвый инвентарь*. Для подкорпуса текстов 1920–1930-х гг. НКРЯ фиксирует конструкции *лежать на чем-л, ком-л. мертвым грузом*, *остаться мертвым грузом*, *стать мертвым грузом*. В выражении *мертвый груз* Платонов возвращает существительному прямое значение ‘неживой’ (пример 25).

(25) *Сельские часы висели на деревянной стене и терпеливо шли силой тяжести* ***мертвого груза****; розовый цветок был изображен на облике механизма, чтобы утешать всякого, кто видит время* [Платонов, 2011: 453].

Применительно к номинациям материальных неживых объектов в тексте повести один раз употребляется словосочетание *живой инвентарь* и 5 раз – *мертвый инвентарь* (примеры 26–30).

(26) – *Нам не хватает* ***мертвого инвентаря****, народ свое имущество ждет. Мы те* ***гробы*** *по самообложению заготовили, не отымай нажитого!* [Платонов, 2011: 454].

(27) *Быть может, там была тишина дворовых теплых мест или стояло на ветру дорог бедняцкое колхозное сиротство с кучей* ***мертвого инвентаря*** *посреди* [Платонов, 2011: 455].

(28) *Чиклин и Вощев вышли с Оргдвора и отправились искать* ***мертвый инвентарь****, чтобы увидеть его годность* [Платонов, 2011: 485].

(29) *Члены колхоза сожгли весь уголь в кузне, истратили все наличное железо на полезные изделия, починили всякий* ***мертвый инвентарь*** *и с*

тоскою, что кончился труд и как бы теперь колхоз не пошел в убыток оставили заведение [Платонов, 2011: 521].

(30) *товарищу Вощеву буржуазия не оставила ведомости* ***всемирного мертвого инвентаря*** *и он живет в убытке и в такой смехотворности.* [Платонов, 2011: 441].

В контексте употребления прилагательного *мертвый* данное словосочетание прочитывается метафорически, однако исконно словосочетание *мертвый инвентарь* является термином, лишенным образности. Обратимся вновь к Словарю Д.Н. Ушакова. *Инвентарь* – «[латин. inventarium]. 1. Совокупность хозяйственных или других предметов, входящих в состав имущества какого-н. хозяйства, учреждения, предприятия. *Сельскохозяйственный и. Заводской и. Мертвый и.* (орудия, перевозочные средства, утварь, в противоп. скоту). *Живой и.* (рабочий и молочный скот). 2. Подробная и точная опись, реестр имущества (офиц.). *Составить и. Занести что-н. в и. Исключить из инвентаря что-н.*» [Ушаков, 1996, I: 1200].

Обращение к НКРЯ показывает, что термин *мертвый инвентарь* употребляется в ряде официальных документов и нехудожественныых текстов 1920–1930-х гг. и абсолютно лишен образных коннотаций (примеры 31–33).

(31) *Крестьянство смогло использовать заброшенные земли и оставшийся от первого периода живой и* ***мертвый инвентарь*** (*Марков А*. Советская действительность в изображении коммуниста Крумина // Дни. 1928) [НКРЯ].

(32) *Живой и* ***мертвый инвентарь*** *они получили тот, который в усадьбе был, по постановлению районных съездов земельных комитетов*. (*Махно Н.И.* Воспоминания. 1929) [НКРЯ].

(33) *Присмотревшись к степени обобществления средств производства в ТСОЗ, мы видим здесь следующее. Земля обобществлена, примерно, только наполовину,* ***мертвый инвентарь*** *в большинстве, рабочий скот в меньшей части; коровы и постройки почти совсем не обобществлены* [Сводка 1928].

В контексте платоновской повести словосочетание *мертвый инвентарь* активизирует образность. Этот случай обнаруживает сходство с феноменом тесноты стихового ряда, описанным Ю.Н. Тыняновым. Ю.Н. Тынянов писал: «оба… признака – единство и теснота стихового ряда – создают третий его отличительный признак – *динамизацию речевого материала.* Единый и тесный речевой ряд здесь более объединен и более стеснен, чем в разговорной речи…» [Тынянов, 1965: 67]. В прозе Плато-

нова явление «теснота стихового ряда» проявляется в том, что работают те же механизмы, как и в поэтическом тексте: благодаря высокой концентрации лексических единиц, принадлежащих семантическому полю *смерти* в выражении *мертвым грузом* активизируется прямое значении, а в устойчивом выражении *мертвый инвентарь* со стертой образностью она реанимируется и создает контекстное семантическое приращение фразеологизма.

Подведем итоги. Поиск по Национальному корпусу русского языка позволил выявить частотность употребления единиц семантических полей *жизнь* и *смерть*. В тексте присутствуют оба мотива, обнаруживающие связи между собой. Поле *смерть* более разнообразно по наполнению и включает слова: *смерть*, *мертвый*, *умереть*, *умирать*, *убивать*, *убить*, *могила*, *труп*, *гроб*, *ликвидировать*. Можно сказать, что в «Котловане» сама жизнь представлена как источник смерти. Мотив смерти сложно устроен и имеет несколько уровней: сюжетный, модусный, дескриптивный, дискурсивный. На сюжетном уровне показано раскулачивание и смерть персонажей. На этом уровне важнейшим средством выражения являются глаголы *умереть*, *убить* и их синонимы. Эвфемизмом и идеологизированным средством описания насильственной смерти выступает глагол *ликвидировать*, формирующий в 1930-е гг. социально-политические коннотации. На дескриптивном уровне Платонов следует давней литературной традиции, нашедшей отражение и в системе языка, – изображать сон как смерть, что зафиксировано во фразеологизмах *спать / заснуть как убитый*, *спать/ заснуть мертвым сном*, а также тяжелый труд как смерть, соотносимый с идиомой *смертельная усталость*. Существительные с предметным значением, частотные для семантического поля *смерть* и выступающие как актанты предикатов смерти – *кости* и *гроб*. При этом ритуальная сторона смерти Платонова интересует значительно меньше, чем онтологическая: неслучайно слово *похороны* упоминается в «Котловане» лишь однажды. Прилагательное *мертвый*, выступающее как атрибут и предикат отражает универсальность смерти, распространяющееся на живую и неживую природу. В тексте возвращены образные коннотации термину *мертвый инвентарь*, обозначающему ‘орудия, перевозочные средства, утварь’. Мотив смерти в «Котловане» описывает три типа ситуаций: а) событие – переход от жизни к смерти, выраженный глаголами *умереть*, *ликвидировать*; б) процесс перехода, выраженный глаголом *умирать*; а также в) состояние, выраженное прилагательным *мертвый*.

Список литературы:

Веселовский А.Н. Поэтика сюжетов // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940.

Дмитровская М.А. Макрокосм и микрокос в художественном мире А. Платонова. Калининград, 1998.

Дооге Б. Творческое преобразование языка и авторская концептуализация мира у А.П. Платонова. Гент, 2007.

Дужина Н.И. Путеводитель по повести А.П. Платонова «Котлован». М., 2010.

Зладнева Н.В. Мотивика прозы Андрея Платонова. М., 2006.

Исупов К.Г. Мифология смерти в прозе А. Плтонова // Вестник Челябинского гос. ун-та. 1993. Т. 2. № 1. С. 38–40.

Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму вербализации. // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990. С. 125–138.

Левин Ю.И. От синтаксиса к смыслу и далее: «Котлован» А. Платонова // Левин Ю.И. Избр. труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. *392–419.*

Никольский С.А. Живое и мертвое: Путешествие Андрея Платонова по царству смерти // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 210–220.

Национальный корпус русского языка: [Электронный ресурс]. http://search1.ruscorpora.ru/.

Платонов А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. Чевенгур. Котлован. М., 2011.

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Л., 1928.

Проскурина Е.Н., Борисова А.Б. Танаталогия ранней прозы А.Платонова// Сибирский филологический вестник. 2014. № 4. С. 51–60.

Радбиль Т. Б. Мифология языка Андрея Платонова. Н. Новгород, 1998.

Рясов А. Платонов: идеология, язык, бытие. [Рец. на кн.:] *Варламов А.Н.* Андрей Платонов. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 546 с. – 5000 экз. – (ЖЗЛ. Вып. 1294) // Новое литературное обозрение. 2012. № 113 (то же: http://magazines.russ.ru/nlo/2012/113/r44.html#_ftnref1).

Сводка материалов Отдела по работе в деревне ЦК ВКП(б) о выполнении решений XV съезда ВКП(б). Октябрь 1928 г. http://istmat.info/node/29536.

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1996.

Толстая Е.Д. Натурфилософские темы у Платонова // Толстая Е.Д. Мир-послеконца. М., 2002. С. 324–390.

Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. М., 1965.

Цветков А.П. Язык А.П. Платонова: Diss. University of Michigan. Michigan, 1883.

Чудаков А.П. Мотив // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 4. М., 1967. С. 995.

Сведения об авторе: Фролова Ольга Евгеньевна, докт. филол. наук, зав. лабораторией фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: olga_frolova@list.ru.

Л.А.Жданова

ВЛАСТЬ и *ЗАКОН* в русском языке и в картине социального мира

Слова *власть* и *закон* являются именами ключевых концептов русской языковой картины мира (ЯКМ), при этом концепт власти организует лексические общности разного порядка: от слов, непосредственно обозначающих властное отношение и его участников, до политической лексики в целом. Особенностью русской ЯКМ является взаимозависимость представлений о законе и власти, прежде всего связь между законом и субъектом власти: закон мыслится либо как властная сила (в том числе источник власти), либо как инструмент субъекта власти. Для русской ЯКМ характерно представление о должном – идеальном законе и идеальной власти, которые обладают характеристиками 'сила' и 'справедливость'; такая власть достается *по закону*, сама *следует закону* и следит за его *соблюдением.* Сублогические представления о законе и власти, проявляющиеся в сочетаемости слов, во многом совпадают или согласуются: *утверждать закон / власть, закон ограничивает власть* и под., ср. большое количество контекстов с деонтической модальностью. Представление о законе как инструменте власти, направленном против объекта власти (народа, общества, личности), широко представлено в проанализированной выборке и связано с отрицательной оценкой закона.

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, метафора, сочетаемость, власть, закон.

The words *power* and *law* are the names of the key concepts of the Russian language picture of the world (LPW), while the concept of power organizes lexical communities of different orders: from words directly denoting the power attitude and its participants, to political vocabulary in general. The peculiarity of Russian LPW is the interdependence of ideas about law and power, first of all the relationship between law and the subject of power: the law is thought either as an imperative force (including the source of power) or as an instrument of a subject of power. The Russian LPW is characterized by a notion of due – ideal law and ideal power, which have the characteristics of 'power' and 'law'; such power is achieved by law, it itself *follows the law* and *looks after its compliance*. Sublogical representations about the law and power, manifested in the compatibility of words, largely coincide or agree: *to approve the law / power*, *the law limits power* etc.; see a large number of contexts with deontological modality. The idea of the law as an instrument of power, directed against the object of power (people, society, personality), is widely represented in the analyzed sample and is associated with a negative evaluation of the law.

Key words: concept, language picture of the world, metaphor, compatibility, power, law.

Феномен власти активно изучается в разных гуманитарных науках, «некоторые специалисты говорят даже о возникновении нового направления исследований – кратологии» [Фролова, 2016: 179]. Предметом научного описания становились и так называемые «наивные», обыденные представления о власти и социуме в русской языковой картине мира (см. коллективную монографию [Власть в русской языковой и этнической картине мира, 2004] и другие работы). Такое внимание исследователей связано с высокой значимостью этого концепта. Как показано в [Жданова, 1996], концепт власти определяет моделирование общественно-политических отношений в русском языковом сознании, а также властного отношения вне зависимости от сферы его реализации, при этом концепт власти «проецирует на организуемые им лексические общности свои структурные особенности» [Жданова, 1996: 10]. Таким образом, изучение отраженных в языке представлений о социальной сфере невозможно без опоры на концепт власти. Продемонстрируем это на примере представлений о власти и законе в русской языковой картине мира (ЯКМ). Закон присутствует в разных сферах бытия, но в социальной он тесно связан с властью. Первая часть данной статьи посвящена концепту власти, а вторая – концепту закона в его соотношении с концептом власти.

I. Слово *власть* в широком смысле толкуется как «право и возможность распоряжаться кем-либо, чем-либо, подчинять своей воле» [Ожегов, 1990: 90]. В этой дефиниции отражены основные признаки, сличением с которыми конкретное отношение опознается именно как властное: наличие двух участников (субъекта А и объекта В), исходно неравноправных, наличие у участника А права и возможности (силы), а также намерения для осуществления властного отношения. Ср. лаконичное определение В.И. Даля: «*Власть* – право, сила и воля над чем» [Даль, 1981, I: 213].

Властные отношения распространяются как на личную (семейную) сферу (*власть родителей*), так и на разнообразные организации и структуры, в которых осуществляется жизнь общества (*власть начальника, банкира, монополий*). Важнейшей сферой действия властных отношений является государственно-политическое управление обществом. Эта сфера настолько значима, что в толковых словарях выделяется отдельное значение слова *власть* (*власть 2*): «право и возможность управления государством» [ССРЛЯ, II: 304]; «политическое господство, государственное управление и его органы» [Ожегов, 1990: 90]. Однако

власть 2 можно считать частным случаем, проявлением *власти 1* в конкретной сфере – в области государственно-политического управления. Это наиболее значимая сфера реализации властного отношения: при отсутствии в контексте конкретизаторов *власть* связывается именно с ней. Ср.: *Власть до настоящего времени сама еще не определилась, как ей поступить* vs. *Мать пыталась утвердить свою власть над сыном.*

Для концептуализации власти важна ориентационная «вертикальная» метафора. Вертикальная ось является значимой, поскольку отражает структуру властного отношения (‘верх’ соответствует субъекту власти, ‘низ’ – объекту власти) и создает то концептуальное пространство, в пределах которого существуют остальные метафоры власти. Вертикальная ориентация концепта власти проецируется на всю политическую лексику, каждая единица которой существует в заданной им системе координат, где субъект власти находится наверху, а ее объект – внизу.

Ориентационные метафоры являются одним из универсальных следствий проекции абстрактной сущности на эмпирически постигаемые явления. Многие базовые концепты организованы с помощью пространственных метафор: *счастье*, *здоровье*, *жизнь* ассоциируются в коллективном сознании с ‘верхом’, а *грусть*, *болезнь*, *смерть* – с ‘низом’ [Лакофф, Джонсон, 2004: 36–41]. Чаще всего сведения о пространственной ориентации концепта извлекаются из сочетаемости слов, важным является выбор предлогов. В случае же с *властью* противопоставление ‘верх’ / ‘низ’ не только проявляется этими способами (*власть над кем-либо, попасть, быть под властью, освободиться из-под власти, чувствовать над собой власть*), но и зафиксировано в значениях слов *верх* и *низ*[1] (*верхи и низы*). ‘Верх’ применительно к умопостигаемой сфере при отсутствии распространителей и уточняющих контекстов обычно связывается с властью в социальной сфере: *Наверху действуют те же люди, что и внизу*; *совершать путь наверх*; *стремительное возвышение*[2].

На сублогическом уровне власть – это объект отчуждаемой принадлежности (*У него есть власть; нет власти; власть принадлежит*)[3].

---

[1] *Верх* 6. только мн. Высшие, руководящие круги общества, государства [Ожегов, 1990: 80]. *Низ* 3. мн. В эксплуататорском обществе: непривилегированные классы и слои населения. 4. мн. широкие массы населения [Ожегов, 1990: 414].

[2] Почти все примеры взяты из СМИ, в том числе электронных, и словарей.

[3] Представление о субъекте власти как субъекте обладания генетически мотивировано, уходит в историю и, соответственно, этимологию: *власть*< *владеть* – «осуществлять право собственности в отношении чего-л., обладать чем-л. , управлять». Ср. укр. *влада* – ‘власть’ [Черных, 1993, I: 157].

Субстанция власти связана именно с физической сферой, мыслится в виде вычлененного из пространства компактного **предмета** с четкими границами, который может уместиться в руках и быть перемещаемым в пространстве (*взять власть в свои руки, передать из рук в руки, держать в руках, потерять*). Власть как предмет определяется относительно своего обладателя: это *его власть*, она *находится у него в руках*. Власть может быть объектом отношения «дать / взять», объектом приобретения / передачи / утраты, а также добычи и завоевания (*иметь, получить, дать, передать, потерять, захватить, сохранить, обрести власть*), объектом стремления и желания (*любить, добиваться, домогаться, жаждать, мечтать о власти*). Мотивацией подобных действий является представление об исключительной **ценности** власти.

Несмотря на то что власть мыслится как некий предмет – объект обладания, она может проявлять самостоятельность (*перейти, остаться*) и выступать как партнер, соперник, то есть как объект различных интерперсональных отношений. Власть имеет вес, обычно большой (*тяготит, довлеет, обременяет*), а также размеры, обычно большие (*огромная, большая, громадная*). Она может быть реальностью и проверяться на аутентичность (*реальная, фактическая, действительная, настоящая, подлинная*) или фикцией (*мнимая, иллюзорная, мифическая, призрачная, фиктивная*). Признаки ‘размер’ и ‘реальность’ коррелируют таким образом, что *реальная власть* является одновременно *большой*, а *призрачная – мизерной*. Власть может также квалифицироваться как деятельность (*приобрести опыт власти*), как состояние (*патология власти*), как вещество (обычно дурманящее): *опьянение властью, голова закружилась от власти.*

В первую очередь, однако, власть ассоциируется с твердым веществом (*прочная, твердая власть*), проверяемым на прочность и дробимым на осколки (*крепкая власть, наделять властью, делить власть, кусок власти*). Обладатель власти должен обеспечить ей опору и фундамент: *утвердить свою власть, устойчивая власть vs. расшатывать, подрывать власть*. Власть может измеряться количественно (*много, мало власти*). Однако власть представляется и как емкость (*полная, полнота власти*), содержимое емкости с параметром «объем» (*власть в полном объеме, каждый, у кого есть хоть капля власти, вся власть)*, субстанция, способная по воле субъекта власти изменяться в объеме (*распространять, сосредотачивать, сконцентрировать власть*). Власть может иметь протяженность в пространстве и в этом качестве иметь

границы (*предел, границы власти, ограниченная власть*) или быть *неограниченной, беспредельной*.

Для осуществления властного отношения необходимы дополнительные предпосылки, связанные с субъектом власти, но не имеет значения ‘согласие или готовность объекта власти подчиниться’. Если на понятийном, логическом уровне власть – это собственно отношение между субъектом и объектом, то для обыденной картины социального мира крайне важна субъектная валентность субстантива *власть*. Субъект отношения метонимически может быть обозначен словом *власть*[4].

Властное отношение имеет временную протяженность – начало и конец. Для ЛСВ имени *власть* ‘политическое господство, государственное управление и его органы’ характерна сочетаемость с атрибутами *существующая, нынешняя, старая, прежняя, будущая, следующая*, указывающими на преходящий характер власти. Кроме того, возможным оказывается существование *реального, настоящего* и *фиктивного, номинального* обладателей власти, один из которых обладает возможностью, но не имеет права на власть, и в таком случае для соблюдения законности способен *привести к власти* своих *ставленников*, номинальных субъектов власти (*Теневые структуры привели к власти своих людей*).

Представления, связанные со сменой власти, с претензиями на власть – с замещением позиции субъекта властного отношения, занимают значительное место в картине социального мира. «Властный сценарий» (повторяющаяся ситуация с несколькими обязательными участниками и этапами) включает потенциального субъекта власти, который *совершает путь наверх*; там (*наверху*) в результате борьбы или иным способом он *обретает власть* и затем *использует* ее как орудие / инструмент / сложный механизм (хорошо или плохо, эффективно или неэффективно) для достижения неких результатов в течение некоторого времени. По истечении этого времени (заранее определенного либо нет) он *власть теряет*, *передает, уступает, наследует, завещает* и т. п. другому потенциальному субъекту, совершающему свой *путь наверх.*

Структурные метафоры[5] *власти* как бы накладываются на вертикальную ориентированность, согласуются с ней и определенным образом соотносятся с этапами «властного сценария». Рассмотрим ряд метафор,

---

[4] *Власть* 2. Политическое господство, государственное управление и его органы. 3. мн. Лица, облеченные правительственными, административными полномочиями [Ожегов, 1990: 90].

[5] Используются термины, предложенные Дж. Лакоффом [Lakoff, Jonson, 1980].

при помощи которых вербализуются основные этапы «властного сценария».

‘Путь’ – *путь к власти, дорога к власти, идти, прийти, продвигаться, двигаться, подбираться к власти*. Метафора пути позволяет слову *власть* сочетаться в индивидуально-авторских употреблениях со многими глаголами движения / перемещения: *лезть, ползти, пробираться к власти, предвыборный марафон, погоня за властью*. Сама власть в данном случае выступает в виде некоего приза в конце пути и является его целью. В силу вертикальной метафоры *путь к власти* превращается в *путь наверх*, то есть в ‘восхождение’, ‘покорение вершины’, и реализует метафору ‘вершина горы’. Эта метафора представляет власть как локус и как предмет в нем. Оба представления могут сочетаться в одном контексте (*на властный Олимп взобрались многие «ученые мужи»...и не хотят ее* (*власть*) *отдавать*) или входить в мнимое противоречие (*удержать власть* и *удержаться у власти*). Позиция субъекта власти определяется как нахождение вблизи, рядом с этим местом или в нем (на нем): *быть у власти, находиться у власти, находиться наверху, на вершине власти, на властном Олимпе.* Для того чтобы *обрести власть* (‘оказаться на вершине’) потенциальный субъект должен *взобраться, подняться, совершить восхождение к власти, покорить высоты*. Так как желающих оказаться *на вершине власти* бывает много, претенденту приходится *завоевывать политические высоты*. Таким образом, стадия конкурентной борьбы претендентов в субъекты власти раскрывается преимущественно в терминах войны.

‘Война’ – *завоевание, захват власти, сражаться, бороться, борьба за власть*. Претендент может *одержать победу* или *потерпеть поражение, временно отступить или перейти в наступление*, имеет *сторонников, приверженцев* и *противников, соперников*.

Основным контрагентом претендента на власть является реальный ее обладатель. В случае успеха своих притязаний претендент *захватывает, узурпирует, завоевывает власть*, и тогда он *лишает* кого-либо *власти, скидывает* его с *места наверху*. Он может использовать помимо насильственного другие способы приобретения власти: действовать путем эквивалентного обмена (ситуация купли-продажи) и, таким образом, *приобрести* или *купить власть*, может ее *унаследовать, получить* от кого-либо согласно сложившимся порядкам (подобно другим ценностям). Со своей стороны реальный обладатель власти может ее *дать, доверить, предоставить, передать, завещать*, может действовать со-

знательно, но не принимая в расчет претендента (*отказаться*), наконец, может утратить ее против своей воли (*потерять, лишиться*). В рамках военной метафоры реальный обладатель власти может *защищать свою власть, маневрировать, укреплять свои позиции, обороняться*.

На этапе обретения претендентом власти актуализируется метафора ‘механизм’, поскольку субъект власти должен *воспользоваться, использовать власть* как некий инструмент для реализации своих полномочий. Субъект власти также может власть *употребить, применить*, может использовать ее *эффективно* либо *плохо, неэффективно*, из чего следует, что власть мыслится как средство достижения неких целей, общих как для субъектов, так и для объектов власти. Именно на этапе использования власти властное отношение начинает «работать», и в сферу его действия включается В – объект власти. Применительно к государственной власти в качестве объекта могут выступать *народ, общество, «мы все», человек, страна*, то есть индивид или совокупность индивидов, объединенных пассивной, «страдательной» позицией по отношению к субъекту власти. Именно на этапе использования власти В реализует свою функцию объекта властного отношения.

Власть предстает в виде достаточно сложного механизма, важнейшей частью которого являются *рычаги власти*. Этот механизм может *успешно функционировать, эффективно работать* либо *не работать, простаивать, пробуксовывать*. Властный механизм может быть *сломан*, однако его наличие и исправность представляются в коллективном сознании обязательными для обеспечения «нормального» положения дел (*мы должны начать отладку механизмов власти, на место сломанного не приходит ничего, никакого реального механизма власти, действенность власти*).

Перечислим основные метафоры, используя которые мы говорим о власти: ‘путь’, ‘вершина горы’, ‘война’, ‘механизм’ (‘инструмент’). Власть мыслится как имеющая самостоятельное пространственное бытие (*стоять, находиться у власти, идти к власти*) и представляется преимущественно как некий предмет либо (реже) место, локализуемое в верхней части вертикальной оси. Внутри власти как локуса может помещаться ее объект (*быть во власти кого-нибудь*). В последние десятилетия распространились словоупотребления, представляющие государственную власть как замкнутое пространство / помещение с субъектами власти внутри: *вхождение во власть, человек из власти, быть во власти* (о субъекте власти). Власть, как правило государственная, может ос-

мысляться в рамках метафоры игры в разных ее видах (*играть во власть, главный козырь в борьбе за власть...*) и связанной с ней метафорой ‘театр’ (*политическая сцена, закулисные интриги; кукловоды из кабинетов власти*).

II. Современное русское слово *закон* происходит от существительного *конъ* со значениями ‘начало’ и ‘конец’, восходящего к и.-е. корню *kon- / *ken- (‘возникать, начинаться, начинать, класть начало чему-л.’) [Степанов, 1997: 428]. Таким образом, в этимологии заложены представления о законе как основополагающем начале и законе как границе, пределе. Ср. толкование В. И. Даля: «Закон – предел, постановленный свободе воли или действий; неминучее начало, основание; правило, постановление высшей власти» [Даль, 1981, I: 588–589].

Концепт закона подробно описан Ю.С. Степановым в кн. «Константы. Словарь русской культуры» [Степанов, 1997: 427–454]. Автор выделяет три основных значения слова: 1) закон юридический, 2) закон божеский (прежде всего христианский), а также закон нравственный, 3) закон науки. Ю.С. Степанов отмечает, что «всюду «закон» мыслится прежде всего именно как «предел», за которым лежит какая-то иная сфера жизни или духа… неподчинение пределу (не обязательно «преступное») – вот, пожалуй, основная черта этого русского культурного концепта» [Степанов, 1997: 428]. Мы рассмотрим другой аспект концепта – включенность закона во властное отношение.

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова представлены четыре лексико-семантических варианта (ЛСВ) лексемы *закон*[6]. *Закон 1* («связь и взаимозависимость каких-н. явлений действительности; необходимое и устойчивое отношение между явлениями») является *естественным*, *внутренним*, обусловлен самой сущностью явления. Он не *создается*, а *открывается, выводится* и *изучается.* (Имена собственные, которые иногда присваивают законам, – имена открывателей, а не авторов: *закон Ома, закон Архимеда* и пр.) Такой закон существует независимо от людей и неподвластен их воле: *закон природы, закон всемирного тяготе-*

[6] 1. Связь и взаимозависимость каких-н. явлений действительности; необходимое и устойчивое отношение между явлениями. *Законы общественного развития. З. сохранения энергии. З. больших чисел.* 2. Постановление государственной власти. *Кодекс законов о труде. Соблюдать законы*. 3. Общеобязательное и непреложное правило. *Законы нравственности. Неписаные законы* (сложившиеся нравственные устои, нормы). 4. Вероучение, свод правил какой-н. религии (устар.). *Закон Божий*. [Ожегов, 1990: 210]

ния. Ему *подчиняются*, *следуют*, с ним можно *смиряться* или *пытаться преодолеть*, но его нельзя *преступить*, то есть он не связан с идеей сдерживания и не мыслится метафорически как черта или граница.

Оставшиеся три значения связаны с организацией человеческого сообщества в целом и со сферой межличностных отношений в частности: «2. Постановление государственной власти. 3. Общеобязательное и непреложное правило (сложившиеся нравственные устои, нормы). 4. Вероучение, свод правил какой-н. религии» [Ожегов, 1990: 210]. Это правила, так или иначе регулирующие поведение людей. *Закон 3*, подобно *закону 1*, не *дается* извне, а *складывается* сам, является *обязательным* и мыслится как основополагающее начало. Однако в отличие от *закона 1* он регулирует только жизнь человека в социуме и метафорически представляется как черта, граница (его можно *преступить* или *нарушить*), мыслится как предел, ограничивающий, сдерживающий свободу воли и действий людей. *Закон3* является *общепринятым*[7], то есть устанавливаемые им ограничения *приняты* всеми объектами действия закона – членами социума. Как правило, этот закон *неписаный*, но при этом *общеизвестный* (*закон вежливости, дружбы, чести, гостеприимства, приличия*). Если закон действует для выделенной социальной группы, он обычно мыслится как включенный во властное отношение, оставаясь, в отличие от государственного закона, *неписаным*, но известным всем членам группы: *тюремный закон, воровской закон, закон улицы.*

Два ЛСВ (*закон 2* и *закон 4*) предполагают обязательную включенность во властное отношение: субъект власти (А) *устанавливает закон* для объекта власти (В). Если Закон Божий установлен Богом для людей, то закон юридический (государственный) установлен органами государственной власти для объектов этой власти, он есть произведение рук человеческих. Этот закон также мыслится как черта, граница, но не имеет в русском сознании абсолютной силы: его можно *обойти*, не *соблюдать*, *нарушать*, им можно *пренебрегать*.

Именно этот ЛСВ в современном русском языке становится основным (в ССРЛЯ он вынесен на первое место[8]), вызывает подавляющее

---

[7] Ср. толкование этого значения в ССРЛЯ: «Правило общественного поведения, являющееся общепринятым, обязательным; обычай» [ССРЛЯ, V–VI: 388–390]

[8] «Словарь современного русского литературного языка» выделяет 6 значений слова *закон*: «1. Нормативный акт высшего органа государственной власти, принятый в установленном порядке и обладающий высшей юридической силой.

число ассоциаций на слово-стимул *закон* (см. [Русский ассоциативный словарь], [Черняков, 2001]). Из 22 дериватов слова *закон*, представленных в ССРЛЯ, пятнадцать соотносятся именно с этим ЛСВ (*законник, законница, законность, законный, законнорожденный, законовед, законоведение, законодатель, законодательница, законодательский, законодательство, законодательствовать, законопроект, законосовещательный, законность*), один – с религиозной сферой (*законоучитель*), четыре – с *естественным* законом (*закономерность, закономерный, законосообразность, законосообразный*).

Примечательны слова А.И. Солженицына: «Веками у русских не развивалось правосознание, свойственное западному человеку. К законам было всегда отношение недоверчивое, ироническое: да разве можно установить закон, предусматривающий все частные случаи? Ведь они все непохожи друг на друга. Тут и явная подкупность многих, кто вершит закон. Но вместо правосознания в нашем народе всегда жила и ещё сегодня не умерла тяга к живой справедливости» [Солженицын]. Применительно к западному человеку Солженицын употребляет слово *правосознание* с внутренней формой ‘сознание права’, отражающей позицию объекта властного отношения – личности, гражданина. Русский же *закон* дается субъектом власти и является ее инструментом: *должен послужить, нужен для* каких-либо целей, обладатель власти может *использовать* закон (иногда *злонамеренно*).

З*акон* концептуализируется при помощи вертикальной метафоры, как и вся лексика властного отношения: вверху находится субъект власти, а ее объект – внизу. Ср. толкование в ССРЛЯ: «Нормативный акт высшего органа государственной власти, принятый в установленном порядке и обладающий высшей юридической силой» [ССРЛЯ, II: 304]. Рассмотрим устройство «властной вертикали», чтобы выяснить, где на ней локализуется закон.

В русском языковом сознании властная вертикаль является иерархически градуированной, на ней существуют помимо «основного» субъек-

2. Правило общественного поведения, являющееся общепринятым, обязательным; обычай. 3. Объективно существующая необходимая связь между явлениями, внутренняя существенная связь между причиной и следствием; 4. Обычно мн. Основное положение в каком-л. виде деятельности, творчества и т.п., обусловленное его сущностью. 5. Система нравственных и обрядовых правил какого-л. Религиозного учения; религия. 6. Устар., прост. Брачный союз; церковное венчание» [ССРЛЯ, V—VI: 388—390].

та власти (*верховной власти*) «промежуточные» субъекты, которым делегируются некоторые властные полномочия. Так, возможно использование слова *власть* в значении ‘верховная власть в государственно-политической сфере’, а также метонимическое употребление ‘субъект власти’: *Сперва Бога боялись, потом власти боялись…* «Ниже» на вертикальной оси последовательно расположены «промежуточные» субъекты власти, наделенные полномочиями представлять верховную власть в неполном объеме (*наместник, власти* pluralia tantum, вся номенклатура органов управления и пр.): *местные власти; Я властью, данной государем, приказываю отступать* [ССРЛЯ, II: 304]. Подобная иерархичность, многоступенчатость не является специфичной для *власти 2* (‘политическое господство, государственное управление и его органы’ [Ожегов, 1990: 90]), но свойственна представлениям о власти независимо от сферы ее реализации.

Положение закона на «властной вертикали» неочевидно. По В.И. Далю, *закон определяет власть каждого должностного лица, а верховная власть выше закона* [Даль, 1981, I: 213]. То есть закон занимает некоторую промежуточную позицию в иерархии властных структур на «властной вертикали», а высшее место занимает *верховная власть*, создающая (дающая) законы. Однако в языковой картине мира подразумевается существование идеального источника власти, который помещается еще выше на «властной вертикали», может *дать власть, привести к власти* и которому всякая власть подотчетна.

Представления об источнике власти в коллективном сознании тесно связаны с представлениями о *законности* власти и с понятием ‘право на власть’. Содержание последнего является неуниверсальным: определяется для каждого конкретного социума общественно-историческими условиями, традицией, религиозными воззрениями и пр. и может меняться со временем. Так, в примитивных обществах правом на власть считалось «право сильного», затем в качестве источника и гаранта власти стали рассматривались высшие силы, божественное начало. У В. И. Даля четыре из семи примеров к слову *власть* апеллируют к Богу: *Великая власть от Бога; Всякая власть от Бога; Всякая власть Богу ответ дает; Бог дает тому власть, кому похочет* [Даль, 1981, I: 213]. В современных цивилизованных обществах эти представления также присутствуют, но превалирующим является представление о народе (в общем случае – о совокупном объекте власти), который наделяет отдельных своих представителей властными полномочиями: [*Ельцин*] *должен был*

строить экономику и политику так, чтобы у народа…не росло желание вручить власть коммунистам; Власть должна отчитываться перед народом; те, кому народ доверил власть, должны…; народ дает власть.

Об универсальности данного представления для большинства современных людей, живущих в различных государственно-политических системах, свидетельствует практика апелляции к выборам как к подтверждению *законности* власти даже и в тех случаях, когда субъект власти может быть охарактеризован как *деспот, тиран* или *диктатор*. Сами выборы в таком случае носят формальный характер и значимы скорее на символическом уровне (в рамках государства – на уровне идеологии). Наоборот, для провозглашения *незаконности* власти достаточно обозначить ее как *антинародную*.

Итак, источником власти может считаться Божественное начало – *Высшая власть*, помещаемая коллективным сознанием над властью земной, на самом верхнем уровне вертикали. В современных демократических обществах превалирующим является представление о народе, который своей волей дает власть, наделяет властью отдельных своих представителей. Однако *народ* – традиционный объект властного отношения, помещаемый в этом качестве в нижнюю часть вертикали: *верхи* и *низы*, ср. также авторскую «игру» с ориентационными метафорами: *...ниже народа земля, выше правительства – вечные снега, там ничего живого уже не водится... Выше правительства сияние, ниже народа – кладбище*. Такая амбивалентность народа (источник власти и ее объект) преодолевается противопоставлением должного, идеального и реального положения дел: в соответствующих контекстах преобладает деонтическая модальность: *власть должна служить народу,* др. примеры см. выше. Несоответствие реального идеальному проявляется также в иронии: *слуги народа*.

Понятие права на власть двупланово: с одной стороны, под ним подразумевается идеальный источник власти, с другой стороны – конкретный отработанный механизм получения и передачи власти, принятый в данном социуме, строго регламентированный и ритуализованный (выборы, наследование) и связанный с понятием *закона*. В этом случае закон оказывается на вертикальной оси *выше власти*, которая должна *подчиняться, следовать закону*. Такое положение дел (*закон выше власти*) также мыслится как идеальное, должное[9].

[9] Ср.: Владыки! вам венец и трон // Дает Закон – а не природа; // Стоите выше

В коллективном сознании присутствует представление об «идеальной власти», к соответствию которому, по-видимому, должна стремиться конкретная власть, чтобы заслужить одобрение коллективного носителя языка. Многочисленны контексты со словом *власть,* где субъект властного отношения является субъектом долженствования: *власть должна убрать все препятствия..., должна обеспечить права и свободы человека, должна повернуться лицом к человеку, должна отзываться на боли людей* и т. д. Существование власти (в том числе государственной) в коллективном сознании связано с представлениями о ее целях и обязанностях. Власти вменяются в обязанность прежде всего функции установления определенных правил (*законов*), контроля за их соблюдением (*подержания законности*) наказания нарушителей (*вершить закон*).

Итак, обязанности власти непосредственно связаны с *поддержанием законности, соблюдением законов*. При этом в коллективном сознании присутствует представление о норме применительно к властным отношениям, которое тесно связано с обязанностями власти и уровнем полномочий субъекта власти. Отклонение от нормы как в одну, так и в другую сторону (невыполнение обязанностей или превышение полномочий) оценивается отрицательно. Отсутствие власти (или невыполнение ею своих обязанностей) квалифицируется как *анархия* или *безвластие* и связано с несоблюдением законов объектами властного отношения (*беззаконием*). Превышение полномочий связано прежде всего с несоблюдением законов субъектом властного отношения и тоже может быть названо *беззаконием*[10]. Поле превышения полномочий в русском языке проработано очень хорошо: *произвол*, *тирания, диктат, иго* и пр.

Языковые данные позволяют реконструировать следующие сосуществующие в русской ЯКМ представления о законе и его месте на «властной вертикали».

1. Бог – закон – субъект власти – объект власти (*Всякая власть от Бога*). Такой закон распространяется не только на социальную, но и на моральную сферу, сомнению не подвергается, однако может нарушаться или плохо исполняться субъектом или объектом власти, что оценивается отрицательно.

вы народа, // Но вечный выше вас Закон. <...> И горе, горе племенам, // Где дремлет он неосторожно, // Где иль народу, иль царям // Законом властвовать возможно! (А.С. Пушкин. «Вольность»).

[10] По В.И. Далю, *беззаконие* – это не только хаос и отсутствие порядка, но и безнравственность, а также своеволие и самоуправство.

2. Воля народа – закон – субъект власти – объект власти. Идеальное положение дел – субъект и объект власти равно подчиняются закону. По данным контекстов (прежде всего литературных источников и СМИ) представляется идеальным (утопическим), описывается обычно в деонтической модальности.

3. Субъект власти – закон – объект власти. Субъект власти создает закон (*законы*), направленные на объект власти, и сам их *использует*. Такое положение дел описывается значительным количеством контекстов (большинство паремий, контекстов из СМИ и литературных источников), обычно представляется как реальное, но недолжное и оценивается отрицательно. Такой закон (закон *писаный*) противопоставлен *справедливости*[11] как нравственному закону, который соотносится с *правдой* и *совестью*[12]. Конкретные же законы, сотворенные людьми – субъектами власти, подвергаются сомнению (*Строгий закон виноватых творит*), как и их исполнение (*То-то и закон, что судья знаком*).

[11] Противопоставление закона и справедливости – одна из ярких особенностей русского мировосприятия, и неоднократно описана исследователями русской языковой картины мира. Мы не будем углубляться в эту тему, а приведем цитату о *справедливости*: «Обычно… в случае противоречия между законом и справедливостью в русской культуре непосредственное чувство на стороне справедливости. Одна из особенностей русской культуры состоит в том, что в ней справедливость относится к сфере эмоционального: в русском языке есть *чувство справедливости*. С другой стороны, *справедливость* может восприниматься как ценность низшего уровня. Человек, добивающийся справедливости, может оцениваться либо как бездушный, либо как мелкий – а это для русской языковой картины мира звучит как приговор. <...> Для русской языковой картины мира характерно представление, в соответствии с которым гораздо выше *справедливости* доброта и милосердие. <...> …в русской языковой картине мира оценка *справедливости* двойственна. *Справедливость*, вообще говоря, ниже *милости*, но может и не противопоставляться *милости*. <...> Пока *справедливость* основана на объективности, беспристрастности, это ценность низшего уровня. Но она начинает восприниматься как высшая ценность, когда пропитывается чувствами, прежде всего болью за человека *обиженного*, пострадавшего от *несправедливости*. <...> Особенность русского взгляда на вещи, отраженного в русском языке, состоит в том, что наряду с законом и милосердием в нем представлена *справедливость*, которая гораздо важнее закона, но мелочь по сравнению с подлинными духовными ценностями. Однако соединяясь с чувством и душевной болью, *справедливость* повышается в статусе и попадает в один ряд с *милосердием / правдой*» [Зализняк, 2002].

[12] Совесть мыслится в русской картине мира как *внутренний судья*. Ср.: «Совесть человеческая более беспощадна, чем холодный закон государства, она большего требует от человека» (Н. Бердяев; цит. по: [Григорьева, 2005]).

Словари не фиксируют для слова *закон* ЛСВ singularia tantum, однако анализ контекстов показывает семантизацию противопоставления по числу. В тех случаях, когда речь идет о конкретных «постановлениях государственной власти», используются обе числовые формы. Если слово употребляется для описания идеальной (должной) ситуации верховенства закона над земной властью или получения права на власть, то используются преимущественно формы единственного числа, не допускающие замены на множественное число (*…вечный выше вас Закон, власть должна подчиняться закону, вершить закон*).

В русском языковом сознании закон и власть тесно связаны с концептом силы[13]. Н.К. Рябцева отмечает, что «закон – это сила, управляющая другими силами; закон *действует: распространяется, узаконивает, придает законную силу* действиям социальных сил…распределяет самую главную социальную ценность и силу – власть…на него *опираются*, им *руководствуются*…» [Рябцева, 2005: 106]. Таким образом, закон *имеет силу*, сам является активно действующей силой, обладает властью. Такой закон может персонифицироваться: у него есть *рука, всевидящее око, глас (голос)*, он *суров* и *неумолим*, мыслится как активный субъект действия. Такой *закон*, как и *власть*, ассоциируется с твердым веществом, однако мыслится не как компактный предмет, а как прочная, тяжёлая, инертная масса большого объема – твердь, основа, на которую можно *опираться* и которую нельзя разрушить или привести в движение (*нерушимый, незыблемый, непоколебимый*).

Для русского сознания характерно, с одной стороны, противопоставление закона (+) и беззакония (–), с другой – закона (–) и справедливости (+), а также представление о должном – идеальном законе и идеальной власти. В подавляющем количестве контекстов (от паремий до современных СМИ) описывается не идеальное, а реальное положение дел, и закон становится объектом преимущественно отрицательной оценки. С представлением о законе как силе и тверди в наивной картине мира сосуществует и другое – закон мыслится как объект влияния и манипулирования.

Юридический закон предполагает письменную фиксацию: *издать, опубликовать закон, текст закона, ссылаться на закон*. Такой закон

[13] Концепт силы подробно рассмотрен Н.К. Рябцевой в кн. «Язык и естественный интеллект» [Рябцева, 2005], поэтому мы не будем подробно описывать соотношение рассматриваемых нами концептов с концептом силы, а сошлемся на с. 105–108 указанной монографии.

предстает прежде всего как текст. В отличие от *неписаного закона* он обязательно кем-то *создан* – у него есть *автор* (иногда автор является субъектом власти – *законодателем*). По данным сочетаемости *писаный закон* (в противоположность *закону неписаному*) предстает как непонятный текст, допускающий разные трактовки: его можно и нужно *толковать, обсуждать, рассматривать, разъяснять,* в нем можно *запутаться, увязнуть.* Он часто весьма несовершенен: в нем обнаруживаются *ошибки, недочеты, неточности* и прочие *изъяны*. Закон как текст может подвергаться различным манипуляциям со стороны законодателей: *над* ним *работают*, в него могут *вносить поправки, обсуждать, отзывать,* в нем могут что-нибудь *прописать.* Он проходит *чтения*, во время которых его могут *дорабатывать, переписывать, проталкивать, лоббировать, забалтывать, курировать, заблокировать*. Чтобы *вступить в силу*, закон должен быть *принят, одобрен, подписан*, то есть *утвержден,* субъектом власти, который может и *отменить* или *приостановить* действие закона.

Примечательно, что [Русский ассоциативный словарь] среди реакций на слово-стимул *закон* практически не дёт указаний на атрибуты идеального закона и акциональные предикаты, представляющие закон как субъект действия[14].

В паремиях субъект властного отношения предстает не только как автор, но и как владелец закона (*Кто законы пишет, тот их и ломает*). В обыденной картине мира закон представляется как инструмент, который владелец может использовать (*применять*) в своих (обычно неправедных) целях, поэтому качество самого закона оказывается несущественным: *Законы святы, да законники супостаты; Закон что дышло: как повернул, так и вышло*. В паремиях появляется образ неправедного *судьи* (*законника*) – «промежуточного» субъекта власти: *Не бойся закона, бойся судьи (законника); Законы-миротворцы, да законники-крючкотворцы; Что мне законы, коли судьи знакомы.* Возможность манипу-

[14] К слову-стимулу *закон* в словаре даются 104 реакции, среди них 81 разная. Перечислим некоторые в порядке убывания частотности: *суров* (5), *строгий* (3), *суровый* (3), *Божий*(4), *дышло* (2). Среди оставшихся единичных реакций лишь один атрибут положительной оценки (*справедливый*) и одна ассоциация с этической сферой (*чести*). Подавляющее количество ассоциаций связывает закон с социальной, прежде всего государственной сферой (*государство, власть, Дума, издать*), широко представлены семы ‘нарушение’ (*нарушать, нарушение, попирать, проступок*), ‘наказание’ (*наказание, тюрьма*), ‘граница, предел’ (*черта, преступать, непереступаемый*), отрицательная оценка (*ненавижу, недействующий*).

лировать законом дают также богатство и вес в обществе (неформальная власть): *Закон как паутина: шмель проскочит, а муха увязнет.* Необходимость такого закона может ставиться под сомнение: *Все бы законы потонули, да и судей бы перетопили; Где закон, там и обида. Закон* противопоставляется *правде* как абсолютной ценности: *Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили.* Более того, оказывается, что знание закона может нанести ущерб нравственному началу и подтолкнуть к преступлению (вероятно, вызывая соблазн *преступить черту*): *Не зная закона, не знает и греха; Не будь закона, не стало б и греха; Если бы не закон, не было бы преступника; Где закон, там и преступление.* Для русского сознания важна причина, побудившая преступить черту закона и способная оправдать это преступление: *Нужда закона не знает, а через шагает.*

В стандартной сочетаемости закон подвергается общей оценке (*хороший / плохой, ужасный*) и разным видам частных оценок: этической (*справедливый / несправедливый, добрый / злой, гуманный / жестокий,*), утилитарной (*полезный / бесполезный, вредный),* интеллектуальной (*разумный / глупый, тупой*) телеологической (*эффективный / неэффективный, целесообразный / нецелесообразный*). В коллективном сознании закон, как и власть, тяготеет к отрицательной оценке и мыслится как ‘тяжёлый предмет’ (*тяжесть, груз, бремя закона*), связывается с идеей сжатия, давления (*закон давит, сжимает*)

В современных СМИ широко представлены отрицательные утилитарные и телеологические оценки закона, часто отрицательная оценка интенсифицирована: *свирепый, звериный, драконовский*. Предикаты отрицательной оценки обычно отражают ситуацию, когда закон направлен против интересов общества в целом (объекта власти) и защищает интересы представителей (субъектов) власти: *вредоносный, нанесет ущерб обществу, помеха для полезной деятельности*, *взяткоемкий, стимулирует коррупцию*[15].

Таким образом, *власть* и *закон* являются именами ключевых концептов русской ЯКМ, в частности мира социального. Концепт власти орга-

[15] Однако отметим, что в последнее время в СМИ появляются апелляции к закону как к базовой ценности, ранее характерные в основном для политической риторики, телевидение активно эксплуатирует как тему судопроизводства, так и соответствующую лексику, не актуализируя отрицательные коннотации и перенося ее в сферы, далекие от юриспруденции.

низует лексические общности разного порядка: от слов, обозначающих властное отношение и его участников, до политической лексики в целом, проецирует на эти лексические общности свои структурные особенности. Вертикальная метафора организует всю общественно-политическую лексику, для которой значимыми являются также смыслы ‘субъект власти’, ‘объект власти’, ‘отношение власти’, представления о «иерархичности» субъекта власти, о праве на власть[16]. В русской языковой картине социального мира представления о власти и законе взаимозависимы. Особенностью русской ЯКМ является тесная связь между законом и субъектом власти: закон мыслится либо как властная сила (в том числе источник власти), либо как инструмент субъекта власти. Для русской ЯКМ характерно представление о должном – идеальном законе и идеальной власти, которые отличаются ‘силой’ и ‘справедливостью’, причем власть достается *по закону*, сама *следует закону* и следит за его *соблюдением.* В понятийной составляющей позиция личности (общества, народа) – объекта властного отношения и объекта действия закона – оказывается нерелевантной. Сублогические представления о законе и власти, проявляющиеся в сочетаемости слов, во многом совпадают или согласуются (*утверждать закон / власть, закон ограничивает власть*), как и власть, закон связан с идеей долженствования. Представление о законе как инструмент власти, направленном против объекта власти (народа, общества, личности), представлено в большом количестве контекстов и связано с отрицательной оценкой закона.

Список литературы

Власть в русской языковой и этнической картине мира. М., 2004.

Григорьева О.Н. Черным по белому (закон в зеркале СМИ) // Полемика: Электронный журнал. 2003. Вып. 16. www.irex.ru/press/pub/polemika/16/gri.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М., 1981.

Жданова Л.А. Общественно-политическая лексика: структура и динамика: Дисс. … канд. филол. наук. М., 1996.

Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира // Отечественные записки. 2002. №3. www.strana-oz.ru/?humid=48article=219.

[16] См. об этом [Жданова, 1996].

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М., 2005.
Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990.
Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Караулов Ю.Н. и др. М., 1996–1998.
Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. Т. II–VI. М., 1991–1994.
Словарь сочетаемости слов русского языка / Отв. ред. П.Н. Денисов. М., 1983.
Фролова О.Е. Изменения в функционировании лексики (на примере семантического поля *власть*) // Портрет говорящего начала XXI века / Под. ред. О.Е. Фроловой. М., 2016.
Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: В 2 т. М., 1993.
Солженицын А. И. Характер русского народа в прошлом // Русская цивилизация: Информационно-аналитический и энциклопедический портал. www.russtrana.ru.
Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
Черняков А.А. Закон // База данных ФОМ. www.fom.ru.
Lakoff G., Jonson M. Metaphors We Live By. Chicago, 1980.

Сведения об авторе: Жданова Лариса Александровна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: zhdala@mail.ru.

М.Г.Безяева

Коммуникативное поле нормы в языке и тексте

Статья посвящена проблеме объединения средств коммуникативного уровня языка, отражающего соотношение позиций говорящего, слушающего и квалифицируемой ими ситуации. Эта система характеризуется разнородностью языковых средств и неосознаваемостью их значений естественными носителями языка. В статье обсуждаются принципы выявления параметров коммуникативных средств и возможность их группировки на основании выделенных инвариантных параметров в коммуникативные поля (на примере поля нормы). Рассматривается функционирование средств коммуникативного поля нормы в тексте.

Ключевые слова: коммуникативный уровень языка, говорящий, слушающий, звучащий текст, коммуникативное поле, норма.

The article deals with the problem of combining the means of the communicative level of the language, reflecting the ratio of the speaker's and listener's positions and the situation qualified by them. This system is characterized by the heterogeneity of linguistic means and the unconsciousness of their values by natural native speakers. The article discusses the principles of identifying the parameters of communicative means and the possibility of grouping them on the base of the identified invariant parameters in communicative fields (by the example of the norm field). The functioning of the means of the communicative field of the norm in the text is considered.

Key words: communicative level of the language, speaking, listening, sounding text, communicative field, norm.

В этой статье мы рассматриваем устройство коммуникативного уровня языка, который в отличие от номинативного уровня, передающего информацию о действительности, преломленную в языковом сознании говорящего, представляет собой систему, отражающую соотношение позиций **говорящего**, **слушающего** и квалифицируемой ими **ситуации**. Этот уровень организуется такими единицами, как целеустановки и вариативные ряды конструкций, им соответствующие, а также системой иных средств, каждое из которых, как показывает анализ, обладает набором инвариантных параметров. Последние подчиняются алгоритму их реализации, который заключается в антонимическом развертывании параметров по позициям «говорящий», «слушающий», «ситуация». Кроме того, возможно варьирование параметров по временным планам и реаль-

ности - ирреальности. Особо отметим возможность реализаций рассматриваемых параметров по данной конкретной ситуации и по норме (см. подробнее [Безяева, 2002], [Безяева, 2011], [Безяева, 2013] и др.).

Остановимся на способах организации средств коммуникативного уровня языка. Особенностью системы коммуникативных средств является, во-первых, их крайняя формальная разнородность.

Первая попытка выявить список средств этого уровня была сделана в работе В.В. Виноградова «О модальных словах» [Виноградов, 1975]. В.Г.Гак в 1998 г., рассуждая об индикаторах, без которых не строится ни одна живая фраза, видел причину их неизученности в том, что они принадлежат к разным частям речи и поэтому всегда рассматривались разрозненно, так что их функциональная общность и специфика оказывались не выявленными [Гак, 1998: 559]. Однако система коммуникативного уровня языка, как мы полагаем, еще более разнородна – ее средства принадлежат к **разным традиционно выделяемым языковым уровням**.

В настоящее время мы можем выделить две группы средств коммуникативного уровня. В первую группу входят средства «урожденно» коммуникативные (интонация, междометия, ряд сегментных средств, не выполняющих фонологическую роль, синтаксические приемы). Во вторую группу включаются средства, которые могут формировать номинативное содержание, но способны актуализировать **и коммуникативные** параметры речи (базовые члены лексико-семантических групп, грамматические категории), при этом становясь знаками иной системы, передавая значения иного рода и подчиняясь иным, не номинативным, семантическим законам (в частности, алгоритму развертывания коммуникативных параметров речи).

Второй особенностью коммуникативных средств является **неосознаваемость их параметров** естественными носителями языка. Тем не менее говорящие пользуются такими средствами как кодом при продуцировании и восприятии высказываний. Инструментами выявления коммуникативных параметров являются такие единицы, как целеустановки и соответствующие им вариативные ряды конструкций как семантические системы единиц, где значение каждой из конструкций определяется всеми членами ряда. Инвариантные параметры коммуникативных средств выявляются исходя из параметров конструкции, которые они формируют, при учете параметров средств – «соседей» по конструкции. Это рабочий инвентарь для выявления коммуникативной семантики.

При этом в вариативном ряде конструкций коммуникативное средство выступает как строитель структур, оно вызывается семантической логи-

кой целеустановки, которая может как требовать, так и не требовать семантического единства средств, актуализируя различия параметров. Например, в конструкциях возмущения (т.е. целеустановки, которая связана с противопоставленнностью, несовместимостью норм говорящего и слушающего либо третьего лица, социума) используется группа средств, включающих параметр нормы, – средства реализации инвариантных параметров по норме. Однако «пафосом» вариативного ряда, объединенного той или иной целеустановкой, является функционирование в его конструкциях всех возможных коммуникативных средств и столкновение их различий, которые и формируют специфику семантики каждой из структур. Например, лексема *просто* входит в объединение коммуникативных средств, связанных с параметром вариантов развития ситуации, а лексема *прямо* – с параметром нормы, для данного средства прецедентной. В вариативном ряде восхищения именно различия в указанных лексем семантике объясняют оппозицию высказываний *Ты просто красавица* и *Ты прямо красавица,* где в первом случае вводится максимально бенефактивная характеристика на фоне всех других возможных вариантов, в том числе и нормы, во втором – несоответствие качественной характеристики прецедентной норме, вводя смысл ‘ранее такой не была либо ранее такой тебя не считал(а)’ [Безяева, 2005].

По мере осознания параметров средств коммуникативного уровня языка и накопления материала актуализировалась возможность семантической классификации корпуса средств, что заставило на новом этапе анализа ввести рабочий термин - коммуникативное поле.

Коммуникативное поле – это группа языковых средств, объединенная единством коммуникативного параметра, при возможном различии других параметров.

В отличие от предшествующих единиц поле есть результат обобщения выявленного ранее. Дело в том, что термины «поле» или «группа», принятые в лингвистической традиции при анализе номинативных средств, в применении к анализируемому материалу могут быть использованы лишь условно, в первую очередь по процедуре исследования семантики. Так, например, в семантическом поле или лексико-семантической группе параметры единиц выделяются в сравнении друг с другом при ориентации на хорошо осознаваемую, заранее введенную архисему.

На коммуникативном уровне применим принципиально иной подход. Группировка средств на основании заранее заданного параметра невозможна, так их семантика находится вне светлого поля языкового созна-

ния естественных носителей языка (например, русское *слушай* обладает параметром изменения осознания ситуации). Выделение этих параметров связано с упомянутой выше процедурой: учетом параметров конструкций, в которые они входят, и параметров соседних средств, формирующих конструкции. И лишь после выявления коммуникативных смыслов становятся возможны их группировка и объединение на основании общности присущих им параметров.

Таким образом, в результате в коммуникативном поле перед нами представлены объединения формально разнородных языковых средств, которые обладают общностью некоторого коммуникативного параметра и различаются другими параметрами.

В настоящее время проведенный анализ позволяет выделить семь полей: поле **личной сферы**, поле **бенефактивности**, поле **соотношения позиций**, поле **компетентности**, поле **нормы**, поле **воздействия**, поле **квалификации вариантов развития ситуации**. Параметры, объединяющие средства указанных полей, являются базовыми для русской коммуникативной системы.

Одним из важнейших коммуникативных параметров русского языка является параметр нормы, объединяющий каскады языковых средств. При этом выделятся две группы коммуникативных средств: для одной из них параметр нормы является инвариантной характеристикой ситуации, другая объединяет средства реализации ситуации по норме.

В числе средств, которые включают в свой набор характеристик параметр нормы как **инвариантный**, выделяются: **интонационные** средства – ИК-1 и ИК-3/\/; **лексические** средства *так/такой, прямо, вообще, совершенно, чтобы, очень, еще, гляди, конечно, же, аж, целый, даже, пусть, с ума сойти, э, ой, батюшки, черт;* грамматические средства – **морфологические**: инфинитив, междометные глаголы, несовершенный вид, множественное число, родительный и творительный падежи, а также **синтаксические** средства: бессоюзие, повтор. При этом параметр нормы является не единственным, а взаимодействует другим параметрами данных средств.

Например, начальное ***чтобы*** обладает параметрами нормы, срока и бенефактивности во всех конструкциях разных целеустановок, но в разных реализациях. Так, в возражении *Чтобы Петя в долг дал!* актуализировано значение нормы поведения Пети, известной в результате общения с ним в течение определенного срока, при этом явно небенефактивной для одного из собеседников или третьего лица.

Остановимся подробнее на параметре нормы и его модификациях в средствах коммуникативного уровня, рассмотрев список входящих в него базовых средств[1].

Так, если **ИК-1** говорит о нейтральном вводе информации, о соответствии сообщения коммуникативной норме, то **модальная ИК-3**/\/ водит параметр реализации варианта, который при всех возможностях развития ситуации был абсолютно исключен как не соответствующий норме.

Лексема ***так*** обладает параметром соответствия нормы или отклонения от нее с бенефактивными – небенефактивными следствиями. ***Прямо***, как уже было сказано, актуализирует параметр соответствия или отклонения от прецедентной нормы. ***Вообще*** соотносит норму с вариантом от нее отклоняющимся и часто выступает в реализации полного слома либо абсолютного соответствия норме. ***Чтобы*** обладает параметрами нормы, бенефактивности, срока (нормы, сложившейся в течение определенного срока), а ***совершенно*** – параметром максимальной реализации всех качественных характеристик, составляющих эталонную позитивную норму плюс параметр личного участия, личного вклада (деятельности) говорящего, слушающего третьего лица, личной заинтересованности. ***Э*** актуализирует соотношение нормы с внешними обстоятельствами, ***сойти с ума*** – разрушение базовых основ, жизни, основ норм, ***батюшки*** – знание нормы развития ситуации, но фиксацию отклонения от нормы элементов качественной или количественной характеристики либо момента реализации варианта развития ситуации. Одним из параметров средства ***черт*** является отклонение от социальных норм. ***Аж*** связано со степенью и контрастом расчета на позитивный / негативный вариант развития ситуации или норму с реализованным резким отклонением от нее, что производит воздействие на говорящего (если фоново выражено позитивное воздействие – *аж* связывается с негативным развитием ситуации, если фоновое воздействие негативное – с позитивным ее разитием). ***Даже*** передает параметр отклонения от нормы, присущей говорящему, слушающему, третьему лицу, социуму, ситуации, которое обычно не допускается, либо нормы, свойственной не каждому. ***Целый*** обладает параметрами расчета на единство оценки говорящим и слушающим (либо третьим лицом) качественного и количественного отклонения от нормы с учетом бенефактивности – небенефактивности ситуации

[1] Функциональный потенциал каждого из этих коммуникативных средств будет проиллюстрирован ниже в соответствующих разделах данной статьи.

Что касается других средств указания на норму, то **инфинитив** имеет параметр нормы наряду с параметрами дистанцированности – интимизации. **Несовершенный вид** вводит параметр должного, нужного, необходимого, частица ***же*** – должного, не имеющего места, ***еще*** **–** двойного нарушения нормы. **Повтор** обладает параметрами нормы, процесса воздействия, бенефактивности – небенефактивности и т. д.

Некоторые средства раскрываются по параметру **личной нормы** говорящего, например **ИК-3**/\/, структуры с ***ты***, усеченные формы типа ***не, во, от,*** [***шъ***], **множественное число** с параметром ¢не моя норма¢.

Однако едва не более активно для отражения идеи нормы используются средства другой группы, имеющие данный параметр в не качестве инвариантного, а являющиеся средствами **реализации ситуации по норме.** Важно подчеркнуть, что каждое (!) средство коммуникативного уровня в соответствии с алгоритмом реализации его параметров может раскрывать свои параметры не только по данной конкретной ситуации, но и по **норме** развития ситуации, а также по норме поведения говорящего или слушающего.

Особенно активно в этой реализации выступают такие средства из других коммуникативных полей, как ***что, а, ну, то, да, это***, а также **ИК-3** и **ИК-6**

Так, ***что*** указывает на отклонение развития ситуации от нормы. **ИК-3** с параметром ориентированности выступает в реализации ориентации на отклонение от нормы либо соответствия ей (апелляция к очевидному). **ИК-6** с параметром знания в типичных случаях актуализирует реализацию знания нормы. ***А*** способно вводить в новую ситуацию, в том числе и по сравнению с нормой. ***Ну*** маркирует соответствие / несоответствие ожидаемой норме, ***то*** – соотношение представлений о норме и реализованного варианта, ***да*** – неадекватность позиций собеседников и нормы развития ситуации, ***это*** – знание сущностной качественной нормы, которой может соответствовать или не соответствовать реализованный факт или мнение. ***Нет*** способно выступать в реализации возвращения к варианту, отклонившемуся от нормы, либо возвращения к норме как ранее введенному варианту и т. д.

Таким образом, способ квалификации нормы и количество норм зависит от семантических возможностей средств коммуникативного уровня русского языка (разграничиваются, например, норма ожидаемого, норма предполагаемого, норма, сложившаяся в течение определенного срока и т. д).

Итак, поле есть результат обобщения коммуникативных средств по параметру, выявленному при лингвистическом анализе. Однако поле – это не только теоретическое обобщение лингвиста, но абсолютная языковая реальность, и подтверждение этому – текст.

Коммуникативный текст есть совокупность последовательно вводимых коммуникативных единиц, отражающих определенную логику соотношения позиций говорящего, слушающего и ситуации. Поле же – это один из способов существования коммуникативных единиц в тексте.

Оказывается, что при выполнении некой коммуникативной задачи (разговорной, эстетической и т. д.) средства начинают стягиваться в текст, подчиняясь необходимости выразить нужный коммуникативный смысл. Именно при анализе текста и входящих в него конструкций мы обнаруживаем невидимое не вооруженному коммуникативной семантикой взгляду значимое соседство, казалось бы, абсолютно разнородных средств, объединенных единым коммуникативным параметром.

При этом в ходе формировании текста возможны разные способы актуализации параметров коммуникативных средств.

С одной стороны, одно и то же средство с необходимым параметром появляется в конструкциях разных целеустановок, идет «поверх» них, а точнее, пронизывает их, «непрогнозируемо» (а на самом деле подчиняясь строгой логике коммуникативной семантики) возникает в конструкциях разных рядов.

С другой стороны, в тексте появляются, собираются средства, объединенные актуализированным параметром (например, личной сферы, нормы и т. д.). Иначе говоря, в различных конструкциях разных целеустановок разные средства могут быть объединены единым актуализированным коммуникативным параметром, отражающим базовую «потребность» текста, его главную идею, необходимость передать тип взаимоотношений собеседников, квалификации ситуации, тип характера говорящего. Это происходит и в неподготовленной речи, и в эстетически выверенном тексте профессионала.

Если говорить о параметре нормы, то средство с этим параметром может пронизывать весь текст, отражая изменяющиеся отношения героев в диалоге, прописывая особенности характера, состояние говорящего.

Рассмотрим, как анализ текстов позволит обосновать правильность выделения коммуникативных параметров средств, полученных при исследовании вариативных рядов конструкций. Обратимся с этой целью к **диалогическим текстам** как к естественной форме существования ком-

муникативного уровня языка. Рассмотрим диалоги из звучащих художественных произведений.

Так, в эпизоде объяснения героев в фильме «Любовь и голуби» мы видим, как средства с параметром нормы буквально пронизывают весь диалог, отражая слом сложившейся нормы взаимоотношений героев[2].

```
    6          1
- Значит,/ ухожу я.
        3                1
- Подожди,/ мне надо решить.
    2        2                        1          1
- Не-не,/ не-не!/ Ничего решать не надо./ Я пошел.
  h/ 2
- Куда?
          1                1
- Куда-нибудь./ Я уже собрался.
   2ъ                                  3
- Как!/ Т[ъ]…/ Что, ты намерен вообще?
    3
- Ага.
    4
- А я?
        2              2     3       1      ,        ,
- Ну зачем я тебе,/ Рай?/ Вон/ носки,/ рубахи стирать

не умею.
                 4
- Но ты же научился.
        3²
- …Матерю сь!/
         4                4                  3
- А мне нравится./ Это пикантно./ Хочешь,/ «ежкин
 1        4
кот»,/ я тоже буду.
    7         2        2                 3         2
- Ну,/ не могу я,/ Раиса Захаровна./ Тянет, и все!
      2   2
- Куда/ тянет7
   3⁷      3        3
- Ну ,/ к Наде,/ к детям.
  4                          3/\/
- А!/ Ты идешь к этой Горгоне ?
   4      3˘       4
- Нет,/ я  к жене …
  h
- А?
    3
- Ага.//
              4
- А как же я?
```

[2] В работе используется система интонационных единиц и транскрипция, предложенная Е.А. Брызгуновой; см. [Брызгунова, 1973], [Брызгунова, 1977], [Брызгунова, 1980], [Брызгунова, 1988].

2 7 2
– Раиса Захаровна!/Ну!…/Ну не могу я.
2 2
– **Я не пущу тебя, Василий!/ Я не пущу тебя, Василий!**
2 2 7 1 3
–**Да что такое!**/ Е мое/ **Ну…/ Чего** вы в **самом деле,/ а?**
2 2 2
Раиса захаровна, ну?/ Я ж по-хорошему,/ по-человечески хотел./ **Ну что такое…**
1 2^3 3
– …Василий,/ Васи лий!/ Ты мое счастье./ Ты моя
2 h 3 1 3 ′ ′
судьба̄. / Ты моя/ любовь./ **Ну хочешь,/ я научусь печь пи-**
2 2 /\/\ 2 2
роги!/ >Я их сама̄ л ю блю, Василий!>./ Я **все,/ все** сама
3 2 2 · ·
буду стирать, Василий/ Хочешь?/ **Ну скажи, скажи,** какой ты
· · · · · · 2\ · · ·
хочешь, чтоб я стала,/ и я бу ду, Василий!
· · 2^1 · · 2^3 · · · 1^2 3
– Ра й!/ **Ну чего ты прямо,/ как в кино -то,/а?**
3\/\
– **Вы не ве рите мне?**
3 2
– Отпустите меня,/ Раиса Захаровна,
3 3
– Не убивайте меня,/ Василий./ Я знаю,/ мы с вами из раз-
3 1
ных социальных пластов,/но ведь нас судьба свела.
2
– Да кака судьба-то?
1
– Да, да.
3 1
– По по пьянке закрутилось,/ и не выбере[сс]и!
3\/\
– **По пьянке?**
7
– Ну!
1 1
– Какая я дура!/ Господи!

ИК-1 в первом высказывании, говорящее о возвращении героя к прежней норме поведения, сменяется его активным ***не, не, не*** возражения**,** исключающим предлагаемый собеседником вариант развития ситуации, апеллирующим к личной норме героя. Реакцию на позицию героя в речи Раисы Захаровны отражают ***что*** в реализации отклонения ситуации от нормы и ***вообще*,** маркирующее слом нормы.

В свою очередь, реакцию на отклонение от нормы в реплике героя формируют такие коммуникативные средства, как ***да*** в реализации неадекватности позиции собеседницы норме, ***что*** с реализации отклонения развития ситуации от нормы, ***такое*** с параметром отклонения от нормы с небенефактивными следствиями, ***а*** в реализации невозможности войти

в новую ситуацию по сравнению с существующей, отклонившейся от нормы, ***ИК-3***, апеллирующая к отклонению от нормы. ***Повтор*** частиц и высказываний вводит параметры процесса воздействия на героя ситуации, отклонившейся от нормы в небенефактивную сторону.

Как реакция на попытки объяснения героя в речи Раисы Захаровны, пытающейся спасти положение, появляется модальная **ИК-3**/\/, вводящая параметр реализации варианта, который при всех возможностях развития ситуации был абсолютно исключен как абсолютно не соответствующий норме.

На предложение героини изменить норму поведения, выраженную параметрами структуры с ***хочешь я*,** и ее выраженную **повтором** попытку воздействия на героя в ситуации, отклонившейся от бенефактивной нормы, герой реагирует конструкцией с коммуникативным ***прямо*** с его параметром нарушения героиней как ее прецедентной нормы с негативной оценкой, так и нормы, свойственной его собственной жизни. Это опять вызывает в реплике героини очередной интонационный контур **3**/\/ со значением резкого отклонения от нормы *вы не ве*^{3}*р*$^{\backslash/}$*ите мне,* вводящей реакцию на нарушение нормы героем, до этого беспрекословно ей подчинявшимся. Трагикомическое *по пья*^{3}*н*$^{\backslash/}$*ке*, оформленное той же модальной реализацией, отражает полное крушение представлений героини о норме развитии ситуации и позиции героя.

Таким образом, каждое из упомянутых средств этого диалога либо обладает инвариантным параметром нормы, либо участвует в реализации параметров по норме..

Звучащим текстом, буквально сотканным из средств с параметром нормы, является фильм «Родня», что вполне закономерно, так как средства коммуникативного уровня ярко прописывают главный конфликт фильма – столкновение норм города и деревни, народного и урбанистического типов мышления. Не имея возможности представить полный анализ этого текста, что является темой самостоятельной статьи, остановимся на одном фрагменте фильма.

Рассмотрим диалог в сцене свидания главной героини, Марии, и интеллигентного «рыбного инженера», где ярко представлено расхождение норм, а точнее, тот факт, что одно и то же событие для одного персонажа является нормой, для другого – резким отклонением от нее.

```
  3 -          2
-_Э-эй!/ Гражданин с усами!
                        2            2
- А-Ха!(смех) Марья Васильевна!/ Здравствуйте!
```

3 2 , , 2
– А я, между прочим, давно за вам наблюдаю./О-е-ей!/Да
1 1 1 2
Вас и не узнать!/ Молодец!/Здравствуйте./А что это тут у
3
вас/ круглое?
6 6 4
– Ну/это…/ круглое.
2
– Торт купили.
1 1
– Нет,/это/ шляпа.
4 2 2 1 6
–А-!/ Правильно, правильно,/ Пора./ А то скоро/ уже по-
1
следние облетят.(Смех)
3
– Что?
3 2 , 2
– Ну?/ Ну чего?/ Кого ждем?
1˘ /\/\ /
– Больше никого.
4
– А цветы?
4
– Вам.
6 5 \ 2³
– Тю-ю!/ Да вы что →!/ Да боже[сохрани!/
, 2 , 2 ,2 ,
Ну-ка уберите сейчас [ш:ас] же! [ш:ас] же! [шас] же!/ Что
6
я,/ молоденькая девушка какая?
2 6
– Да что тут особенного? /Вот интересно!
3 1
– Ну интересно,/ как пойдешь сразу налево за углом./
2 2
Как говорит моя внучка./ Чао – какао.
3 , , , 2 2
– Ну, Марья Васильевна,/ Марья Васильевна!/ Ну послушай-
5 \ 3 2
те!/ Ну что же это такое! Ну!/ Ну это глупо, ей-Богу!
5 \
– Ну никогда я этого не возьму.
2 5 \
– Ну, Марья Васильевна!/ Ну что же тут особенного, Ма-
2
рья Васильевна!
2
– Да я и слушать вас не хочу.
4
– Марья Васильевна, это ребячество
1 6 2 2
– Ну просто я не знаю./ Ну это же неудобно,/ вы поймите!
6 2
– Да чего же тут неудобного.
6 2
– Люди кругом, ну смотрят же!

Перед нами буря эмоций, война норм и представлений простого народного и городского сознания, искренняя негативная эмоция героини, вызванная резким отклонением от от нормы народного сознания. народного порядка, правил. Контраст и близость героев подчеркнуты дуэтом повторяющихся коммуникативных средств.

В высказываниях обоих собеседников «солируют» такие средства, как ***да*** в реализации неадекватности позиции собеседника и нормы развития ситуации, ***что*** в реализации нарушения нормы развития ситуации, ***ну*** в реализации несоответствия ожиданиям Марии позиции собеседника как нарушающей норму, ***это*** в реализации отклонения от нормы развития ситуации. В структурах с ***Боже*** передается желание говорящей дистанцироваться от ситуации, отклонившейся от нормы. **Повтор** маркирует процесс небенефактивного воздействия ситуации, отклонившейся от нормы, на собеседников.

Ряд структур диалога связан с желанием привести ситуацию к норме. ***Ну-ка*** передает желание привести ситуацию в ожидаемую норму (ну) и более низкий уровень владения ситуацией собеседником, не понимающим этого отклонения (-ка). ***Ей-Богу*** также своими параметрами приводит ситуацию, дистанцировавшуюся от нормы, в норму. ***Интересно*** выступает в реализации нежелания менять свои представления о ситуации, в том числе и о норме ее развития. Постпозитивное ***какая*** говорит о знании качественной нормы, что дублируется начальным ***что*** с параметром отклонения от нормы. ***Я не знаю*** соотносит позицию собеседника, говорящего и известных норм социума. **Повтор** обращений, частиц, высказываний выступает в реализации процесса воздействия ситуации, отклонившейся от нормы в небенефактивную сторону собеседников. ***Тут*** актуализирует знание нормы говорящим, его более высокий уровень компетентности, убежденность в том, что обстоятельства соответствуют норме, а также затронутость отказом его личной сферы. ***Же*** вводит реализацию должного, не имеющего места. В конце **просто** маркирует максимум расхождений на фоне иных вариантов развития ситуации, в том числе и нормы

Перед нами блестящий ансамбль коммуникативных средств, мощная семантическая пропись русской эмоции - возмущенного отказа и не менее возмущенного уговаривания.

Коммуникативное поле нормы может быть представлено и в **монологических текстах.** При этом ряд из них требует активного использования средств коммуникативного уровня языка и без них существовать не может. Такова русская жалоба. Отметим, что параметр нормы в подоб-

ного рода текстах типично взаимодействует со средствами поля бенефактивности, личной сферы и вариантов развития ситуации.

В следующем отрывке из фильма «Родня» представлена возмущенная жалоба, что вызывает в тексте средства, актуализирующие расхождение норм, позиций собеседников и средства с параметром бенефактивности.

```
                    2       2
  - Что ты кричишь,/ Мария!
                 2¹      3          2
  - А ты молчи !/ Мажешь себе/ и мажь./ Больше тебе тут
     2                 2³          ,
делать нечего!/ У вас тут сро ду не уе дешь!/ Порядки
     3                                2          5        \
позаводили!(плач) Прямо хоть караул кричи,/ честное слово.
                 6                   3          1
/ Скоро тут/ люди будут ночами сидеть/ и билетов у вас
  ,          3          5  \          5      \          -
ждать./ Война, что ль?/ Ни уехать!/ Ни приехать!/ Пожало-
     2                 6                   3
ваться некому!/ И такие здоровенные поезда ходят,/ и одно-
 6                 2                                  2
го человека/ посадить не могут!/ Что у вас за порядки такие
                 2     2    2          2
завелись!/ Паразиты!/ Э!/ Дядька!/ А чего это у тебя там?
```

Этот отрывок представляет собой идеальный пример концентрированного выражения способа формирования русской жалобы с целым каскадом коммуникативных средств.

Обращает на себя внимание нагнетание **инфинитивных** структур с параметром соответствия – отклонения от нормы (с актуализацией последней реализации). **Множественное число** вводит коммуникативный параметр не своей нормы (*порядки*). Форма **2-го лица будущего времени** выступает в реализации отклонения от личного опыта (нормы) говорящей. ***Прямо*** передает отклонение от прецедентной нормы говорящей. ***Честное слово*** выступает в реализации неприятия позиции социума как не соответствующей норме развития ситуации с точки зрения говорящей и воздействия на нее этого отклонения. **ИК-3** актуализирует реализацию ориентации на отклонение от нормы. ***Что ль*** подчеркивает несоответствие эксплицированного и реализованного варианта норме развития ситуации. Местоимение ***такие*** вводит смысл отклонения от нормы с небенефактивными следствиями Эксплицитное ***паразиты*** также связано с небенефактивным отклонением от нормы.

Приведенные в этом списке лексические средства ***прямо, честное слово, такие***, а также включенный в конструкцию инфинитив обладают инвариантным параметром нормы, остальные выступают средствами реализации по норме.

Языковые средства демонстрируют коммуникативное согласование по параметру нормы и в одной конструкции, например: ***Что у вас за порядки такие завелись!***

Что за передает отклонение от нормы развития ситуации, **множественное число** вводит смысл «не моей» нормы, ***такие*** маркирует отклонение от нормы с небенефактивными следствиями, **ИК-2** противопоставляет реализованный вариант норме.

В тексте присутствуют и средства с параметром личной сферы (например, ***тут***, вводящее параметр влияния на личную сферу обстоятельств, отклоняющихся от нормы), а также бенефактивности (например, ***по****заводили*, где приставка ***по-*** маркирует переключение степени бенефактивности прежней ситуации по сравнению с нынешней, отклонившейся от нормы).

Во втором отрывке, связанном с жалобой – причитанием, актриса, обладающая феноменальным чувством семантики коммуникативного уровня, актуализирует в первую очередь средства с параметром личной сферы (*ой, Господи, мамочки*), ср.:

```
        2                          2            2
 – Ой господи,/ мой боже, мой господи!/ Да что же это за
 2      -        2                        2
мода такия?/ И все у них есть,/ и все им мало./ И что им
 2                  1     2        2
надо,/ они сами не знают./ Господи!//Ма-моч-ка!/Ойх! Ой!
2    2            5          \                    2
Ой!/Уеду отсюда к чертовой ма тери уеду!/ И не могу я
        2
здесь./Ой…
```

Из средств с параметром нормы выбирается **множественное число** (коммуникативная семантика «не моей» нормы), а также лексема ***такие*** с параметром отклонения от нормы с небенефактивными следствиями и структура с отсылкой к ***черту***, которая, который наряду с другими параметрами обладает и параметром отхода от бытовых и социальных норм.

При этом во фразе ***Да что же это за мода такия! да*** говорит о несоответствии позиции говорящей нормам, принятым в городском социуме; ***что за*** вводит реализацию качественной характеристики, отклонившейся от нормы развития ситуации; ***же*** актуализирует реализацию должного, не имеющего места; ***это*** маркирует отклонение сущностной качественной характеристики ситуации от нормы; ***такия*** свидетельствует об отклонении от нормы с небенефактивными следствиями. Яркой особенностью этой фразы является рассогласование по числу (*мода такия*), что

не просто имитирует разговорность, а демонстрирует особенность работы средств на коммуникативном уровне, где каждое из них, в данном случае грамматическая категория числа, вносит свой вполне самостоятельный смысл, даже не выполняя задач номинативного уровня: множественное число вводит параметр ‘не моей нормы’.

Еще одним средством с параметром нормы является используемый актрисой типичный для русской экспрессивной речи **повтор**, вводящий процесс небенефактивного воздействия ситуации, отклонившейся от нормы на говорящую**. ИК-5** выступает в реализации предельной степени небенефактивности ситуации по сравнению с нормой.

В то же время на фоне других средств, вводящих в коммуникативный текст параметр нормы, одно из них может играть особую роль. При этом важно не только средство, но его реализация.

Так, во всех диалогах фильма «Добро пожаловать, или посторонним вход воспрещен» Е. Евстигнеев в гениальном образе Дынина использует **ИК-3** с параметром ориентации не в типичной русской реализации, связанной с ориентацией на позицию слушающего (она возникает у него всего лишь в двух крайне нагруженных случаях: при общении с начальством и в ситуации «выхода из образа»), а в реализации ориентации на норму, соответствия или отклонения от нее, что мощно прописывает характер героя с его приверженностью к застывшим нормам-догмам, сатирические развенчивая его. Например:

2\ 2
– Товарищ Дынин!/ У меня к вам серьезный разговор.
2 1
– Опять про Инночкина./ Ты лучше посмотри, что у тебя в
2\ 3 2/\/
отряде творится./ У всех ***привес,****/ а третий отряд на мес т е*
3 1 2
топчется./ ***С чем приехали,****/ с тем и уехали./ А в других*
3 4˘ 3 4
отрядах/, ***что ни день****/ сто грамм/* ***что ни день****/ сто грам-*
3 , 6
мов,/ ↓а то/ и сто[п и]сят.

Заметим, что ориентация на бенефактивную норму поддерживается коммуникативными параметрами **повтора** (процесс бенефактивного воздействия ситуации, соответствующей норме).

В то же время в текстах с развернутым номинативным содержанием, что свойственно в первую очередь монологическим отрывкам, количество средств коммуникативного уровня может сокращаться, что не снимает их функциональной значимости.

Так, В «Собачьем сердце» в монологах профессора Преображенского Е. Евстигнеев, вводя коммуникативный параметр нормы, активно использует интонационные средства (прежде всего **ИК-3** в реализации ориентации на норму и отклонение от нее и модальную **ИК-3\/** с параметром варианта развития ситуации, который не при каком ее развитии нельзя было бы предположить), а также **ИК-6** в реализации знания нормы и понимания отклонения от нее), «накидывая» коммуникативную сетку на обширные монологи своего героя. Это, с одной стороны, позволило прописывать номинативный контраст, держа внимание зрителя, с другой – подчеркивать яркое и открытое выражение своего мнения героем, что так подкупало в свое время зрителя.

– И почему это пролетарий/ не может снять свои грязные
калоши вни/зу,/ а пачкает мрамор.

– Да у него ведь, Филипп Филипыч, вовсе **нет калош.**

– Ничего похожего.// На нем теперь есть калоши./ И это
*калоши мои ./*Это как раз те самые калоши,/которые исчез-
ли/весной семнадцатого года./ Спрашиваю, кто их попер?/
Я?/ Не может быть./ Банкир Саблин?/ Схарозаводчик По л
озов?/ Да ни в коем случае!/ это сделали как раз вот эти
самые певуны./ Да хоть они снимали их/ на лестнице./
Какого черта!/ Убрали цветы/ с площадок?/ Почему электриче-
ство/ дай бог памяти, тухло в течение двадцати лет два
раза./ В теперешнее время аккуратно гаснет два раза в
день.

– Разруха, Филипп Филипыч.

– А что означает эта ваша разруха?/ Старуха с клюкой?/
Ведьма, которая выбила все стекла,/ потушила все/ лампы?
/ Да ее вовсе не существует,/ доктор./ Что вы подразумевае-
те под этим словом?/ А это вот что./ Когда я вместо то-
го, чтобы оперировать/каждый вечер,/ начну/ в квартире/

3, 1/\/\ 2 2
петь хором/ настан е т разруха./ Если я,/ входя в уборную,
2 3
начну, извините за выражение,/ мочиться мимо унитаза,/ и
2 2 3\/
то же самое будут делать Зина и Дарья Петровна/ в уборной
1
у меня/ начнется разруха./ Сле [днтнъ] разруха не в
2/\/\ 2/\/\ 6˘
клозет ах,/ а в головах ./ Значит, когда эти баритоны
⌐ 1 3 2³ 3
кричат: «Долой разруху!»,- я смеюсь. /Ей Богу,/ мне
3⁷ 2³
смешно ./ Это означает, что каждый из них/ должен лупить
2 3
себя по затылку./ И вот когда он выбьет из себя все эти
, . 1 , . 3
[пън аити] галюцинации и займется чисткой сараев,/ пря-
2 2 2 3˘ , 1
мым своим делом(ИК-2)/ разруха исчезнет сама собой. /
6 6 1 2 2
Двум богам служить нельзя,дорогой доктор./ Невозможно/ в
3 3
одно и то же самое время/подметать трамвайные пути/ И
6 1
устраиваить судьбы/каких-то иностранных оборванцев.
6 2 1
- Контрреволюционные вещи говорите, Филипп Филиппович.
6⁷ 2 1
- А ничего опасного./ Никакой контрреволюции. Кстати,
6 5 \ 2
вот еще слово,/которое я совершенно не выношу,/ Абсолютно
6
неизвестно,/что под ним скрывается? Ч[ъ]ерт знает что?
1 7 ,
Так вот я и говорю./ Никакой контрреволюции/ в моих сло-
2 3 1
вах нет. В них здравый смысл/ и жизненный опыт.

Для введения параметра контраста норм используется и такое важное коммуникативное средство, как **контрастность темпа речи.**

В то же время средства, обладающие инвариантным параметром нормы или выступающие в реализации по норме, способны формировать конструкции вполне самостоятельно. Это свойственно и художественным текстам, но в полной мере реализуется также в структурах разговорной речи.

Вспомним упомянутую выше конструкцию ***Да что же это такое-то, а?***

В ситуации, резко отклоняющейся от нормы, типичны структуры с компонентом ***вообще просто,*** передающие и возмущение, и восхищение.

3 3 2
– Вы Миг-25 видели?/ Это такая махина!/ ***Вообще просто!*** (телесериал «Кадеты»);

2 6 2
– Вот эту!/ Окрас/ ***вообще просто!*** (разговорная речь).

При рассказе о ситуации, отклоняющейся от нормы, типично использование конструкции ***это самое***, которая явно не поощряется кодификаторами, но используется как рядовыми, так и высокообразованными естественными носителями языка, элитарными языковыми личностями.

Так, актриса Екатерина Васильева, вспоминая в своем интервью работу Г. Буркова на совместных съемках фильма, в рассказе о том, как ситуация дважды отклонилась от нормы (необходимость упасть во фраке в ледяную воду, а затем из-за засвеченной пленки повторить дубль), в своей рафинированно правильной медленной речи в данных фрагментах дважды использует *это самое*, подчиняясь коммуникативной логике.

Ср. использование упомянутых средств в одной конструкции в эмоциональной речи жительницы Донбасса, рассказывающей корреспонденту «Вестей» о ситуации в ее родном поселке во время пребывания там боевиков «Правого сектора»:

2 2
– Это самое вообще просто!/ Просто вообще это самое!

2
– Хуже фашистов.

Несмотря на то что номинативное содержание сообщения остается здесь полностью не эксплицированным, оценка понятна любому естественному носителю языка, хотя значения каждого из средств и не осознаются. Раскроем семантический код приведенного речевого фрагмента. ***Это*** апеллирует к сущностной качественной характеристике ситуации, отклонившейся от нормы. ***Самое*** в соответствии с инвариантными параметрами говорит о реализации варианта развития ситуации с такой степенью качества, которой другие варианты, в том числе и соответствующий норме, не обладают. ***Вообще*** вводит смысл полного слома нормы (одна из реализаций его параметров нормы и допускаемых отклонений). ***Просто*** маркирует максимально небенефактивный вариант в оппозиции к другим вариантам, в том числе и норме.

Возможны и каскады других согласований. Например, на телеконкурсе «Голос. Дети» одна из юных участниц получает следующую характе-

ристику от члена жюри певицы Пелагеи (коммуникативная семантика восхищения):

```
            6              2
- Это такое /ай вообще!
```

Сущностная качественная характеристика девочки-певицы (***это***) отклоняется от нормы с бенефактивными следствиями – произведенного впечатления на члена жюри (***такое***), которая не готова была услышать нечто подобное – войти в новую ситуацию потенциальных возможностей детей (***ай***), при завершающем ***вообще*** в реализации полного слома нормы в позитивном аспекте.

Ср. также различные средства выражения в разговорной речи коммуникативной семантики возмущения:

```
                    2                    2
- Малахову дали Тэффи./ Ну это вообще!

   2      3            2
- Нет, Малахову дали Тэфи!

         3      2³              2       2³
- Ну Малахов ну ! Ну это просто! Ну !
```

В данных высказываниях ***ну*** передает несоответствие ожидаемой норме, ***это*** – отклонение от сущностной качественной характеристики, ***вообще*** – полный слом нормы, ***нет*** – возвращение к варианту, отклонившемуся от нормы, ***просто*** – максимально небенефактивный вариант на фоне всех других вариантов, и нормы в том числе, **повтор** (как ***ну***, так и самого высказывания) – процесс воздействия ситуации, отклонившейся от нормы в небенефактивную сторону.

Таким образом, коммуникативное поле нормы при всех возможных модификациях базового параметра, зависящих от семантических возможностей реализующих его средств, играет важнейшую роль в организации речи, участвуя в формировании каскада целеустановок и типов текстов. Особо следует подчеркнуть роль этой группы средств при формировании семантической основы русских эмоций, что приобретает особое значение, если учесть открытую эмоциональность коммуникативной стратегии русского речевого поведения.

Проблема группировки средств коммуникативного уровня языка имеет и еще один аспект.

Принципиальные отличия семантики системы средств коммуникативного уровня ставят перед исследователем задачу **создания словаря разноуровневых коммуникативных средств** (от типов интонации до

грамматических категорий и синтаксических конструкций). И здесь встает вопрос о представлении материала. Очевидно неудобство традиционной организации по алфавиту, прежде всего связанное с неосознаваемостью естественным носителем языка самого набора коммуникативных средств. Не менее сложно объединить материал по группам средств (например, наречия, местоимения, частицы), так как коммуникативные параметры (и это еще одна их особенность) объединяют разные части речи (например, компоненты ***вот, что*** как местоимение, союз частица имеют инвариантные коммуникативные параметры).

И в этом случае приходит на помощь группировка по семантическим полям. Однако и здесь есть проблемы. Средства, обладающие набором параметров, будут соответственно одновременно входить в разные поля. Отсюда неизбежны их повторения. Но современные возможности подсказывают выход. Словарь должен иметь компьютерный вариант. Следует подчеркнуть объясняющий характер этого описания, так как самостоятельно выделить параметры коммуникативных средств естественный носитель языка не может, но легко «узнает» их после соответствующего объяснения.

И еще одно замечание. Объединение средств с ранее не осознаваемыми коммуникативными параметрами, как в конструкции, так и в тексте, отражает закон семантического согласования и дублирования, присущий семантическому чертежу русского языка.

Список литературы

Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня языка. М., 2002.

Безяева М.Г. Коммуникативная семантика звучащего текста // Пространство диалога: литературоведение, лингвистика, лингво-дидактический аспект: Междунар. науч. конф. Вильнюс, 2011.

Безяева М.Г. Коммуникативная семантика как объект филологического исследования // Филология вечная и молодая: Сб. статей к юбилею проф. М.Л. Ремневой. М., 2012.

Безяева М.Г. О специфике коммуникативной интерпретации текста (на материале соотношения его письменной основы и звучащего варианта) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2013. № 2.

Безяева М.Г. Коммуникативное поле как единица языка и текста // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 15. М., 2014.

Брызгунова Е.А. Основные типы интонационных конструкций и их функционирование в русском языке // Русский язык за рубежом. 1973. № 1–2.

Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. 3-е изд., доп. и перераб. М., 1977.

Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика. Т. I–II / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980 (§1–2, 150–171, 1900, 1918, 1923, 1925, 1936, 1947, 1951, 2125–2127, 2223–2230, 2629–2640, 3189–3194).

Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М. 1988.

Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В.В. Избр. труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975.

Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.

Сведения об авторе: Безяева Мария Геннадьевна, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: russlang@philol.msu.ru.

М.В.Кюсева

Признаковая лексика в русском жестовом языке в типологической перспективе[1]

В настоящей статье представлен лексико-семантический анализ средств выражения в русском жестовом языке (РЖЯ) пяти качественных признаков: ‘острый’, ‘тупой’, ‘старый’, ‘толстый’, ‘тонкий’ в сравнении со звучащими языками. Анализ основывается на противопоставлении в лексиконе жестовых языков вообще и русского жестового языка в частности ядерных и периферийных жестов. Предлагается выделять в периферийных жестах два типа компонентов – специфицированные и неспецифицированные. Специфицированные компоненты неизменны, а неспецифицированные меняют свою форму в зависимости от контекста. Такое разделение позволяет осуществить анализ признаковых полей РЖЯ при помощи инструментария Московской лексико-типологической группы и провести сравнение с соответствующими полями звучащих языков.

Ключевые слова: русский жестовый язык (РЖЯ), лексика жестовых языков, качественные признаки, лексическая типология.

The article presents a lexico-semantic analysis of five qualitative fields in Russian Sign Language (RSL: ‘sharp’, ‘blunt’, ‘old’, ‘thick’, ‘thin’) in comparison with spoken languages. The analysis is based on the division of the sign language lexicon into the core and the peripheral signs. The latter are argued to consist of two types of components, namely, specified and non-specified ones. Specified components have a permanent form, while non-specified ones change their form depending on context. This distinction enables an analysis of RSL qualitative fields in the Moscow Lexical Typology Group framework and provides basis for the comparison of these signs with corresponding spoken language words.

Key words: Russian Sign Language (RSL), sign language lexicon, physical qualities, lexical typology.

1. Введение

В этой статье представлены результаты анализа признаковых слов русского жестового языка (РЖЯ) в сравнении со звучащими языками. Типологические работы, включающие в выборку данные как звучащих, так и жестовых языков, в основном ограничиваются грамматически-

[1] Мы благодарим Веру Ежову, Татьяну Давиденко, Анну Комарову, Анну Бабушкину, Павла Пракса, Татьяну Терент, Александру Лемесову, Светлану Буркову, Алексея Приходько, Елену Штатных, Анастасию Фурманову и Наталью Горбачеву за неоценимую помощь в сборе материала данного исследования.

ми явлениями (см. [Pfau, Steinbach, 2006], [Sandler, Lillo-Martin, 2006], [Zeshan, 2006]). Сопоставление двух типов языков на уровне лексики до сих пор находится на начальной стадии (см, впрочем, [Grose, 2012], [Sagara, Zeshan, 2016]). Это неудивительно, ведь сравнение такого рода затрудняется рядом причин, наиболее весомой из которых является отсутствие полного соответствия между словами звучащих и жестовых языков.

Настоящее исследование выполнено в рамках теории, разрабатываемой Московской лексико-типологической группой (см.: [Rakhilina, Reznikova, 2016], [Рахилина, Резникова, 2013]). Согласно этой теории, для каждого семантического поля можно выделить закрытый список минимальных лексических значений, фреймов, которые могут принадлежать как к прямой, так и к переносной зоне. Фреймы прямых значений образуют структуру смежностей, которая может быть изображена в виде семантической карты: узлы, расположенные на такой карте близко друг к другу, скорее будут описываться одним словом в языке, чем те, которые находятся на разных ее концах.

Методология Московской лексико-типологической группы была апробирована на материале звучащих языков разных групп и семей (см., например, [Брицын и др., 2009], [Кашкин, 2013], [Майсак, Рахилина, 2007]). Никогда раньше, однако, она не применялась для анализа данных жестовых языков. Настоящее исследование представляет собой первую попытку такого рода. На примере пяти признаковых полей РЖЯ (‘старый’, ‘острый’, ‘тупой’, ‘толстый’, ‘тонкий’) мы покажем, что отличия в структурах лексикона русского жестового и звучащих языков не мешают их сопоставлению. Более того, подобный сравнительный анализ оказывается очень продуктивно проводить с помощью выбранной нами методологии.

В разделе 2 статьи мы представим общую информацию об устройстве лексики в жестовых языках, в разделе 3 опишем методологию нашего исследования, в разделе 4 представим анализ признаковых слов в РЖЯ, а в разделе 5 обсудим следствия, которые рассмотренный материал имеет для теории лексической типологии, разрабатываемой в Московской лексико-типологической группе.

2. Лексика жестовых языков

2.1 Компоненты жеста

В общем случае эквивалентами слов звучащих языков в жестовых языках являются жесты [Meir, 2012], [Прозорова, 2007]. До середины XX в. жесты считались лишенными внутренней структуры, а жестовые языки приравнивались к пантомиме, примитивному средству коммуникации глухих и слабослышащих [Зайцева, 2000]. Работой, коренным образом изменившей представление об устройстве жестовых языков, стала монография У. Стоуки [Stokoe, 1960], в которой он описал грамматику американского жестового языка (АЖЯ). У. Стоуки показал, что в АЖЯ можно выделить основные языковые уровни – фонетику, морфологию, синтаксис и семантику. Аналогами фонем он считал компоненты, из которых состоят жесты. Таких компонентов в работе выделяется три: конфигурация руки, место артикуляции жеста и движение. Позже к этому списку была добавлена ориентация ладони [Battison, 1978], а движение стали разделять на два компонента – тип движения (прямое vs. дугообразное; резкое vs. плавное) и направление движения (вниз, вверх, к себе, от себя, и т. д.)[2]. Так, например, жест СТЕНА русского жестового языка показывает в нейтральном жестовом пространстве ладонью в конфигурации B[3] ( ), ориентированной к говорящему, при этом рука движется вертикально вверх.

Рис. 1. РЖЯ: СТЕНА[4]

Как и фонемы звучащих языков, компоненты жеста могут выступать в роли минимальных смыслоразличительных единиц. Так, жест МУЖЧИНА

[2] В число структурных элементов жестов во многих работах также входит немануальный компонент (движения губ, головы, туловища). В целях экономии места он не будет рассматриваться в настоящей статье. См, однако, подробный анализ немануального компонента в прилагательных РЖЯ в [Кюсева, 2017].

[3] Источником буквенных и цифровых обозначений конфигураций руки является дактильный алфавит и обозначение цифр в РЖЯ.

[4] Примеры здесь и далее из моей полевой работы, если не указано иное.

от жеста ЖЕНЩИНА отличается только местом артикуляции, а ВТОРНИК от СРЕДА – конфигурацией ладони.

Рис. 2а. РЖЯ: МУЖЧИНА *Рис. 2б.* РЖЯ: ЖЕНЩИНА

Рис. 3а. РЖЯ: ВТОРНИК *Рис. 3б.* РЖЯ: СРЕДА

Важным отличием компонентов жестов от фонем звучащего языка является одновременное выражение в жесте первых и, как правило, последовательное выражение в слове последних. Действительно, конфигурация руки, локализация и движение просто физически не могут выражаться по отдельности. Для того чтобы не смешивать два понятия, а также, чтобы не идти вразрез с этимологией слова «фонема», У. Стоуки предложил для обозначения компонентов жеста термин «хирема», который, однако, не прижился.

2.2 Иконичность жеста и вытекающие из нее проблемы

Важное различие между лексикой жестовых и звучащих языков – значительно более высокая степень иконичности первой [Meir, 2010], [Sandler, Lillo-Martin, 2001], [Taub 2004]. Так как большая часть информации передается через зрительный канал, объектов, которые можно иконично кодировать по внешнему виду, намного больше, чем тех, для которых возможно иконичное звуковое кодирование. А значит, языки, которые реализуются в визуальной модальности, обладают большим потенциалом для этого процесса, чем звучащие [Taub, 2004]. Например, в

итальянском жестовом языке 50 процентов конфигураций руки и 67 процентов артикуляций на теле являются иконичными [Pietrandrea, 2002].

Лексическую иконичность в русском жестовом языке можно продемонстрировать с помощью жеста ВАЗА: конфигурация рук в этом жесте показывает круглую форму среза вазы, ориентация ладоней и направление движения – вертикальное положение объекта и его примерный размер, наконец, место артикуляции отражает локализацию вазы перед человеком.

а

б

Рис. 4. РЖЯ: ВАЗА

Именно это свойство лексики жестовых языков ответственно за ее неоднородность. В ней выделяется два основных типа: ядерный и периферийный лексикон[5]. К ядерной лексике относят жесты, обладающие неизменной формой во всех контекстах. Эти слова, конвенцинализованные среди носителей, называют также «стабильным» (*established*), или «зафиксированным» (*frozen*) лексиконом. Так, например, ядерными являются русские жесты МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА, ВТОРНИК и СРЕДА, проиллюстрированные выше. К периферийным (также «потенциальным» [Johnston, Schembri, 2007], или «продуктивным» [Brennan, 1990]) относят жесты, которые могут значительно менять свою форму в зависимости от контекста. Таковым является, например, прилагательное толстый в РЖЯ: ‘толстая стена’ описывается при помощи движения вниз одной руки, ориентированной ладонью от говорящего, ‘толстое дерево’ – движения вниз двух рук, ориентированных друг к другу, а ‘толстая веревка’ – движения двух рук в противоположные стороны.

[5] В [Johnston, Schembri, 2007] выделяется также третий тип жестов – заимствованная лексика. Этот тип, однако, нерелевантен для настоящего исследования, и его мы в дальнейшем в статье касаться не будем.

а *б* *в*

Рис. 5. Признак ‘толстый’ в контексте существительных ‘стена’ (а), ‘дерево’ (б), ‘веревка’ (в).

Периферийная лексика нарушает многие ограничения, описанные выше. Во-первых, нельзя с уверенностью утверждать, что продуктивные жесты формируются из закрытого списка элементов. Их иконическая природа позволяет отражать тончайшие детали описываемых объектов, и любой новый объект действительности или новый способ его перемещения может повлечь за собой незафиксированную ранее форму. Во-вторых, в отличие от ядерного лексикона, эти жесты в большинстве своем полиморфемны: отдельные компоненты обладают своим собственным значением, из которых складывается общий смысл. Так на рисунке 5а форма руки выражает толщину, ориентация и направление движения – топологические характеристики стены, а локализация – ее относительное расположение.

Считается, что если ядерные жесты хранятся в ментальном лексиконе носителей, периферийные создаются в процессе порождения речи, что сближает их с жестикуляцией слышащих людей [Kendon, 2004]. Эти жесты представляют проблему для лингвистического анализа – в первую очередь потому, что статус их как слов является не до конца решенным.

3. Методология исследования

В настоящем исследовании мы использовали традиционную для Московской лексико-типологической группы методологию исследования: анализ контекстной сочетаемости лексем. Эта методология была применена к материалу пяти признаковых полей в РЖЯ, относящихся к разным семантическим зонам:

– функциональная (‘острый’, ‘тупой’)
– временная (‘старый’)
– визуальная (‘толстый’, ‘тонкий’)

Сбор данных состоял в заполнении носителями анкет, включающих контексты с предметами разных топологических классов. Эти анкеты бы-

ли разработаны для типологического исследования признаковых полей участниками Московской лексико-типологической группы [Privezentseva, Kozlov, 2014], [Rakhilina, Reznikova, 2016], [Кюсева, 2012]. Анкеты представлены в двух видах: списка словосочетаний «прилагательное + существительное» и списка предложений, содержащих интересующий нас признак. Ср. фрагмент анкеты для признака ‘острый’:

Таблица 1. ‘острый’: фрагмент анкеты

Прилагательное + существительное	Предложения
острый нож	*Мне нужно купить острый нож для похода*
острое копье	*Нигде не видел такого острого копья!*
острый локоть	*Меня женщина в автобусе толкнула острым локтем.*
острый клык	*Будь осторожен! У этой собаки острые клыки.*
острый колпак	*Мне мама купила острый колпак для спектакля*

Задача носителей РЖЯ состояла в переводе соответствующих словосочетаний и предложений с русского языка на русский жестовый. Каждая анкета была заполнена пятью носителями. Носители – глухие из семьи глухих и слабослышащих, жители Москвы и Новосибирска. Видеозаписи с ответами были аннотированы и проанализированы в программном обеспечении ELAN 4.9.0 (http://tla.mpi.nl/tools/tla-tools/elan/). Таблица 2 иллюстрирует аннотационные слои, которые использовались при разметке данных.

Таблица 2. Интонационные слои разметки данных

Тип слоя	Название слоя
Общая аннотация	перевод предложения на русский
	правая рука: пословные глоссы
	левая рука: пословные глоссы
Фонологическая аннотация по компонентам жеста	конфигурация руки
	ориентация руки
	место артикуляции
	направление движения
	тип движения

Дальнейший анализ материала состоял в очерчивании круга жестов, покрывающих признаковые поля, и помещении их на типологические семантические карты.

4. Признаковая лексика в РЖЯ

По лексическому заполнению исследуемые признаковые поля делятся на два типа. Поля первого типа покрываются исключительно жестами из ядерного лексикона. В лексикализации полей второго типа участвуют как ядерные, так и продуктивные жесты. Рассмотрим две группы признаковых полей, выделенные на нашей выборке, по отдельности.

4.1. Поля, покрывающиеся жестами ядерного лексикона

Два семантических поля в нашей выборке, ‘тупой’ и ‘старый’, покрываются исключительно жестами ядерного лексикона. Тупые предметы в РЖЯ описываются жестом ТУПОЙ (рис. 6), а старые – двумя простыми жестами (СТАРЫЙ, ПРЕДЫДУЩИЙ) и одним композитом (СТАРЫЙ + ДАВНО, рис. 7).

Рис. 6. РЖЯ: ТУПОЙ

7а *7б*

в

Рис 7. РЖЯ: СТАРЫЙ (а); ПРЕДЫДУЩИЙ (б); СТАРЫЙ + ДАВНО (в)

Эти системы можно легко сравнить с организацией семантических полей в звучащих языках. Так, признак ‘тупой’, проанализированный на материале двадцати языков [Кюсева, 2012], описывает предметы двух типов, или два фрейма: плохо режущие инструменты (тупой нож / ножницы / пила) и плохо колющие инструменты (тупая игла / спица / копье). В звучащих языках обнаружено три основных стратегии лексикализации этого поля: (I) каждый фрейм, покрывается своим прилагательным (финский, коми-зырянский), (II) ни один из фреймов не покрывается специализированной лексемой (французский, в котором соответствующие значения передаются либо описательно, либо при помощи причастий), (III) оба фрейма описываются одним словом. Последняя стратегия является самой частотной и наблюдается, например, в русском, сербском, английском, китайском, баскском, немецком, японском, корейском и малайском языках. Наблюдается она и в русском жестовом языке, в котором и тупые ножи, и тупые иглы описываются при помощи прилагательного ТУПОЙ из ядерного лексикона.

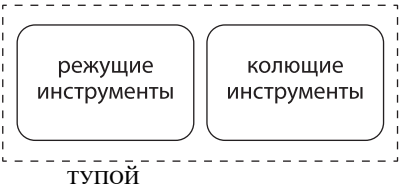


Рис. 8. Поле ‘тупой’ в РЖЯ

В поле ‘старый’ РЖЯ демонстрирует дистрибутивную стратегию лексикализации: жест СТАРЫЙ характеризует возраст людей (‘старый человек’) и новизну вещей (‘старая одежда’), жест ПРОШЛЫЙ относится к объектам и людям, которые подвержены смене (‘бывший директор’), на-

конец, композит старый + давно описывает объекты из прошлой эпохи (‘старая монета’).

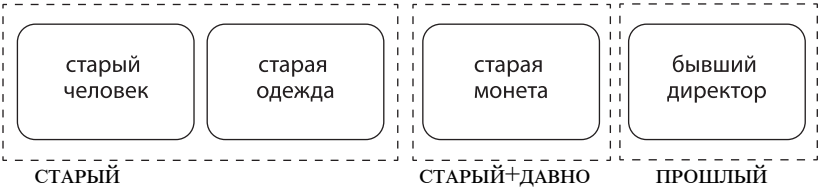


Рис. 9. Поле ‘старый’ в РЖЯ

В отличие от поля ‘тупой’, поле ‘старый’ в РЖЯ имеет структуру, крайне редко реализующуюся в звучащих языках. Материал более ста языков [Marushkina, Rakhilina, 2013] показывает, что намного более частотными являются стратегии: (I) доминантная, где одно прилагательное описывает все типы объектов; (II) бинарная, где поле покрывается двумя лексемами и (III) дистрибутивная, где либо каждый тип объектов описывается своим прилагательным (нанайский, якутский, коми, кечуа и др.), либо одна лексема покрывает фрейм ‘старый человек’, вторая – ‘старая одежда’, а третья объединяет два оставшихся типа объектов (вьетнамский, башкирский, киргизский и другие).

4.2. Поля, покрывающиеся жестами ядерного и периферийного лексикона

Оставшиеся три поля выборки покрываются жестами не только ядерного, но и периферийного лексикона. Так, в поле ‘острый’, состоящем из трех фреймов (см. рис. 9), первый узел покрывается ядерной лексемой острый[6] (рис. 10), а средний и последний фреймы описываются периферийными жестами, которые принимают разную форму в зависимости от контекста. Ср. вид прилагательного в контексте существительных ‘локоть’, ‘спица’ и ‘рог’ (рис. 11).

6 В этих контекстах также может употребляться жест острый$_2$, деривационно связанный с жестом тупой: он показывается точно так же, но без редуплицированного движения. Судя по предварительным данным, острый и острый$_2$ являются полными синонимами.

Рис. 10. Семантическая карта признака ‘острый’

а *б*

Рис. 11. РЖЯ: ОСТРЫЙ

Рис. 12. РЖЯ: ‘острый (форма)’ в контексте существительных ‘локоть’ (а-б), ‘спица’ (в-г), ‘рог’ (д-е)

Похожим образом устроены и признаки размеров. В поле ‘толстый’, например, выделяется четыре минимальных прямых значения: толстые слои (‘одеяло’, ‘лед’), толстые стержни (‘веревка’, ‘дерево’), широкие полосы (‘дорога’, ‘доска’) и широкие отверстия (‘проход’, ‘труба’) [Privezentseva, Kozlov, 2014].

Рис. 13. Семантическая карта признака ‘толстый’

Если широкие полосы и отверстия в РЖЯ описываются ядерным жестом широкий (рис. 14), то толстые слои и стержни покрываются периферийными формами (см. рис. 5).

а *б*

Рис. 14. РЖЯ: ШИРОКИЙ

Такая ситуация оказывается проблемной для анализа этих полей в рамках нашей теории. Не до конца проясненный статус продуктивных жестов в жестовой лингвистике, на первый взгляд, не позволяет нам их однозначно интерпретировать и здесь. Действительно, если предположить, что такие жесты представляют собой слова, то каждый новый объект действительности может повлечь за собой новую лексему. А это не только кажется неправдоподобным с точки зрения общепринятого понятия слова, но и оказывается совершенно непригодным для анализа в рамках Московской лексико-типологической группы. Бесконечное количество слов повлечет за собой бесконечное количество фреймов, а это подрывает саму идею наличия закрытого списка минимальных лексических значений для каждого семантического поля (см. рис. 15а). Если, напротив, предположить, что эти жесты являются не поддающейся анализу пантомимой и не относятся к лексической системе языка, тогда нужно будет постулировать лакуну в соответствующих узлах семантических карт (рис. 15б). Само по себе наличие лакуны в лексической системе не раз фиксировалось в звучащих языках. Так, например, во французском языке отсутствует прилагательное со значением ‘тупой’. Однако, в таком случае получится, что у русского жестового языка лакуна приходится на визуальные признаки. А так как наличие лакуны свидетельствует о нерелевантности данного поля или его части для языка, такое положение дел

было бы странным для языка, использующего визуальный канал передачи информации.

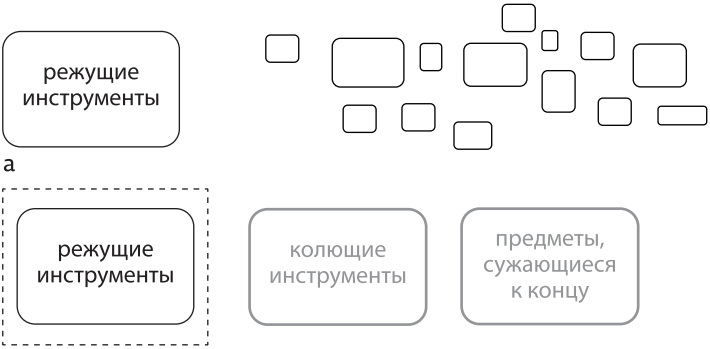


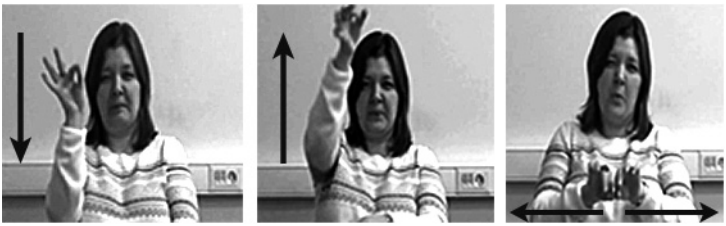
Рис. 15. Возможные анализы семантического поля ‘острый’ в РЖЯ

Более внимательный анализ этих жестов предлагает третье решение проблемы. Оказывается, что не все их компоненты меняются при изменении контекста. Так, продуктивные жесты поля ‘острый’ объединяет смена конфигурации руки с открытой на закрытую. Таблица 3 иллюстрирует начальную и конечную конфигурации ладони в этих единицах.

Таблица 3. Смена конфигураций ладони в периферийных жестах поля ‘острый’

Начальная конфигурация		Конечная конфигурация	Существительные РЖЯ, с которыми ‘острый’ выражается данной конфигурацией
	→		*ИГЛА, КОСА, МАЧТА, СПИЦА, СТРЕЛА, КОПЬЕ, КАБЛУК, КЛЮВ, КЛЫК, КОГОТЬ, НОГОТЬ, НОС, ПОДБОРОДОК*
	→		*ПАЛКА, КОЛ, КОЛПАК, ЛОКОТЬ, НОСОК БОТИНКА, ПИК ГОРЫ*
	→		*РОГ*
	→		*САБЛЯ*

У признаков ‘толстый’ и ‘тонкий’ неизменной является конфигурация руки: для обозначения большого размера и – для маленького. При этом место артикуляции жеста, ориентация ладони, направление и тип движения меняются в зависимости от контекста (ср. рис 5 для качества ‘толстый’ и рис. 16 для семантического поля ‘тонкий’).



а *б* *в*

Рис. 16. РЖЯ: ‘тонкий’ в контексте существительных ‘стена’ (а), ‘дерево’ (б), ‘верёвка’ (в)

Это позволяет нам анализировать эти формы как состоящие из лексической и нелексической части. Их лексическая часть представлена «специфицированными» элементами, которые являются конвенционализованными среди носителей, остаются неизменными в разных контекстах и содержат значение соответствующего признака. Действительно, если принять анализ периферийных жестов как полиморфемных единиц, то идея большой / маленькой толщины передается открытой / закрытой формой руки, а идея острой формы содержится именно в изменении конфигурации руки с открытой на закрытую (можно с некоторым огрублением сказать, что острый предмет является толстым у основания и тонким на конце). Остальные, «неспецифицированные», элементы сильно зависят от контекста и описывают топологические характеристики предмета: его ориентацию, объемность и положение в пространстве. Ср., например, форму жеста ‘острый’ в контексте существительного ‘локоть’ (рис. 12а–б): место артикуляции этого жеста показывает локализацию локтя, ориентация руки и направление движения характеризуют ориентацию предмета, а конфигурация руки обозначает объемность локтя.

Этот анализ согласуется с предложением С. Лидделла считать другую группу периферийных жестов, согласующиеся глаголы в американском жестовом языке, состоящей из лексической и нелексической частей [Liddell, 1980, 2003]. Он также решает проблему границы слова. Предло-

женная интепретация этих жестов позволяет считать одной лексической единицей те формы, которые передают одно значение и обладают общим специфицированным компонентом. В таком случае, и в поле ‘острый’, и в поле ‘толстый’ представлена бинарная система лексикализации, что является типологически частотным среди звучащих языков.

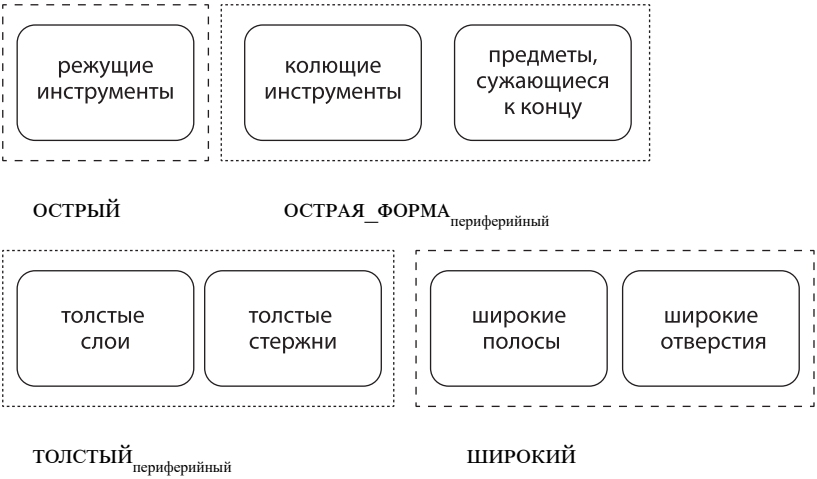


Рис. 17. Поля ‘острый’ и ‘толстый’ в РЖЯ

5. Заключение

Благодаря предлагаемому в настоящей статье анализу периферийных жестов РЖЯ становится возможным сравнение лексикона жестовых и звучащих языков. Этот анализ не является новым для жестовой лингвистики, но он раньше не применялся для жестов, обозначающих форму и размер предметов. Если принять разделение компонентов этих жестов на специфицированные, ограничивающие лексему, и неспецифицированные, то методика Московской лексико-типологической группы может быть применена без каких-либо модификаций. В результате становится возможным определение стратегий лексикализации РЖЯ в разных полях и сравнение их с данными других языков. Большинство этих стратегий, как показывает наш материал, являются частотными для звучащих языков. Значит, данные РЖЯ полностью удовлетворяют уже найденным закономерностям в структуре лексики.

Важным отличием признаковых слов РЖЯ является полное отсутствие у них переносных употреблений. Слова, обозначающие физические

качества в звучащих языках, часто передают не только прямые, но и метафорические значения (*острый нож – острая критика*; *высокий столб – высокие налоги*, и многие другие). Методология, основанная на анализе контекстов, позволяет эти значения исследовать. Так, оказывается возможным очертить круг метафор, которые могут возникать у лексем из разных семантических полей. Например, к частотным переносам прилагательных поля ‘острый’ относятся: ‘сильная боль’, ‘хорошее зрение’, ‘резкий ветер’ и другие [Кюсева, 2012]. Совсем по-другому обстоит дело с русским жестовым языком: ни один из признаковых жестов, проанализированных в настоящем исследовании, не обладает метафорическими значениями. Это не означает, что в жестовых языках нет метафор вообще. В исследованиях [Taub, 2004], [Wilcox, 2000], [Meir, 2010], [Brennan, 2005], например, приводятся многочисленные метафоры американского и британского жестовых языков. Но, как отмечает С. Тауб, метафоры жестовых языков в большинстве своем сильно отличаются от звучащих. Ситуации, когда один и тот же жест имеет и прямое, и переносное употребление, в жестовых языках редки. Намного более распространены ситуации, когда метафорический жест не имеет прямого значения, но основан на иконическом образе. Тем не менее вопрос метафор в жестовых языках вообще и в русском жестовом языке в частности на сегодняшний день до конца не решен. Семантические ограничения на образование метафор в ЖЯ и сходства / различия структуры переносных значений в звучащих и жестовых языках заслуживают отдельного исследования.

Список литературы:

Брицын В.М., Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Яворская Г.М. (ред.). Концепт *боль* в типологическом освещении. Киев, 2009.

Зайцева Г.Л. Жестовая речь. Дактилология: Учеб. для студентов высш. учеб. заведений. М., 2000.

Кашкин Е.В. Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках): Дисс. … канд. филол. наук. М., 2013.

Кюсева М.В. Лексическая типология семантических сдвигов названий качественных признаков ‘острый’ и ‘тупой’: Дипломная работа. МГУ. М., 2012.

Кюсева М.В. Жесты формы и размера в русском жестовом языке (РЖЯ) // Рема. М., 2017 (в печати).

Майсак Т.А., Рахилина Е.В. (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.

Прозорова Е.В. Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования // Вопросы языкознания. 2007. № 1.

Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2.

Battison R. Lexical Borrowing in American Sign Language. Silver Spring (MD), 1978.

Brennan M. Word Formation in British Sign Language. Stockholm, 1990.

Brennan M. Conjoining Word and Image in British Sign Language (BSL): An Exploration of Metaphorical Signs in BSL // Sign Language Studies. 2005. V. 5. № 3.

Grose D. Lexical semantics: Semantic fields and lexical aspect // R. Pfau, M. Steinbach, B. Woll (eds.). Sign Language: An International Handbook. De Gruyter Mouton, 2012.

Johnston T., Schembri A. Australian Sign Language (Auslan): An introduction to sign language linguistics. Cambridge, 2007.

Kendon A. Gesture: Visible Action as Utterance. Cambridge, 2004.

Liddell S. K. American sign language syntax. The Hague, 1980.

Liddell S. K. Grammar, Gesture, and Meaning in American Sign Language. Cambridge, 2003.

Marushkina A., Rakhilina E. A new approach in “Old” studies. Conference talk presented at the ALT 10. Leipzig, 2013.

Meir I. Iconicity and Metaphor: Constraints on metaphorical extension of iconic forms // Language. 2010. V. 86. № 4.

Meir I. Word classes and word formation // R. Pfau, M. Steinbach, B. Woll (eds.). Handbook on Sign Language Linguistics. De Gruyter Mouton, 2012.

Pfau R., Steinbach M. Pluralization in sign and speech: Across-modal typological study // Linguistic Typology. 2006. V. 10.

Pietrandrea P. Iconicity and arbitrariness in Italian sign language // Sign Language Studies. 2002. V. 2. №3.

Privezentseva M., Kozlov A. Dimensional adjectives and language topology. Talk presented at the the 10th International Symposium of Cognition, Logic and Communication: Perspectives on Spatial Cognition. Riga, 2014.

Rakhilina E., Reznikova T. A Frame-based methodology for lexical typology // M. Koptjevskaja-Tamm, P. Juvonen (eds.). Lexico-typological approaches to semantic shifts and motivation patterns in the lexicon. De Gruyter Mouton, 2016.

Sagara K., Zeshan U. Semantic fields in sign languages -- A comparative typological study // Sign Language Typology, 2016. V.6 (Semantic fields in sign languages: colour, kinship and quantification).

Sandler W., Lillo-Martin D. Natural Sign Languages // M. Aronoff, J. Rees-Miller (eds.). Handbook of Linguistics. 2001.

Sandler W., Lillo-Martin D. Sign language and linguistic universals. Cambridge, 2006.

Stokoe W. Sign language structure: An outline of the visual communication systems of the American deaf // Studies in Linguistics. 1960. V. 21. Occasional papers. 8.

Taub S.F. Language from the Body: Iconicity and Metaphor in American Sign Language. Cambridge, 2004.

Wilcox P.P. Metaphor in American Sign Language. Washington, 2000.

Zeshan U. (ed.). Interrogative and negative constructions in sign languages. Ishara Press, 2006.

Сведения об авторе: Кюсева Мария Викторовна, аспирантка школы филологии Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: mkyuseva@gmail.com

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А.Ю.Балакин

И.А. Гончаров в письмах К.Ф.Ордина к жене (1872)

В научный оборот вводится ранее неизвестный биографический источник о И.А. Гончарове: письма чиновника К.Ф. Ордина к жене, рассказывающие о его совместном с Гончаровым путешествии за границу в 1872 году.
Ключевые слова: И.А. Гончаров, К.Ф. Ордин, Б.К. Ордин, Мариенбад, письма.

The author introduces a previously unknown source expanding our knowledge of I.A. Goncharov's biography: these are K.Ph. Ordin's letters addressed to his wife and telling of his travelling abroad together with I.A. Goncharov in 1872.
Key words: I.A. Goncharov, C.F. Ordin, B.C. Ordin, Marienbad, correspondence.

В рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН хранятся две рукописи Бориса Кесаревича Ордина – «И. А. Гончаров в семейных воспоминаниях и письмах К. Ф. и С. А. Ординых»[1] и биография его отца, Кесаря Филипповича Ордина, обрывающаяся на главе «Путешествие за границу с И.А. Гончаровым в 1872 году»[2].

Первая рукопись, состоящая из 24 листов тетрадного формата, датирована 9 февраля 1924 г., в Пушкинский Дом поступила в 1948 г.; во второй около 250 листов, она не датирована, но, вероятно, писалась ранее первой, а поступила на хранение по архивным меркам совсем недавно – в 2008 г. Обе они находятся в так называемом «разряде» – фонде отдельных поступлений, обе не отражены в картотеке, ни на букву «О», ни на букву «Г». Очевидно, последнее обстоятельство и явилось причиной того, что обе до настоящего времени не попадали в поле зрения биографов Гончарова.

Начало 1870-х гг. – самый малодокументированный период биографии Гончарова после его возвращения из кругосветного плавания в 1855 г. В 1869 г. в «Вестнике Европы» публикуется роман «Обрыв», который не получил ни одной положительной рецензии в журналах[3]; выпущенное

---

[1] ИРЛИ. Р. I. Оп. 5. Ед. хр. 366.

[2] ИРЛИ. Р. I. Оп. 21. Ед. хр. 164.

[3] См. подробнее: *Гуськов С. Н.* 1) Полемика, которой не было (из истории критики романа «Обрыв») // Русская литература. 2012. № 2. С. 80–89; 2) О некоторых мотивах критики «Обрыва» // Bibliotheca Slavica Savariensis. Schombathely, 2012. Т. XIII: Гончаров: живая перспектива прозы. С. 397–404.

в следующем году самим писателем отдельное издание романа постигает коммерческая неудача[4]. Гончаров это списывает на происки Тургенева, обостряется его душевная болезнь, которая вскоре приведет к созданию «Необыкновенной истории» – удивительного рассказа о том, как его всю жизнь якобы преследовал и преследует менее талантливый, но более ловкий и удачливый конкурент. Гончаров замыкается в себе, обрывает почти все литературные связи, более или менее регулярное общение поддерживает лишь с редактором «Вестника Европы» М.М. Стасюлевичем. Круг его знакомств в эти годы составляют в основном чиновники, к которым принадлежал Кесарь Филиппович Ордин (1836–1892). [5]

Ордин был младше Гончарова почти на четверть века. К моменту знакомства с писателем[6] он служил начальником отделения канцелярии во-

---

[4] См. об этом: *Вдовин А.В.* Гончаров и деньги (по материалам писем 1861–1891 гг.) // Гончаров после «Обломова»: Сб. статей. СПб., 2015. С. 314–315.

[5] О нем см.: *А. В.* Ордин Кесарь Филиппович // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. [12:] Обезьянинов–Очкин. С. 280–281; *Барышников В.Н.* 1) Кесарь Филиппович Ордин – первый отечественный исследователь российско-финляндских отношений // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Четырнадцатой ежегодной международной научной конференции (11–12 апреля 2012 г.). СПб., 2013. С. 12–24; 2) Балтийский вопрос и его изучение в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2014. № 7. P. 109–110.

[6] По свидетельству Б.К. Ордина, его отец был знаком с Гончаровым уже к 1863 г. (см.: ИРЛИ. Р. I. Оп. 21. Ед. хр. 164. Л. 92); в другом месте он писал: «Расположение Гончарова к Ординым объясняется прежде всего тем, что он познакомился с ними и встречался в симпатичных ему домах их родных: в доме очень умной и замечательно литературно образованной старшей сестры Софии Алексеевны, Екатерины Алексеевны Богушевич, муж которой Юрий Михайлович служил по управлению по делам печати, и у матери Софии и Екатерины Алексеевен – Софии Павловны Андреевой. <…> У Богушевичей часто собирались писатели, литераторы, беседовали на интересовавшие их литературные темы и читали свои произведения. Там бывали, кроме И. А. Гончарова, Г. П. Данилевский, Ф. Ф. Берг, К. К. Случевский, Ф. М. Достоевский, Н. Лесков и другие. У С. П. Андреевой, жившей очень близко от Гончарова по Моховой улице в д. № 20/12, принадлежавшем тогда фабриканту Кнопу, близ угла Пантелеймоновской, бывали лишь члены ее довольно многочисленной семьи и их друзья, нравивш<ие>ся Гончарову оживлением молодости, а главное, что его туда привлекало, было радушие редкое доброй и приветливой Софьи Павловны, которая сама была отличная хозяйка и имела превосходную кухарку Арину, которая очень долго у нее жила и готовила превкусно русские блюда и булку к чаю, до которых И. А. Гончаров был большой охотник» (РНБ. Ф. 209. Ед. хр. 22. II пачка. Л. 2а об.—2). Самые ранние дошедшие до нас письма Гончарова к Ординым относятся к 1866 г.

енного генерал-губернатора, через несколько лет стал правителем дел Попечительного Совета учреждений общественного призрения в Санкт-Петербурге; впоследствии им была издана книга история этого совета[7], которую сочувственно отрецензировал Гончаров[8]. В начале 1870-х гг. Ордину был пожалован чин действительного статского советника, тогда же он стал камергером Высочайшего двора. По словам современного историка, «это означало, что он уже переходил в касту российского чиновничества, которое как считалось, могло определять курс политики государства»[9]. Отношениям Гончарова и Ординых посвятил несколько статей В.И. Мельник (вернее, несколько раз перепечатал одну статью с небольшими вариациями), пересказавший уже известные по предыдущим публикациям факты[10].

Сын К.Ф. Ордина, Борис Кесаревич Ордин (1866 – после 1935)[11], с отличием окончил историко-философский факультет Петербургского университета, его выпуская работа «Осада и взятие Константинополя турками в 1453 г.» была удостоена золотой медали. Но, к сожалению, научная карьера его не прельстила, и фактически он пошел по стопам отца: служил в Российском обществе Красного Креста, в Министерстве Императорского Двора и уделов, в канцелярии императрицы Александры Федоровны – в должности гофмейстера; дослужился до чина действительного статского советника, был награжден многими орденами. О жизни же Ордина по-

---

[7] См.: *Ордин К.Ф.* Попечительный совет заведений общественного призрения в С.-Петербурге: Очерк деятельности за пятьдесят лет 1828–1878. СПб., 1878.

[8] Голос. 1878. № 67. 8 марта (без подписи); атрибутировано Гончарову А. Мазоном на основании его писем к А.А. Краевскому (см.: Русская старина. 1912. № 6. С. 505–506; далее перепечатан текст рецензии).

[9] *Барышников В.Н.* Кесарь Филиппович Ордин – первый отечественный исследователь российско-финляндских отношений. С. 17.

[10] См., например: *Мельник В.И.* 1) И. А. Гончаров и его знакомства в храме св. Пантелеимона (к вопросу о христианской биографии писателя) // Православная культура в России: Прошлое и настоящее (по материалам Вторых Свято-Филаретовских чтений). М., 2007. С. 113–125; 2) Гончаров и Ордины в храме великомученика Пантелеимона // Христианская культура и славянский мир: Материалы круглого стола от 19 февр. 2009 г. М., 2009. С. 95–101; 3) Автор «Обломова» и его знакомства в храме великомученика Пантелеимона: (Чета Ординых) // Христианская культура и славянский мир: Материалы круглого стола от 27 янв. 2010 г. М., 2010. С. 48–55; и др.

[11] Биографические сведения о нем см. в статье: *Шилов Л.А.* Ордин Борис Кесаревич // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1999. Т. 2. С. 476–478.

сле революций красноречиво свидетельствует его письмо от 6 сентября 1929 г. в Центральную Комиссию по проверке Советского аппарата:

Будучи лишь скромным работником, сперва делопроизводителем, а потом помощником заведующего канцеляриею, я работал по делам всякой помощи бедным и обездоленным, и, благодаря жалованию по министерству двора, мог работать *безвозмездно* во многих учреждениях на помощь нуждавшимся. <…>

В *политическом отношении* мое поведение всегда было вполне корректно. Ни к каким партиям я не принадлежал. Поняв все историческое значение революции, я не только сразу подчинился Советской власти, но, уверенный в чистоте моей деятельности в дореволюционное время, с 1917 года работал в Советских учреждениях и, несмотря на опасность, сопряженную с бывшим придворным званием, сознательно оставался все время в Ленинграде, где я родился и прожил все мою жизнь, и *никогда ничего из своего прошлого не скрывал*.

Когда в 1917 г. я был приглашен на работу в Публичную библиотеку, все лица, от которых зависел мой прием на службу, знали мое прошлое, но ценили мою образованность.

В 1918 г., при ликвидации бывшего О-ва Красного Креста, где я много работал, я был арестован «в целях изоляции», как мне потом объяснили.

Наведя справки о моей деятельности, покойный председатель ЧК Феликс Дзержинский приказал меня освободить на 5-ый день ареста, и я больше органами ГПУ арестован не был.

<...> Я всегда жил на трудовой заработок и никогда ни капиталами, ни домами, ни доходными имениями не обладал и решительно никого никогда не эксплуатировал и не угнетал.

<...> Наконец, не желая сколько-нибудь вызывать подозрение властей, я сознательно отказался от всякой руководящей или направляющей работы и все десять лет усердно трудился в Советских учреждениях, исполняя самые скромные обязанности, претерпевая большие лишения, т. к. получал 25–40 р. в месяц, и утешался только сознанием пользы, приносимой мною. Мне скоро 63 года и я ни на какие карьеры не рассчитываю. Ищу лишь возможности в области моих знаний, все более редких могущих быть полезными не в одной лишь византийской комиссии[12].

[12] ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 3728. Л. 5, 7об.–8об.

С 1918 по 1924 г. Ордин работал в Публичной библиотеке, в отделе «Россика», где его ценили как выдающегося специалиста. В начале 1920-х гг. он передал в библиотеку 13 писем Гончарова к своим родителям, сопроводив их краткой биографической справкой о своем отце[13] и примечаниями, из которых, видимо, и вырос упомянутый мемуарный очерк. Сейчас эти письма по большей части опубликованы[14], остаются ненапечатанными только три недатированные записки (одна, несомненно, относится к 1872 г.) и одно сугубо деловое письмо, сложное для комментирования. В 1935 г. Ордин, несмотря на свое болезненное состояние, был выслан из Ленинграда, и дальнейшая его судьба неизвестна.

Глава книги Б.К. Ордина о зарубежной поездке его отца с Гончаровым основана на письмах, которые тот посылал своей жене Софье Алексеевне (1844–1919) из этого путешествия. Значительная часть его мемуарного очерка о Гончарове также рассказывает об этой поездке, правда, выписки приведены менее обширные, чем в книге. Подлинники писем пропали, поэтому выписки Б.К. Ордина имеют характер первоисточника, хотя они сделаны не с дипломатической точностью: тексты писем в статье и в книге иногда незначительно расходятся, и не всегда понятно, где именно допущена ошибка.

Сами письма, несомненно, занимают уникальное место в небогатой мемуарной литературе о Гончарове. Это едва ли не единственный случай, когда живущий бок о бок с писателем его близкий приятель оставляет регулярные записи о беседах с них, о его настроении, об их совместном времяпрепровождении[15]. По письмам видно, как с течением времени меняется отношение Ордина к своему спутнику: если первоначально он сочувствует ему и его настроению, то под конец дело доходит едва ли не

---

[13] Характер этого текста говорит о том, что письма готовились к печати.

[14] См.: Неизданные письма И.А. Гончарова / Публ. Р.Б. Заборовой // Труды ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. 1963. Т. 11 (14). С. 158–161; *Иванов К.Е.* Неизданные письма И.А. Гончарова // И.А. Гончаров: (Новые материалы о жизни и творчестве писателя). Ульяновск, 1976. С. 146–149. Заявление В.И. Мельника, что «письма Гончарова к Ординым в большей своей части не опубликованы» (*Мельник В.И.* И.А. Гончаров и его знакомства в храме св. Пантелеимона (к вопросу о христианской биографии писателя). С. 124), можно списать на слабую осведомленность этого плодовитого автора.

15 С ними можно сопоставить письма А.Ф. Кони, который жил бок о бок с Гончаровым в Гунгербурге летом 1887 г., к своей подруге и конфидентке Л.Г. Гогель (опубл. нами в статье: *Балакин А.Ю.* Одним летом в Гунгербурге: (К творческой истории очерка И.А. Гончарова «На родине») // Седьмая международная летняя школа по русской литературе: Сб. статей. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2012. С. 3–12), но они гораздо более лапидарны и менее эмоциональны.

до ссор и скандалов. У Гончарова был сложный, тяжелый характер, он сам понимал это, поэтому первоначально старался уклониться от предложения Ордина поехать с ним за границу. 6 июня 1872 г. он писал: «Я думал, думал – боролся с собою, ехать или не ехать – и наконец вижу, что не могу. Пусть назовут это обломовщиной: оно неправда, да нужды нет! Я знаю только, что я душевно болен (вероятно, и Вы заметили это) и эта болезнь духа мешает мне во всем вообще, в путешествии в особенности. С первого шага я буду ждать неприятностей, огорчений, и “тонких”, и толстых – всяких. Буду, конечно, бояться их и дома, но там, за границей, я чувствую себя беззащитнее и вдвое больнее, нежели здесь. Так чувствовал я себя почти во всех поездках – и вместо того, чтоб поправиться и окрепнуть – я возвращался более расстроенный и больной!»[16] Однако Ордину, впервые едущему за рубеж, нужен был опытный спутник, и он уговорил автора «Обломова» о чем впоследствии, судя по письмам, пожалел. И хотя Б.К. Ордин вспоминает об этой ситуации иначе, свидетельство самого Гончарова в данном случае достовернее.

Публикуемые письма много могут добавить к новой «Летописи жизни и творчества Гончарова»: это сведения о перемещениях писателя, о посещении им музеев и театров, о встречах с отдыхающими в Мариенбаде соотечественниками, даже забавный анекдот о происшествии в табачной лавке во Франкфурте. Но самое ценное – они доносят до нас характер и настроения писателя, то, что не могут отразить самые подробное, честные и добросовестные мемуары. Создается замечательная «иллюзия присутствия», что возможно только благодаря отсутствию временной дистанции между фактом и документальной фиксацией его на бумаге.

Ниже печатается десятая глава книги Б.К. Ордина о его отце – «Путешествие за границу с И.А. Гончаровым в 1872 году»[17]. В тексте сделаны купюры: выпущены подробные описания быта и нравов гостей и жителей Мариенбада, пространные дорожные впечатления, рассказы о проблемах со здоровьем автора, о его консультациях у врачей и т. п. фрагменты, не относящиеся с Гончарову. В паре мест текст писем уточ-

[16] Труды ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. 1963. Т. 11 (14). С. 160. Год на подлиннике не проставлен; Б.К. Ординым это письмо датировано предположительно 1875-м г. (см.: РНБ. Ф. 209. Ед. хр. 22. II пачка. Л. 5об.), что, несомненно, ошибочно: едва ли после поездки 1872 г. К.Ф. Ордин захотел бы ехать с Гончаровым куда-нибудь еще раз, к тому же о его последующих поездках за границу сведений нет.

[17] ИРЛИ. Р. I. Оп. 21. Ед. хр. 164. Л. 213–244.

нен по рукописи статьи «И.А. Гончаров в семейных воспоминаниях и письмах К.Ф. и С.А. Ординых»[18]. Примечания Б.К. Ордина даются под строкой, комментарии – в конце текста. Благодарим за консультации К.М. Азадовского, М.Б. Лавринович и Т.А. Кукушкину; в подготовке текста к печати принимала участие А.С. Пахомова.

* * *

Необходимость серьезно заняться своим здоровьем побудила Кесаря Филипповича решиться на лечебную поездку за границу. Софья Алексеевна, со свойственною ей твердостью и самоотверженностью, устранила смущавшие мужа затруднения. Ни средства его, ни возраст детей – младший сын Георгий родился лишь 16 мая 1872 года(1), – а старшему, Борису, шел всего шестой год, – не допускали возможности ехать всею семьею. Она настояла, чтобы он ехал один: его здоровье для нее было вопросом самым важным. А что она, никогда не бывавшая за границею, не поедет туда и не увидит всего того занимательного и интересного, что влекло в чужие края такое множество русских барынь – это казалось ей вполне естественным: ее прямой долг, внушала ей ее стоическая совесть, оставаться с детьми, из которых младшему еще не было и шести недель и которого она кормила. Благо мужа и долг перед семьей у нее всегда были решающими мотивами.

Итак, Кесарь Филиппович отправился за границу без нее, причем сдался на упрашивания старого знакомого еще Софьи Павловны(2), известного писателя Ивана Александровича Гончарова и, вопреки советам жены, верно подметившей капризный, брюзгливый и неприятный для спутника характер Гончарова, согласился ехать с ним вдвоем.

София Алексеевна рассталась с нежно любимым мужем, обливаясь слезами; но, сейчас же, со свойственною ей энергией, отдав дань своему чувству, забрала себя в руки, скоро уложилась и с детьми, няней и горничной уехала на все лето на дачу, в Лужский уезд, в имение <...> Колище, которое она наняла пополам с сестрою Е.А. Богушевич(3).

23 / 11 июня 1872 года, едва приехав в Берлин вместе с И. А. Гончаровым, – Кесарь Филиппович спешит, не имея еще чернил, карандашом писать своей жене: «Прости, милый друг мой, что пишу Тебе карандашом и утруждаю Твои прелестные глазки: дело в том, что нет под рукою чернильницы ни у меня, ни у Ивана Александровича. Итак, я в Берлине. В Берлине с 5-ти часов утра, был у обедни в посольской церкви, а затем

[18] В настоящее время готовится нами к печати.

с 12 часов и до 3 на ногах, ходил менять деньги и осматривать город... Мы смотрели только сад общий, да 2–3 хорошие улицы. Но что это за улицы!.. Что за дома, из которых каждый есть произведение искусства, а садик пред ним – прелестнейшая выставка растений... Зная мою любовь к тому, и к другому, Ты поймешь, как я наслаждался видом этих даров цивилизации. Да, наслаждался; но какое-то горькое, больное, даже злое чувство просыпалось не раз, когда думалось, отчего у нас нет того же, и будет ли когда...» <...>

Первые впечатления своего путешествия Кесарь Филиппович описал своей жене так: «Поместились мы в особом купе, устроенном благодаря знакомству И. А. (Гончарова) с чиновниками и чиновницами почтового ведомства... Он находит, что я не довольно восхищаюсь нашим помещением отдельно. “Точно, говорит, балованный лягавый пес, который слопал в два глотка поданный ему великолепный кус ростбифа, чавкнул и равнодушно отошел в сторону”. Сравнение это удивительно мне понравилось своею картинностью, и я передаю Тебе его отчасти как характеристику наших объяснений с моим приятелем. Ехали мы до вечера большею частью всё в разговорах, или, вернее, в слушании одним того, что говорил другой (читай И.А.). Темы были разные; но в начале преобладала тема на известный минорный тон, повторенная не раз и не два(4). В дальнейшем я уже перестал выражать даже какое-нибудь сочувствие этой теме, и она как-то посгладилась, уступив место другим. Впрочем, менялись и впечатления, особенно перевалившись за границу. Затем вечером, т. е. после обеда, спали, ели, пили (в русской земле; в прусской плохо)... Ночевали в купе своем не особенно важно, впрочем И.А. лучше, чем я. Он немножко капризен в пути, вероятно, тоже и в жизни вообще. Поэтому я постарался предоставить ему удобнейшее помещение. На границе пришлось заплатить 4 гроша 8 пфенингов за чай, который я при себе вез. В половине 1-го днем, в субботу, мы переехали через границу. Мне не хватает слов, или нужно долго рассказывать, какая тоска, отчуждение будто бы от всего дорогого, защемила сердце, когда я переезжал нейтральную полосу, передвигаясь от русского вокзала к немецкому. До слез было грустно. Впрочем, слезы у меня нынче как-то наготове.

Вечером, подъезжая, кажется, к Бромбергу, т. е. часов в 10, мы с компаньоном замолчали на несколько секунд; я думал задремать. И что же, в тишине, почти ненарушаемой ровным, хотя и весьма быстрым ходом поезда, я слышу напевание, плохим голосом, но с полным чувством известных Тебе стихов: “Сердце пусто, празден ум и томит меня тоскою

однозвучный жизни шум...”[5] Мне стало так больно, так скорбно, так тяжко за моего доброго, любящего соседа, который, отдавшись мыслям, выливал тоску свою в простых, но трогательных звуках. Я рад, что он не увидел моих слез, которых я не мог удержать при всем желании. И сегодня за обедней он стоял подле, мы молились усердно, и мне стало жутко, и волнение, меня охватившее, трудно мне было скрыть. Так-то, сердце, сердце Ты мое дорогое.

Мы только что пообедали – 6 блюд, в которые вошли, кажется, все аптеки, так в них много разной москатели. И.А. заходил сейчас ко мне звать идти. Мы с ним в разных комнатах, в 3-м этаже».

26 / 14 июня наши путешественники уже на берегу Эльбы, в Дрездене, в «лучшей гостинице “Belle-vue”». «Окно открыто, воздух хороший, пред глазами часть сада, идет дождь». После нескольких строк сердечных излияний Кесарь Филиппович продолжает: «Мы приехали в Дрезден сегодня в 12 часов ночи. И.А. телеграфировал в свой знакомый отель, чтобы приготовили комнаты и выслали экипаж. Приезжаем, – нет экипажа. Берем знаменитые “Droschki” и едем в знакомый моему товарищу “Stadt Франкфурт”[6]. На пути извощик слезает с козел и объявляет, что такого уже нет, что хозяин обанкрутился. И.А., который уже начал волноваться оттого, что нет кареты, заволновался пуще. Предстояло бродить по городу и искать, где главу преклонить». Эти поиски, кончившиеся тем, что пришлось остановиться в крошечных комнатушках в гостинице «Belle-vue», до того расстроили Гончарова[7], что Кесарь Филиппович близок был к тому, чтобы как-нибудь развязаться с ним, «как-нибудь отделаться» от него. «Он просто взвыл, завопиял, замахал руками и ногами, и пошли истории». «Два дня как-то удавалось оберегать его от излишних волнений; я выслушивал все эти жалобы, сетования, колебания, с терпеньем...» «Но – мне жаль его, капризы его выношу безропотно, но упадок нерв действует на меня невозможно гадко».

После рассказа о волнениях и капризах Гончарова Кесарь Филиппович возвращается к описанию всего пребывания в Берлине. «Ознакомился в возможной мере с центральною частью города, походил довольно много пешком, осмотрел с внешней стороны главнейшие зданья и памятники, был в музее, который, разумеется, мог осмотреть только поверхностно; был в прекрасном зоологическом саду; был в прекрасном аквариуме, где Боря (старший сын Кесаря Филипповича, которому тогда шел шестой год) – мог бы насладиться и змеями гремучими, – и удивительными крабами, и крокодилами, и прелестнейшими райскими пташками, фла-

минго, колибри, реющими в большом пространстве, и, наконец, прехорошенькими маленькими обезьянами (Löwenaffe)... Есть там и хороший шимпанзе – наш родоначальник, по мнению крайних материалистов. Впрочем, всего не перескажешь. Был я и на гулянье у Краля, вроде нашего Павловска. Был и в большом "Charité", которую осмотрел вместе с домом помешанных. Наконец, пообедал с И.А. у Гиллера – это Берлинский Борель» (т. е. первоклассный ресторан). «Прекрасный обед из 6-ти блюд, с фруктами, кофе, полубутылкою шампанского, и все это обошлось в Frinkgeld'ом (т. е. с "начаями") по 2 талера 5 грошей на брата, т. е. по 2 р. 35 коп. Сравнительно с нашими чрезвычайно дешево. Но зато table d'hôte в гостинице, где мы стояли, невозможный: это какая-то подлость, а не кушанье; можно решительно себе расстроить желудок».

В Дрездене Кесарь Филиппович и И.А. Гончаров провели два дня. Кесарь Филиппович «был два раза в знаменитой галерее, любовался и удивлялся тем сокровищам, которые любовь к искусству собрала там». Гончаров, мало понимавший в живописи, мешал Кесарю Филипповичу спокойно наслаждаться сокровищами Дрезденской Пинакотеки. «Если бы я был один, быть может, был бы довольнее этими осмотрами и имел бы возможность посвятить им чуть ни все время». «Был в зоологическом саду, очень хорошо устроенном, в Grossgarten'е любовался видом и слушал музыку на Брюллевской террасе, – кто же, быв в Дрездене, этого не делает?! – толкался по старому городу, совсем отличному от Берлина по своей древности, наслаждался цветами, что и все делают... Ах, цветы, цветы, я начинаю млеть по ним, как некая немецкая девица; но, в самом деле, это наслаждение для нас с Тобою. К сожалению, для моего спутника цветы почти не существуют. Но можешь себе представить утеху глазу, когда пред Тобою великолепные лилии, розы всех возможных оттенков и величин, когда простейшие бабы торговки сидят, стоят на рынке, у домов, везде, и предлагают Тебе великолепнейшие букеты, например, из розовых бутонов».

Из Дрездена К.Ф. Ордин и И.А. Гончаров выехали при отличной погоде, утром в 4 часа. «Ивану Александровичу очень не хотелось, при его апатии, ехать с этим поездом, так как нужно было вставать в 2½ часа. Однако я пересилил, и он был потом рад... Мы безостановочно со Schnellzug'ом[8] приехали прямо в Мариенбад в 4-м часу дня (17 / 29 июня 1872 г.) и даже в тот же день нашли квартиру, что теперь трудно. Поместились сперва, до приискания, в одной комнате, а потом и вовсе разлучились, чем я не особенно огорчен, (сказать в скобках). Он поме-

стился в “Sans Souci”, а я в “Bloedère”(9). По Мариенбаду это довольно далекое расстояние, но само по себе оно не более 6–7 минут ходьбы... Выехав из Дрездена при великолепном утре, мы нашли здесь холод и дождь, впрочем без всякого ветра... Все под зонтиками и в грязи. Дороговизна квартир страшная, – я плачу за свою комнату, с весьма посредственною мебелью, 35 гульденов в неделю, без прислуги, т. е. около 160 гульденов в месяц, т. е. следовательно около 110 рублей. ...К 10ти часам, и даже к 9-ти все спят; зато встают в 5. Я тоже поднялся сегодня в 5, хотя проснулся в 4, совершил свой туалет – ...и без ¼ в 6 был приветствован сперва каким-то церковным гимном, а потом всем нам известным персидским маршем, под который и пошел в 6 часов к источнику, где нашел уже большую толпу в сборе”.

<...> В Мариенбаде предположено было, что Кесарь Филиппович проведет там целый месяц. Это ему казалось ужасно долгим сроком. 19 июня / 1 июля 1872 г. он пишет жене: «И пошла моя жизнь скучнейшим колесом... Скука, скука, бесконечная – и утром, и вечером, и в полдень. Не скучно только, слава Богу, ночью, когда спится... Милый друг мой, сердце мое золотое, зачем Тебя нет со мною, зачем я уехал от Тебя!..»

Курс лечения должен был состоять из питья упомянутых вод и из ванн, грязевых и минеральных. Погода была худая: «Тот же Петербург в дурную погоду», – шел дождь и было холодно, так как дул сильный северный ветер.

Свой образ жизни Кесарь Филиппович описывал так: «...я прозябаю как некое плохое растение; жизнью это назвать нельзя. Встаю в 5 часов, исполняю свой туалет и пр., под музыку иду к источнику. Для непривычного человека это очень странно: утренняя свежесть, чуть ни мороз, – не успела еще хоть сколько-нибудь смягчиться солнцем, которое из-за окрестных шаршавых гор выглядывает поздно, а между тем большой бульвар наполнен пестрою толпою, гремит музыка, движение, жизнь, открываются лавки, – все как бы среди дня, после завтрака нашего и между обедом. Дам много нарядных: туалеты утренние особо, среди дня другие, вечером на музыку опять иные, хотя, разумеется, не у всех. Есть много недурных лиц, довольно много с еврейским отпечатком, но полнота, от которой и приезжают отделываться, уничтожает благоприятное впечатление лица.

К кранам с водою, над которыми сделана крытая галерея и ротонды, подходят между решетками, в 3 ряда, делая длинные queues[1]. У каждого

[1] queues = хвосты, очереди

свой стакан; из него затем он и попивает, выходя из ротонды, в хорошую погоду на широкий бульвар, в дурную – в покрытую галерею. Вода Kreutzbrunnen, которую я и большинство пьет, портит зубы и имеет чернильный вкус, содержа железо; поэтому некоторые дамы тянут из стаканов воду в рот чрез стеклянные трубочки».

Дав описание примитивного устройства некоторых учреждений, имеющих для пьющих воды значение, ввиду особого действия Мариенбадских вод(10), Кесарь Филиппович замечает: «Нашего комфорта нигде нет».

«После вод и прогулки я иду завтракать. После завтрака опять немножко хожу, затем кое-чем занимаюсь, потому ванна, потом обед, – думаю я сегодня обедать в “Belle-vue”, – очень хороший стол, только несколько далеко, по-здешнему, и притом надо накануне заказывать; затем опять прогулка с И. А. (Гончаровым), музыка, вечерний чай или ужин и на боковую часов около 10ти». <...>

Иванов день, 24 июня / 6 июля, Кесарь Филиппович отмечает как «счастливейший день»: в день именин Ивана Александровича Гончарова наконец пришло долгожданное письмо от Софьи Алексеевны. «Едва ли Ты можешь испытать ту радость, то счастье, которое я испытал, – пишет ей Кесарь Филиппович 25 июня / 7 июля 1872 г. – Даже И.А. на минуту встрепенулся и с оживлением пожал мне руку, увидев мое счастие». Вообще же Гончаров все больше нервничал и докучал Кесарю Филипповичу – «почтеннейший И. А., – пишет он жене, – усугубляет тяжесть удаления от Тебя своим нравственным состоянием. Он так расстроен нервами, что при всем моем к нему сочувствии, я скоро решительно не буду в состоянии быть с ним. Очевидно, что ему воды и ванны, которыми он пользуется без врача, по собственному усмотрению, принесут более вреда, чем пользы. Даже не думает ли он оправиться в обратный путь, не дожидая ничего долее. Я был бы не прочь остаться один, даже очень. Могу даже сказать, что он вредит моему лечению... Мои нервы, чувствую это, падают от частых сношений с ним и от убийственной его раздражительности; неопределенной, противоречивой, основанной на каких-то галлюцинациях. Да, Ты, как всегда, была права, выражая желание, чтобы он не ехал за границу со мною. Отчасти и мои догадки предсказывали это, но я хотел думать, что ошибаюсь и что могу способствовать восстановлению его сил. Сначала будто бы на это было похоже, но потом так, ни с того ни с сего, de but en blanc(11), только под гору и все хуже и хуже. Я уже свел к тому, что живем мы врознь, теперь и обедаем розно, и среди дня не видимся; но остается утро на promenade’e, куда

он приходит позже меня и задерживается, и вечером, с 4-х часов; когда мы ходим вместе на окружающие холмы и в прелестные леса. Речи его, жалобы, сетования, галлюцинации – ужасны; но леса прелестны...» При письме приложен был вид Мариенбада – фотографическая карточка, – на которой были отмечены дома, где жили Кесарь Филиппович и Иван Александрович. Говоря с восхищением, как любитель красот природы, о прекрасных лесах, Кесарь Филиппович пишет: «Если мой компаньон не очень уж меня душит, то эти вечерние прогулки прелестны. Великолепные, частые леса, хорошие дороги, благорастворенный воздух, – от времени до времени далекий вид, – все это действует успокоительно и, вероятно, сколько-нибудь полезно для здоровья. Леса эти, как Ты видела на фотографии, облегают Мариенбад» (12).

<...> С наступлением тепла и хорошей погоды И. А. Гончаров ожил и даже шутит и пускается на шалости. То он «пилит» Кесаря Филипповича «до бесконечности» за то, что он носит ботинки, а не сапоги с голенищами, страмит <sic!> его перед «стариком» Утиным и шутит с двумя 60-тилетними генералами[2], которые очень льнули к Гончарову и Кесарю Филипповичу.

«Теперь – пишет Кесарь Филиппович Софье Алексеевне 2 / 14 июля 1872 г., – когда пошла третья неделя нашего пребывания в Мариенбаде, мы каждый день пересчитываем, сколько мне еще осталось каких ванн, сколько дней на то и на другое, сколько денег нужно и пр. Не думай, впрочем, что все разговоры наши на этом только и вертятся: иногда предметы бывают более серьезные и даже совсем серьезные. Но иногда, когда оба мы случаемся в духе и, сидя вечером на promenade'е, смотрим, как собирается публика на музыку – когда музыка начинает играть, "мы" обыкновенно уходим в лес, находя, что музыка "c'est un bruit plus en mains desagreille"[3], – тогда, говорю я, смеху не бывает конца от обоюдной передачи своих замечаний и мнений, впрочем совершенно безобидных. В публике и бывший Португальский король(16), и герцог Саксен-Кобургский(17), и знаменитый князь Шварценберг[4] (18) и пр., и пр., и, наконец, небезызвестная княжна Гагарина(19) – только что приехала, – и все они представляют что-нибудь забавное, не говоря уже о некоторых

[2] Один из генералов был Толстой(13), имени другого выяснить не удалось(14); «старик» Утин – вероятно, отец известного позже банкира Якова Исааковича Утина(15).

[3] «Это шум, более или менее неприятный»

[4] Князь Феликс Шварценберг – австрийский премьер-министр, управлявший делами Австрийской империи после революции 1848 года.

жидах, о! это прелесть, и юмору пище неиссякаемая. А между тем Ваш муж одержал какую-то победу... Attention! И.А. говорит: “Я только четыре строчки напишу Софье Алексеевне:

А он, забыв любовь и слезы,
Своей подруги молодой,
Рвет на чужбине счастья розы...(20)
.....не помню последнего стиха”.

Сегодня, только что возвратился с promenade’ы утром и стал кипятить себе воду для чая, как стук-стук в дверь “Herein!” Входит Marie, девушка из одной лавки, где мы с И.А. кое-что покупаем, и подает мне прекрасный букет из роз с резедой в кружевной обложке, все как бы должно.

“Откуда это? Вы, вероятно, ошиблись, у меня нет никого знакомых здесь!”

“Nein, mein Herr, ich weiss nichts davon; ich weiss nur dass zwei sehr schöne israelitische Damen empfehlen sich Ihnen und schiken dies Bouquet!”[5]

Можешь себе представить! “Да кто такие?” “Ich weiss nicht, zwei schöne israelitische Damen”[6] Каково, а? Israelitische... Недаром, верно, в прошедшем письме я похвалил тебе евреек отчасти... Ну, что же, пущай себе стоит букет! Двадцать полураспустившихся роз, да резеда, наполняют комнату “благоуфанием”, как говорит Никитенко... И.А. говорит: “Шлю Софье Алексеевне телеграмму самую лаконическую: “Спасайте, на краю гибели, хочет даже переменить христианскую веру”” и тому подобный вздор. Оказывается, с букетом подшутил И.А., о чем я и догадывался».

Как известно, Гончаров очень ревниво относился к своей литературной славе, кичился ею и преувеличивая свою известность. Как-то во время пребывания в Германии он расхваливал немецкую образованность и, в подтверждение этого, приводил будто бы несомненный факт почитания его даже мелкими лавочниками. Желая показать это Кесарю Филипповичу на примере, он повел его, во Франкфурте на Майне, в табачную лавочку, где они очень любезно были встречены хозяином. Иван Александрович сейчас же дал понять Кесарю Филипповичу, что это один из почитателей его литературного таланта и стал вызывать признание лавочника. Табакоторговец долго не мог сообразить, в чем дело, и, когда, после долгих наводящих разговоров Гончаров открыл ему, что он

[5] «Нет, сударь, я ничего об этом не знаю; я знаю только, что две очень красивые дамы-еврейки кланяются Вам и посылают этот букет».

[6] «Я не знаю, две красивые дамы еврейки».

и есть автор «Обломова», то немец с радостью воскликнул «Ach! Herr Oblomóff», чем, к великому неудовольствию Ивана Александровича, обнаружил, что ни Гончаров, ни Обломов не запечатлелись в его памяти.

Во Франкфурт на Майне Кесарь Филиппович вместе с И.А. Гончаровым поехали ровно через месяц пребывания в Мариенбаде. Они приехали во Франкфурт 18 / 30 июля 1872 г. <...>

Приехав во Франкфурт на Майне, Кесарь Филиппович, «благодаря упорству, совершенно тупому», как он пишет, И.А. Гончарова, принужден был остановиться на шумной улице Zeil'я в большой, но очень не понравившейся Кесарю Филипповичу гостинице «Zum Römischen Kaiser»(21), где нашлись комнаты лишь в четвертом этаже, на припеке. Неуютность гостиницы, шум и стук большой, пыльной при жаре улицы произвели на Кесаря Филипповича удручающее впечатление: «так скверно здесь и так хорошо вспомянулся Мариенбад», где было «тихо, спокойно, кругом лес».

Едучи во Франкфурт из Мариенбада, наши путешественники приостановились в городке Эгере, отмеченном в истории смертью в нем знаменитого Валленштейна[7], а в то время славившемся цветами – «цветочным производством», по выражению Кесаря Филипповича, но в жару отвратительно пыльным и скучным. «Наутро выехали в 8 часов и путь держали на Аш», таможенный пункт на границе Баварии, где «переломали» у Кесаря Филипповича «коробку Мариенбадских облаток, прелестнейшего кушанья к чаю». <...>

После обеда, 30 / 18 июля, Кесарь Филиппович вместе с И. А. Гончаровым совершили большую «прогулку по городу и за город в так называемый "Palmengarten"». «Прогулка, особенно возвращение, были прелестны, хотя и приустали ноги. Дорога лежала по прекраснейшей тенистой улице "Bockenheimenlandsshtrasse", сплошь усаженной вековыми каштанами и застроенной прелестнейшими виллами, что называют французы "entre cour et jardin"[8]. Этот jardin невелик при каждом доме, но так хорошо убран, с таким вкусом, что, глядя, воображаешь себя на цветочной выставке. Но где глаза мои разбежались – так это перед цветником Palmengarten'a! Вот нам с Николаем (садовником) походить бы тут да поучиться с месяц, так тогда вышло бы чего-нибудь, а теперь мне про

[7] В 1634 г. Валленштейн знаменит своими победами во время 30-тилетней войны. Между прочим он разбил знаменитого шведского короля Густава Адольфа в сражении при Лейпциге, где погиб этот король.

[8] «между двором и садом».

наши цветники и вспомнить стыдно... Что за вкус, что за подбор цветов, что за сорта растений!

К сожалению, в спутнике я не встретил никакого сочувствия[22].

Собирались тучи, и он все обозревал горизонты. Послушав немного музыку, мы около 9-ти часов вечера пошли домой, – и я в первый раз в жизни, кажется, вдыхал вечерний воздух этот, теплый, мягкий, не сырой, настолько не сырой, что несколько времени я шел с открытой головой».

Из Франкфурта Кесарь Филиппович и И.А. Гончаров съездили почти на целый день в Гомбург, а 1-го августа, по старому стилю 20 июля, в Ильин день, в 4½ часа со скорым поездом выехали из Франкфурта в Париж.

Поездка в Париж их и манила, и пугала. Ведь это было стревожное <sic!> время, вскоре после франко-прусской войны, коммуны и падения империи Наполеона III. Накануне отъезда из Франкфурта Кесарь Филиппович так излагал свои опасения относительно Парижа: «...он мятежный, не знаешь, что будет завтра, и не придется ли оттуда бежать стремглав, если, впрочем, пустят бежать. Поэтому продолжительность моего там séjour'a[23] будет зависеть от политических обстоятельств... К разным неудобствам присоединилось еще то немалое, что теперь во Франции наплодили бумажных денег, которые вне ее не имеют хода. Кроме того объявлена подписка на иностранный заем, и деньги отвлекаются на подписку, золото дорожает, и во Францию ехать без золота плохо».

Итак поехали прямо со скорым поездом: «У нас решено было ехать прямо, не останавливаясь в Кёльне, а он (т. е. И.А. Гончаров), проехав по Рейну, стал томиться до невозможности... "Вот, в Кёльне, лучше бы ночку-то проспать хорошенько в hôtel'e", да и "У меня что-то руки начинают побаливать", да "Приедем мы завтра совсем изломанные", да "Вот чайку бы тогда хорошенько напились" и прочее, и прочее, всё в этом роде". В таких случаях Кесарь Филиппович взял себе за правило упорно молчать. Гончаров охал: "Ну, вот, мы опаздываем, мы очень опаздываем; тот поезд наверное уж уйдет, а не то так едва успеем место занять; где же тут поесть и чаю попить!?" – восклицал он. Наконец приехали в Кёльн. Суматоха, беготня, множество поездов, едва светло от фонарей (11ый час вечера). "Долго ли остаемся?" – "Paar Minuten". Я складываю свои пожитки, вылезаю и бегу искать: "wo ist der Zug nach Paris?" Нашел, водворяюсь; за мной и Иван Александрович, кряхтит, бранится, весь – гнев и досада, к тому же еще мы не вдвоем: с нами третий господин. Однако ему, т. е. Ивану Александровичу, необходимо удалиться, и он, оставив

нас настороже, бежит. Я жду, стою, сижу, похаживаю; проходит малая толика времени; начинают запирать вагоны. Вдруг Иван Александрович, весь сияющий: “А я ведь успел, – говорит он веселый и радостный, – и чайку выпить, и всё, и вот, смотрите-ка еще чего добыл: это нам на дорогу ужин. Каков цыпленок!? а?! Одни восторги! А вот и хлеб, pain de famille, и соль есть, всё. Поедим всласть. Уж придется руками рвать, ну да ничего...” и т. д., и т. д. Вот Тебе один из тысячи более или менее похожих один на другой эпизодов».

«Друзья сердечные» прибыли в Париж в 10¼ часов утра. Въезд во Францию и в Париж сопровождался неприятными впечатлениями. «На франко-бельгийской границе в “Feumont” некая баба, помощница что ли досмотрщика, в моем маленьком саквояже перерыла всё и, разумеется, ничего не нашла, потому что я не курю. Но еще более возмутили меня объяснения в Париже, при досмотре большого багажа, только не моего, а Ивана Александровича. В моем чемодане порылись – и все тут. Я объявил фунт чаю. – “Vous pouvez gardez votre thé”(24). Но с сигарами Ивана Александровича это целая история. Его перебуравили всего, отыскивая сигары, которых, впрочем, он объявил 75 штук. Он, по непрактичности своей, стал с ними объясняться, заявлять права на доверие; на то, чтобы его не беспокоили, что он 15-ый раз в Париж приезжает, и прочее, и прочее. До сих пор не могу вспомнить хладнокровно, как они насмехались над его довольно наивными заявлениями прав на доверие, когда всё десять раз менялось с революцией, коммуной, немцами и прочее, и когда нет действительно никакой возможности помнить, что из миллионов приезжающих ежегодно был когда-то “un monsieur Comte Scharoff”, как они его, между прочим, окрестили. Меня возмущало не исполнение обязанностей, а грубость и насмешки, с которой это делалось».

«Остановились в маленьком hôtel d`Orient, весьма знакомым Ивану Александровичу(25), – Rue neuve St Augustin, совсем близко от Rue de la Paix и от бульваров. Отель очень миленький, и, разумеется, я не желал бы променять его на какой-нибудь “Grand Hôtel”, где 900 с чем-то номеров и человек перестает быть M^{r} un tel(26), а делается только номером. Я имею во дворе, по-здешнему во 2-м, по нашему в 3^{м} этаже две комнатки, очень миловидные, хотя несколько fanées, salon и спальня. У И. А-ча то же самое этажом пониже и понаряднее. Цена та же – 6 франков в день. Обедаю в table d`hôte, в этой же гостинице, очень мило».

4 августа / 23 июля Кесарь Филиппович продолжает: «Я был прерван И. А-чем, который пришел ко мне и потащил меня ходить по городу и

делать покупки. Я их и делал, и истратил все свои деньги. Да, Париж не Берлин, не Франкфурт и т. п. В нем можно потеряться от избытка прелестей.

Итак, мы ходили; часа полтора провел в огромном и прекрасном Magasin de la Paix. Он очень хорош, но дешевле несколько Compagnie Lyonnaise, где за посмотренье чуть ни тысяча франков. Затем дождь – холод и здесь меня преследует, и в Париже – прогнал домой, где я позавтракал. Потом опять пошли по некоторым улицам, а затем взяли извощика и приехали в Notre Dame de Paris; я осмотрел этот собор бегло внутри и снаружи; далее проехали мимо Margue и Hôtel Dieu – новая больница, великолепная; начата была давно Наполеоном, – в Jardin des Plantes, откуда опять выгнал дождь; потом на площадь Бастилии, где Июльская колонна, – ее теперь чинят, так как пробита коммунистами, – по многолюдным бульварам – Beaumarchais и др. и потом с бульвара Paissonière прошли пешком, осмотрев по дороге недостроенную еще прелесть Nouvel Opéra. Забыл сказать, что перед тем уже мы осматривали развалины Tuileries, Palais Royale'я, Hôtel de Ville и остатки Вандомской колонны. Если бы Ты могла себе вообразить то тяжелое чувство, которое давит, глядя на эти свежие развалины, на это отвратительное варварство! И везде эти политические хлыщи поспешили написать на видных местах: "Propriété nationalle, Liberté, egalité, fraternité"[27]. Мы обедаем в 6 часов. В 8 отправились в Comédie Française, где посредственно исполнена была "Valérie"[28] и великолепно "Le gendre de Mr Poirier"[29], где Got[30] и давно известный Петербургу Bressant[31] меня восхитили».

Непрекращавшаяся дурная погода во все пребывание в Париже, израсходование денег, взятых с собою на покупки подарков жене и родным, а главное, мечта еще пожить с семьею в деревенской тиши, побудили Кесаря Филипповича отказаться от намечавшейся ранее поездки в Булонь и спешить домой. «Нет, решительно, еду домой, – пишет он жене 5 августа / 24 июля, – хотя достопочтеннейший И.А. и Бог весть как меня ругает; вчера так даже мы совсем с ним поссорились. Он мне наговорил дерзостей, я его назвал деспотом, и мы разошлись часа на два. За table d`hôte'ом, впрочем, мы опять были друзьями. Но, ах, как он тяжел для житья с ним более или менее близкого! Нервам успокоиться не на чем, сказать нечего. Впрочем, Бог с ним; я ему очень много обязан за сопутничество, за некоторые советы, многие указания и т. п., притом он очень добрый человек». «И<ван> А<лександрович>, когда застает меня за письмом, все подсмеивается: "Всё о чувствах что ли пишете?!" Да,

теперь ему уже трудно усвоить понятие о необходимости в жизни такой привязанности, какою я к Тебе счастлив. У него какие-то свои, полустарческие, полухолостяковские теории. Но об этом на словах много и много поговорим».

Кесарь Филиппович рвался < >[32]. Его последнее письмо из Парижа 6 августа / 25 июля 1872 г. полно горячей любви к жене и детям. «Думаю, желаю и надеюсь, – писал он, – что это письмо мое будет последним, милый друг мой. Пора домой: очень душа просит».

«Когда Ты получишь это письмо, – так закончил его Кесарь Филиппович, – я буду уже в дороге, может быть, даже в Берлине». 1 августа старого стиля он рассчитывал быть в деревне, в имении Колищах, с женою и детьми. Отъезд из Парижа был назначен 9 августа / 28 июля 1872 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Как сообщал в другом месте Б.К. Ордин, его брат Георгий «преждевременно, в цвете сил, скончался 2 апреля 1914 г. вследствие неудачной несложной операции, вызвавшей заражение крови» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 5. Ед. хр. 366. Л. 5).

[2] Софья Павловна Андреева (1805–1883) – мать С.А. Ординой.

[3] Екатерина Алексеевна Богушевич (ок. 1837–1877) – сестра С. А. Ординой, жена сослуживца Гончарова по газете «Северная почта» Ю.М. Богушевича.

[4] Имеются в виду маниакальные подозрения Гончарова, которые спустя три года легли в основу «Необыкновенной истории».

[5] Цитата из пушкинского стихотворения «Дар напрасный, дар случайный...» (1828), до 1870-х гг. несколько раз положенного на музыку (см.: Пушкин в музыке: Справочник / Сост. Н.Г. Винокур и Р.А. Каган. М., 1974. С. 44).

[6] В этом отеле Гончаров останавливался в 1870 г.

[7] Реакция Гончарова не совсем понятна; двумя годами ранее, 7 (19) июля 1870 г., он писал М.М. Стасюлевичу: «Если Вы придете в Дрезден, то рекомендую Вам Hotel *Belle-vue* – она над Эльбой – вся в зелени, с террасами на Эльбу» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 4. С. 102; далее – Стасюлевич).

[8] Скорый поезд (*нем.*).

[9] Согласно курлистам (см.: Marienbader Curliste. 1872. № 68. 2 jul.) 28 июня в Мариенбад прибыл «Herr Johann von Gontscharoff, kais. russ. Wirklicher Staatsrath aus Petersburg», поселившийся в модном отеле San-

ssousi, где останавливались сиятельные особы. Спустя два дня в отеле Belvedere зарегистрировался и К.Ф. Ордин (см.: Marienbader Curliste. 1872. № 70. 3 jul.); сведения об отеле Bloedère не найдены; возможно, это ошибка кого-то из Ординых.

[10] Имеются в виду туалеты. Об «особом действии Мариенбадских вод» Гончаров писал, в частности, Евг.П. и Н.А. Майковым 7 (19) июля 1859 г.: «Встречаясь друг с другом на променаде, на музыке, знакомые говорят не о политике, а с участием спрашивают друг друга: “Действует ли вода?” “Да, порядочно”. “Сколько раз” и т. д. следует<sic!> подробности о том, как действует, когда и прочее. Иной любезничает с дамой, да вдруг остановится сначала как вкопанный, потом убежит на полуслове» (ИРЛИ. Ф. 166. Оп. 4. Ед. хр. 35. Л. 35). Ср. также в письме к И.И. Льховскому от 15 (27) июля 1857 г. (Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 114).

[11] *Здесь*: ни с того, ни с сего (*фр.*).

[12] Из письма от 30 июня (12 июля) 1872 г. Далее опущен большой фрагмент из этого и следующего писем с подробным описанием Мариенбадской жизни, лечебных заведений и местных нравов.

[13] Генерал-лейтенант Илья Андреевич Толстой (1813–1879), брат хорошей знакомой и корреспондентки Гончарова Александры Андреевны Толстой; согласно курлистам (см.: Marienbader Curliste. 1872. № 98. 25 jul.), приехал в Мариенбад 22 июля.

[14] Возможно, генерал-лейтенант Эрнст Карлович Петерс (1813–1891), приехавший 5 июля (см.: Marienbader Curliste. 1872. № 77. 7 jul.).

[15] Исаак Осипович Утин (1812–1876), купец первой гильдии, отец Л. И. Стасюлевич и ее многочисленных братьев, приехавший в Мариенбад 16 июня (см.: Marienbader Curliste. 1872. № 53. 18 jun.). О нем Гончаров писал М.М. и Л.И. Стасюлевич 15 (27) июля 1872 г.: «Был здесь Ваш Тятенька – и уехал – таким же здоровым, как был, но в новых ботинках» (Стасюлевич. С. 120).

[16] Фернанду II (Fernando II de Saxe-Coburgo-Gota-Koháry, 1816–1885), муж королевы Португалии Марии II, с которой правил совместно с 1837 по 1853 г.; после ее смерти сложил с себя корону. Прибыл в Мариенбад со своей морганатической женой 19 июня под именем графа Вила-Висоза (Villa-Viçosa) (см.: Marienbader Curliste. 1872. № 57. 21 jun.).

[17] Эрнст II, герцог Саксен-Кобург-Готский (Ernst II von Sachsen-Coburg und Gotha; 1818–1893), приехавший 24 июня (см.: Marienbader Curliste. 1872. № 63. 26 jun.)

[18] Примечание Б.К. Ордина ошибочно: австрийский политик Феликс Людвиг Иоганн Фридрих цу Шварценберг скончался в 1852 г. В Мариенбаде Гончаров и К.Ф. Ордин видели его старшего брата, коммерсанта Иоганна Адольфа II цу Шварценберга (zu Schwarzenberg, 1799–1888), приехавшего 2 июля (см.: Marienbader Curliste. 1872. № 74. 5 jul.).

[19] 7 июля в Мариенбад приехала княгиня Лидия Аркадьевна Гагарина (1818–1895) с дочерью (см.: Marienbader Curliste. 1872. № 80. 10 jul.); возможно, говоря о «княжне Гагариной», Ордин все же имеет в виду ее, а не дочь (в одном из предыдущих писем он сетовал на ее «неопрятность»).

[20] Неточная цитата из стихотворения К.Н. Батюшкова «Разлука» (последняя строка «С красавицей другой»).

[21] В этом отеле Гончаров останавливался в 1868 и 1871 гг. (см.: Стасюлевич. Т. 4. С. 30, 104, 106; Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 414).

[22] Ср. с впечатлениями Гончарова из письма к М.М. Стасюлевичу от 6 (18) июля 1871 г.: «Вчера был в Palmergarten: нарочито гнусно! Карикатура неудачная на Parc Monceaux!» (Стасюлевич. С. 105).

[23] пребывания (*фр.*).

[24] «Можете оставить свой чай» (*фр.*).

[25] В этом отеле Гончаров неоднократно останавливался в 1860-е гг.

[26] *Здесь*: кем-то, личностью (*фр.*).

[27] Ср. с впечатлениями Гончарова из письма к Стасюлевичу от 24 июля (5 августа): «Париж так велик, что следы пожаров почти незаметны, кроме как в Тюльери, от которого осталась только наружная декорация да Hotel de Ville и Министерство финансов представляют вид развалин, а всё прочее перестроено и замазано. Удивительно то, что эта сволочь жгла не одни только монархические памятники, но и свои народные, даже памятники революции. Например, они подвели в канал под июльскую колонну целую лодку петроля и хотели тоже ее разрушить! Или – сожгли еще так называемый *grenier d'abondance* громаднейший запасный хлебный магазин: зачем это все? Какой принцип, какие идеи и чувства управляли разрушителями? Впрочем каких принципов, идей и чувств можно ожидать от выпущенного из клеток зверинца? О, сукины дети, сукины дети! Жгут памятники, музеи, библиотеки, хлебные запасные магазины, убивают – и смеют говорить о свободе и цивилизации! Везде понаписали: propriete nationale, всюду – egalite, fraternite et liberte! Черта с два!» (Стасюлевич. Т. 4. С. 122)

[28] «Валери», прозаическая комедия в трех актах Эжена Скриба (Scribe) и Мельвиля (Mélesville); премьера состоялась 21 декабря 1822 г. в Комеди Франсез.

[29] «Зять господина Пуарье», прозаическая комедия в четырех актах Эмиля Ожье (Augier) и Жюля Сандо (Sandeau) (премьера 8 апреля 1854 г. в Театр Жимназ), пользовавшаяся огромной популярностью и многократно ставившаяся в различных театрах (в 1933 г. по ней был снят художественный фильм).

[30] Эдмон Гот (1822–1901), французский актер, член товарищества Comédie Française (дебютировал на сцене этого театра в 1847 г.); по словам современника, «талант его обладает гибкостью и разнообразием, которые уже давно не нуждаются в доказательствах» (см.: *d'Heilly G.* Foyers et coulisses: Hisroire anecdotique des théatres de Paris. Comédie-Française. Paris, 1873. T. 2. P. 107).

[31] Проспер Брессан (1815–1886), французский актер, член товарищества Comédie Française; с 1838 по 1846 г. играл в Михайловском театре в Петербурге. В рукописи ошибочно: Bressiaux.

[32] Край рукописи оторван, утрачено одно слово.

ЛИТЕРАТУРА

А.В. Ордин Кесарь Филиппович // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. [12:] Обезьянинов–Очкин. С. 280–281.

Балакин А.Ю. Одним летом в Гунгербурге: (К творческой истории очерка И.А. Гончарова «На родине») // Седьмая международная летняя школа по русской литературе: Сб. статей. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2012.

Барышников В.Н. Кесарь Филиппович Ордин – первый отечественный исследователь российско-финляндских отношений // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Четырнадцатой ежегодной международной научной конференции (11–12 апреля 2012 г.). СПб., 2013.

Барышников В.Н. Балтийский вопрос и его изучение в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // Journal of modern russian history and historiography. 2014. № 7.

Вдовин А.В. Гончаров и деньги (по материалам писем 1861–1891 гг.) // Гончаров после «Обломова»: Сб. статей. СПб., 2015.

Гуськов С.Н. О некоторых мотивах критики «Обрыва» // Bibliotheca Slavica Savariensis. Schombathely, 2012. T. XIII: Гончаров: живая перспектива прозы.

Гуськов С.Н. Полемика, которой не было (из истории критики романа «Обрыв») // Русская литература. 2012. № 2.

Иванов К.Е. Неизданные письма И.А. Гончарова // И.А. Гончаров: (Новые материалы о жизни и творчестве писателя). Ульяновск, 1976.

Литературное наследство. М., 2000. Т. 102: И.А. Гончаров: Новые материалы и исследования.

Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1951. Т. 3.

Мельник В.И. И.А. Гончаров и его знакомства в храме св. Пантелеимона (к вопросу о христианской биографии писателя) // Православная культура в России: Прошлое и настоящее (по материалам Вторых Свято-Филаретовских чтений). М., 2007. С. 113–125.

Мельник В.И. Гончаров и Ордины в храме великомученика Пантелеимона // Христианская культура и славянский мир: Материалы круглого стола от 19 февр. 2009 г. М., 2009. С. 95–101.

Мельник В.И. Автор «Обломова» и его знакомства в храме великомученика Пантелеимона: (Чета Ординых) // Христианская культура и славянский мир: Материалы круглого стола от 27 янв. 2010 г. М., 2010.

Неизданные письма И.А. Гончарова / Публ. Р.Б. Заборовой // Труды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. 1963. Т. 11 (14).

Ордин К.Ф. Попечительный совет заведений общественного призрения в С.-Петербурге: Очерк деятельности за пятьдесят лет 1828–1878. СПб., 1878.

Пушкин в музыке: Справочник / Сост. Н.Г. Винокур и Р.А. Каган. М., 1974.

М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 4.

Шилов Л.А. Ордин Борис Кесаревич // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1999. Т. 2.

d'Heilly G. Foyers et coulisses: Hisroire anecdotique des théatres de Paris. Comédie-Française. Paris, 1873. T. 2.

Сведения об авторе: Балакин Алексей Юрьевич, канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН, ученый секретарь Пушкинской комиссии РАН. E-mail: balakin@inbox.ru.

К.Д.Киктева

Раскаявшийся соблазнитель в религиозно-фантастической драме Хосе Соррильи «Дон Хуан Тенорьо»

Статья посвящена анализу образа Дона Хуана в религиозно-фантастической драме Хосе Соррильи «Дон Хуан Тенорьо» и выявлению новаторства автора в трактовке мифа в сравнении с предшествующей традицией.
Ключевые слова: Дон Хуан, Хосе Соррилья, испанский романтизм.

The article concerns the image of Don Juan in the religious-fantasy drama «Don Juan Tenorio» by José Zorrilla and discloses the novelty of Zorrilla's interpretation of the myth in comparison with the previous literary tradition.
Key words: Don Juan, José Zorrilla, Spanish Romanticism

Религиозно-фантастическая драма Хосе Соррильи, впервые поставленная на сцене в 1844 г., пользуется большой популярностью в Испании и по сей день. Каждый год в День Всех Святых именно это произведение выбирают для постановки во всех театрах страны. Что же столь притягательного было в «Доне Хуане Тенорьо», что интерес к драме не пропадает вот уже на протяжении трех веков?

Как известно, религиозно-фантастическая драма Соррильи - лишь одно из целого ряда произведений о насмешнике и соблазнителе в европейской и испанской культурной традиции. Так, первая пьеса о Доне Хуане – «Севильский озорник, или каменный гость» Тирсо де Молины (1630) – не менее богата событиями и, пожалуй, в чем-то даже более пригодна для сцены (например, в произведении Соррильи есть явный дисбаланс в объеме между частями произведения, что может немного осложнить постановку). Но «Дон Хуан Тенорьо» обладает одной существенной особенностью, которая отличает драму от ряда других пьес об известном герое, – это первое в испанской традиции произведение о Доне Хуане, где соблазнитель, раскаявшись, получает прощение небес.

Следует отметить, что намек на раскаяние героя был и в испанской пьесе XVIII в. (Антонио Самора, «Нет срока, который бы не наступил, нет долга, который бы не оплатился»), однако там Дону Хуану не удалось уйти от наказания за грехи и гибели. В европейской традиции через по-

каяние удалось избежать смерти герою новеллы французского писателя Проспера Мериме «Души чистилища» (1834). Однако если Мериме использовал для своего произведения историю одного из инвариантов Дона Хуана, дона Мигеля де Маньяры (дворянина XVII в., известного своими похождениями и авантюрами, однако раскаявшегося и прожившего остаток жизни как праведник), то Соррилья в драме 1844 г. опирается на традиционный сюжет, использованный еще Тирсо де Молиной (грешник убивает отца девушки, которую желает соблазнить, и каменная статуя жертвы мстит убийце, осуществляя возмездие небес).

Очевидно, что, хотя Соррилья ориентируется на сюжет, который восходит к пьесе Тирсо, его трактовка образа сильно отличается от изображения героя в «Севильском озорнике, или каменном госте». Если для Дона Хуана XVII в. неправедные поступки были органичной частью жизни и совершались спонтанно, то герой Соррильи хитроумен и способен планировать свои авантюры. Более того, он гордится своей славой соблазнителя и насмешника и даже заключает пари с доном Луисом, чтобы определить, кто из них способен совершить за год больше авантюр и прегрешений (в числе которых и убийства). Количество проступков Дона Хуана оказывается необыкновенно велико и напоминает список соблазненных женщин в опере Моцарта «Дон Жуан, или наказанный развратник», также потрясающий своей длиной. Подобная гипербола не вызывает возмущения своим неправдоподобием, а, напротив, органично вписывается как в яркую и преувеличенную действительность оперы, так и в портрет романтического донжуана Соррильи (можно сказать, что этот соблазнитель, как и герой Моцарта, согласно определению Кьеркегора «постоянно колеблется между тем, чтобы быть идеей, силой, жизнью, – и тем, чтобы быть индивидом»; «если же я представлю себе отдельного индивида… будет смешно даже вообразить, будто этот человек соблазнил 1003 девушки… я имею дело не с отдельным индивидом, но силой природы, демоническим началом[1]). Причем Соррилья идет по пути гиперболизации прегрешений героя еще дальше, чем его предшественник Да Понте, автор либретто к опере Моцарта: во второй части драмы на месте дома героя оказывается возведено целое кладбище и покоятся на нем лишь жертвы Дона Хуана. Скульптор, изваявший каменные надгробия на кладбище, так отзывается о герое: «Tuvo un hijo don Diego / peor mil veces que el fuego, / un aborto del abismo. / Un mozo sangriente y cruel, / que con

[1] *Кьеркегор С.* Непосредственные стадии эротического, или Музыкально-эротическое // Или-или. С. 117

tierra y cielo en guerra, / dicen que nada en la tierra / fue respetado por él»[2].

Как видно из приведенной выше цитаты, Соррилья наделяет своего героя демоническими чертами. Персонажи «Дона Хуана Тенорьо» постоянно подчеркивают инфернальное начало в образе героя (например, слуга соблазнителя так описывает своего хозяина: «Yo creo que sea él mismo / un diablo en carne mortal / porque a lo que él, solamente / se arrojará Satanás»[3]). Совершенно очевидно проявляется демонизация образа и в том, что четвертый акт своей религиозно-фантастической драмы, где Дон Хуан проникает в женский монастырь, автор озаглавил «El diablo a las puertas del Cielo» – «Дьявол у небесных врат».

Подобное наделение героя демоническими чертами отнюдь не новаторство в европейской романтической традиции. В образе Дона Хуана Тенорьо, без сомнения, наблюдаются параллели с героями Байрона, с так называемой «байронической личностью» (часть поэм Байрона уже была переведена на испанский язык и оказала влияние на испанскую романтическую литературу). Кроме того, к моменту начала работы над драмой уже существовала и созданная в 1830-е гг. поэма апологета Байрона и соотечественника Соррильи, Хосе де Эспронседы, «Саламанкский студент» – одно из самых известных в испанской литературе XIX в. обращений к мифу о Доне Хуане (герой поэмы полностью соответствует концепту «байронической личности»).

Как и герои ранних поэм Байрона, Дон Хуан Тенорьо принципиально одинок, не нуждается в одобрении общества (он, очевидно, не имеет близких друзей, не находит взаимопонимания с отцом) и осознанно совершает действия, которые не одобряются христианской моралью (достаточно вспомнить пари с доном Луисом; единственный его постоянный спутник – слуга), наделен демоническими чертами, а ближе к концу поэмы – оказывается способным на рефлексию, страдание и неутолимую тоску по недостижимому (в данном случае – любви недоступной для него Инес) и скорбь от разрыва между действительностью и желанным идеалом.

Очевидно, что поведение героя Соррильи, как и поступки других донжуанов в испанской традиции, не вписывается в нормы общественной и христианской морали. Однако отношение Дона Хуана Тенорьо к религии намного сложнее, чем позиция, которую занимает по этому же вопросу самый первый донжуан, севильский озорник из одноименной пьесы Тирсо де Молины. Если герой Тирсо, плоть от плоти своего времени и

[2] *Zorrilla J.* Don Juan Tenorio. P. 114.

[3] Ibid. P. 86.

культуры, безусловно, верил в Бога и небесную кару, однако не желал думать о близости наказания («Largo plazo me fiáis»), то Дон Хуан Хосе Соррильи, романтический донжуан, уже дитя другой эпохи и открыто высказывает сомнения в существовании высших сил («Si fuese Dios en verdad, / a más distancia pondría / su aviso y mi eternidad»; «Y a fe que favor me harás, / pues podré saber de tí / si hay más mundo que él / de aquí, / y otra vida, en que jamás, / a decir verdad, creí»[4]).

Подобный скепсис в высказываниях сразу отсылает читателя к комедии Мольера «Дон Жуан или каменный гость» (1665), в которой впервые в истории мифа возникла проблема веры главного героя. Дон Жуан Мольера был рационалистом и скептиком, верившим лишь в то, чего можно коснуться или увидеть собственными глазами (жизненная философия героя выражена словами «Я верю, Сганарель, что дважды два – четыре, а дважды четыре – восемь»; этот донжуан до последнего сомневается в сверхъестественном происхождении статуи, пытаясь проткнуть ее шпагой).

В отличие от героя Мольера, Дон Хуан Тенорьо из романтической драмы, несмотря на терзающие его сомнения в существовании высших сил, все же не до конца отрицает Бога и, возможно, даже желает поверить в Него. В сцене объяснения с отцом Инес Дон Хуан пытается убедить окружающих в своем грядущем исправлении и готовности стать на путь истинный ради возлюбленной и просит дона Гонсало не лишать его единственной возможности искупления и спасения («Míralo bien, don Gonzalo; / que vas a hacerme perder/ con ella hasta la esperanza/ de mi salvación tal vez»[5]), тем самым подтверждая, что не отрицает существование небесной кары и потустороннего мира. И это отнюдь не уловка соблазнителя, чтобы смягчить разгневанного отца.

Герой Соррильи способен на злую шутку или насмешку, но он вовсе не хладнокровный интриган, пытающийся совмещать удовольствия и успешную карьеру, как соблазнитель из романа Телесфоро Труэбы «Гомес Ариас, или мавры Альпухаррры» 1828 г., или лицемер, использующий мнимое благочестие для прикрытия неблаговидных поступков, как Дон Жуан Мольера («Ты не представляешь себе, сколько я знаю таких людей, которые подобными хитростями ловко загладили грехи своей молодости, укрылись за плащом религии, как за щитом, и, облачившись в этот почтенный наряд, добились права быть самыми дурными людьми на свете. Пусть их козни известны, пусть все знают, кто они такие, все

[4] *Zorrilla J.* Don Juan Tenorio. P. 138.

[5] Ibid. P. 107.

равно они не лишаются доверия: стоит им разок-другой склонить голову, сокрушенно вздохнуть или закатить глаза – и вот уже все улажено, что бы они ни натворили. От моих милых привычек я не откажусь, но я буду таиться от света и развлекаться потихоньку»[6]). Дон Хуан Тенорьо – максималист, не признающий компромисса между добром и злом, и в этом его трагедия: он готов отречься от прежней жизни ради нового чувства, но, если счастье с желанной женщиной недоступно, опускается в еще большую пучину греха, отказавшись от всякого шанса на спасение или попыток оправдаться в глазах общества. Когда дон Гонсало отказывает герою в руке своей дочери, последний восклицает, что именно действия этого человека вновь ввергают его в бездну порока, погружения в которую он хотел избежать: «Ulhoa, pues mi alma así / vuelves a hundir en el vicio, / cuando Dios me llame a juicio, / tú responderás por mí»[7].

Именно роднящие романтических донжуанов с байроническими героями принципиальность, подверженность сильным страстям (а также чувство оскорбленной гордости) приводят Дона Хуана Тенорьо к катастрофе – убийству отца своей возлюбленной. Отметим, что в драме Соррильи убийство происходит не в результате вынужденного поединка при попытке бегства от гнева Командора, а после объяснения с отцом Инес и его отказа в согласии на брак. Перед нами возникает образ трагического героя, который раскаивается и, поступаясь своей гордостью, смиренно просит врага о милосердии и доверии, однако, будучи отвергнутым, впадает в по-романтически неудержимую ярость, становится на путь еще большего греха, убивая своих противников.

Вину за свое новое преступление дон Хуан возлагает на небеса, которые отказали ему в помощи и не пожелали принять его искреннее жертвенное раскаяние («Llamé al cielo y no me oyó, / y pues sus puertas me cierra, / de mis pasos en la Tierra / responda el cielo, y no yo»[8]). Встреча с Инес и крушение надежд показывают, что скепсис Дона Хуана неглубок, в минуты отчаяния герой обращается к Богу, пусть и лишь для того, чтобы обвинить его в своих бедах. Он не насмехается над религиозностью других, как неверующий Дон Жуан Мольера (этот герой просил нищего, просившего милостыню, побогохульствовать за пару монет), не совершает и открытых кощунств, подобно другим испанским романтическим соблазнителям (например, дону Феликсу де Монтемару, сорвавшему лам-

[6] *Мольер Ж.Б.* Дон Жуан, или каменный гость. С. 546.

[7] *Zorrilla J.* Don Juan Tenorio. P. 107.

[8] Ibid. P. 107.

паду с алтаря, чтобы разглядеть личико женщины). Вызов, который Дон Хуан бросает Богу, обвиняя его в своих будущих грехах, – результат трагедии романтика, жадно желавшего своего идеала и не сумевшего получить его. Если раньше суть пьес о Доне Хуане сводилась к формуле «герой – грех – наказание», теперь формула изменилась, в ней появился новый компонент «герой – грех – встреча с идеалом – злой рок – наказание» (или, точнее, обещание наказания, поскольку эта часть формулы оказывается нереализованной). Таким образом, при постановке пьесы Соррильи герой вызывает больше сочувствия у зрителей, чем его предшественники, ведь Дон Хуан способен на искренние переживания, и в его бедах и грехах виновен не только он сам, но и отчасти – трагический случай.

Любой анализ драмы Хосе Соррильи «Дон Хуан Тенорьо» не может обойтись без упоминания образа возлюбленной героя, доньи Инес. Встреча с Инес, воспитанницей монастыря, еще не знающей жизни и любви, меняет Дона Хуана; осознавая свою греховность, он впервые ощущает не только желание обладания, но и восхищение чужой душой и надежду на собственное исправление, выбор иного пути («Su amor me torna en otro hombre, / regenerando mi ser, / y ella puede hacer un angel / de quien un demonio fue»[9]). В своей драме Соррилья прибегает к широко распространенному в литературе романтизма мотиву противостояния демонического и ангельского, героя, наделенного инфернальными чертами, и беззащитной, невинной женщины. И пусть подобный образ чистой девы отнюдь не является новаторским (достаточно вспомнить поэму Хосе де Эспронседы «Саламанкский студент», где соблазнитель дон Феликс де Монтемар, герой байронического типа, противопоставлен невинной жертве Эльвире), в испанской традиции, связанной с мифом о насмешнике и соблазнителе, важно появление такого персонажа, как Инес. Известно, что и сам автор драмы отмечал, что главное достоинство его пьесы, которое обеспечит ей долгую жизнь на сцене – образ доньи Инес, христианки. Впервые в испанской литературе, посвященной образу насмешника и соблазнителя, женщина начинает играть столь важную роль в сюжете. Необходимо упомянуть, может быть, еще пьесу Алонсо де Кордовы (1676), в которой донья Анна выступала как активный персонаж, желая отмстить герою за смерть Командора.

Жанр своего произведение сам Хосе Соррилья определил как религиозно-фантастическую драму, изначально подчеркнув, насколько важна в пьесе религиозная составляющая, сопряжение испанского национально-

[9] Zorrilla J. Don Juan Tenorio. P. 104.

го мифа с исконно национальной же верой. Если проблематика первой пьесы о Доне Хуане («Севильский озорник, или каменный гость») сводилась к идее неминуемости наказания за грехи, то «Дон Хуан Тенорьо» Хосе Соррильи показывает, что даже для самого закоренелого грешника существует возможность прощения. Герой драмы, пусть и способен на рефлексию и чувствует свою связь с высшими силами (недаром он то подчеркивает свою демоническую природу, то в отчаянии взывает к Богу с мольбами о спасении), все же, утратив свой идеал и с ним – надежду на счастье и справедливость, не может самостоятельно прийти к полному раскаянию и спасению (в отличие, например, от героя новеллы Проспера Мериме «Души чистилища»). Проводником его на пути к Богу становится главная героиня, которая и после смерти не утрачивает связь с тем, в кого была влюблена, заступается за грешника перед высшими силами и готова спастись или же обречь себя на наказание вместе с ним. Именно предупреждения о грядущей смерти и жертва Инес делают возможным раскаяние Дона Хуана и прощение его в конце драмы.

В романтических интерпретациях мифа о Доне Хуане женщине часто уделялась решающая роль в судьбе героя. Иногда это была роль зловещая, через женщину осуществлялось возмездие небес (например, в поэме Хосе де Эспронседы «Саламанкский студент», где призрак Эльвиры, когда-то оставленной Доном Феликсом, ведет героя к смерти, очаровывая его своей красотой); иногда – благотворное влияние на жизнь соблазнителя (так, Теодора в романе Телесфоро Труэбы «Гомес Ариас, или мавры Альпухарры» пыталась выхлопотать помилование для своего возлюбленного, но того все равно настиг злой рок, и он погиб иначе – от руки бывшего соперника). Однако лишь Инес становится столь значимой символической фигурой, носительницей христианской морали, что *введение в произведение этой героини и связанного с ее образом мотива жертвенной, спасительной любви меняет сложившееся представление о структуре мифа и история соблазнителя оканчивается не наказанием, а прощением – впервые в испанской традиции.*

Прощение героя небесами, казалось бы, лишает миф изначально заключенной в нем морализаторской силы, ведь, как писал Серен Кьеркегор в трактате «Или-или», миф о Доне Хуане – изначально христианский, основанный на укорененном в сознании представлении о сексуальном контакте с несколькими женщинами вне брака как о грехе, требующем наказания. Соррилья сохраняет все предзнаменования грядущей кары, существовавшие в предшествовавшей литературной традиции: фигуру Коман-

дора, предупреждающего соблазнителя о скорой смерти и необходимости раскаяния, намек на видение собственных похорон – аллюзия на один из инвариантов мифа, который также использовал Мериме в своей интерпретации образа. Прощение же героя, заслуженное им благодаря раскаянию и жертве возлюбленной, сопряжено с его смертью: Дон Хуан уже не просто грешник, не желающий думать о завтрашнем дне, но трагический герой, для которого недоступно счастье и достижение идеала. И в этом Соррилья верен традиции – как и предыдущие донжуаны, его герой изначально маргинален по своей природе, не способен следовать общественным нормам (в романтических интерпретациях эта черта характера особенно подчеркивается и порой перерастает в открытый вызов обществу –вспомним поведение дона Феликса де Монтемара у Эспронседы), он не может стать семьянином или добрым отцом семейства. Для соблазнителя и насмешника истинное, духовное, а не только физическое единение с женщиной невозможно при жизни и оказывается осуществимо лишь в смерти, где герой Соррильи обретает свой идеал и разрешает терзавшие его противоречия.

Образ Дона Хуана (в европейской традиции – Жуана) всегда был необычайно притягателен как для писателей, так и для публики. Неожиданная замена последнего традиционного элемента сюжетной схемы – наказания – на прощение героя превратило историю насмешника и соблазнителя из истории о грехе и каре в повествование о милосердии Бога и жертвенной любви, о возможности искупления самых страшных прегрешений, пусть и в смерти. Возможно, помимо художественных достоинств самой драмы (которые, к слову, до сих пор оспариваются испанскими критиками), «Дон Хуан Тенорьо» Хосе Соррильи и по сей день сохраняет свою привлекательность в Испании именно благодаря финалу, который способен принести зрителям, наблюдающим за постановкой, ощущение катарсиса.

Список литературы:

Кьеркегор С. Непосредственные стадии эротического, или Музыкально-эротическое / Пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева // Или-или. М., 2014. С. 70–158.

Мериме П. Души чистилища / Пер. с фр. А.Смирнова // Мериме П. Избранное. М., 1986. С. 138–198.

Молина Т. де. Севильский озорник или каменный гость / Пер. с исп. К.Д. Бальмонта // Севильский обольститель. Дон Жуан в испанской литературе. СПб., 2009. С.44–188.

Мольер Ж.Б. Дон Жуан, или каменный гость / Пер. с фр. В. Лихачева // Мольер Ж.Б. Полн. собр. соч. в одном томе. М., 2009. С. 508–546.

Espronceda y Delgado J. de. El estudiante de Salamanca. San Fernando de Henares, 1995. 91 p.

Molina T. de. El burlador de Sevilla. S.L.U. Espasa Libros, 2010. 208 p.

Zorrilla y Moral J. Don Juan Tenorio: [Teatro]. San Fernando de Henares, 1995. 155 p.

Сведения об авторе: Киктева Ксения Дмитриевна, аспирантка кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: kiktevaksenia@mail.ru.

Е.С.Савина

Некоторые стилистические приемы передачи юридического дискурса в текстах Ж. Сименона

Статья посвящена выявлению концептов, используемых в метафорах и образных сравнениях в юридическом дискурсе в текстах Ж. Сименона. Рассматриваются три типа юридического дискурса и выделяются соотнесенные с ними концепты (ОХОТА, ШКОЛА, ИГРА). Исследование проводилось на материале корпуса текстов Ж. Сименона общим объемом более 7000 страниц.

Ключевые слова: юридический дискурс, стилистические фигуры, стилистический анализ, метафорический концепт, сравнение, юридические термины.

Our article is devoted to revelation of the concepts used in comparisons and metaphors in the legal discourse in George Simenon's texts. We analyze three types of legal discourse and we distinguish principal concepts correlating with them (for example hunt, school, game). Our study is based on the corpus of George Simenon's texts of the total volume of 7000 pages.

Key words: legal discourse, stylistic figures, stylistic analysis, metaphorical concept, comparison, legal terms.

Одной из важных особенностей книги Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors we live by» является установление принципов рассмотрения концептуальных метафор, то есть устоявшихся в языке метафорических «параллелей» в рамках западной культуры (так, понятие *дискуссии* систематически соотносится с концептом ВОЙНА) [Lakoff, Johnson, 1981: 4]. Метафорический концепт только частично совпадает с понятием, к которому он относится, и, по мнению авторов указанной монографии, именно актуализация незадействованных «частей» концепта и является особенностью поэтического языка.

В данной статье излагаются результаты нашего исследования авторские параллелей, характерных для текстов Ж. Сименона, с опорой на ключевое для когнитивной науки понятие концепта. Концепты с разных точек зрения изучали многие лингвисты, см, например: [Кубрякова и др., 1997], [Демьянков, 2001], [Никишина, 2002], [Степанов, 2004] и др. К сходной тематике обращался, в частности, В.А. Успенский, говоря о вещ-

ных коннотациях абстрактных существительных, что, на наш взгляд, близко подходу Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Успенский, 1979].

В данной статье на материале произведений Ж. Сименона мы рассмотрим некоторые стилистические приемы передачи в прозаическом тексте юридического дискурса, который находит отражение роль в детективных романах писателя. Более того, даже в психологических романах Ж. Сименона часто описываются те или иные правовые ситуации. Среди авторских параллелей, свойственных текстам Ж. Сименона, присутствуют как стандартные, «стертые» метафоры и сравнения (*расследование* – ОХОТА), так и достаточно «оригинальные» (*расследование* – СЛОВЕСНОСТЬ как деятельность по составлению словарей). Под концептом мы будем понимать понятийную область, с которой соотносятся фрагменты юридического дискурса, описывающего правовые ситуации. Таким образом, задачей нашей работы является выявление специфических концептов, соотнесенных с юридическим дискурсом в текстах Ж. Сименона.

Юридический дискурс рассматривается при этом как частный случай дискурса в целом. Мы в нашей работе опираемся на традиционное определение дискурса, предложенное Н.Д. Арутюновой, которая понимает под дискурсом «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания…» [Арутюнова, 1990: 136–137].

Для анализа юридического дискурса мы обратимся к работам Ж. Корню, автора одного из наиболее полных и подробных словарей французских юридических терминов [Cornu, 2007]. Исследователь считает юридический дискурс оборотной стороной языка права и противопоставляет его юридической лексике как потенцию реализации [Cornu, 2005: 207]; при этом подчеркивается, что юридический дискурс представляет собой конкретный случай функционирования языка [Cornu, 2005: 207].

Ж. Корню предлагает различать три типа юридических дискурсов [Cornu, 2005: 233–241]:

I. Законодательный дискурс (тексты законов) [«Le discours législatif (le texte de loi)»].

II. Судебный дискурс (судебные решения) [«Le discours juridictionnel (la décision de justice)»].

III. Дискурс кутюмного (обычного) права (максимы и поговорки) [«Le discours coutumier (les maximes et adages du droit)»], ср., например, выска-

зывания вроде *Pas d'intérêt, pas d'action*; *Le mort saisit le vif; Nul n'est censé ignorer la loi.* Ж. Корню пишет о том, что данный фонд высказываний пришел к нам из глубины веков («Nous le tenons des Anciens, de nos aïeux, de nos pères») [Cornu, 2005: 357].

Мы же, с учетом специфики нашего материала, предлагаем иное решение этой проблемы и выделяем в текстах Ж. Сименона следующие виды дискурса: процессуальный дискурс (описание различных стадий уголовного процесса), непроцессуальный дискурс (описание различных профессий и служб, связанных с отправлением правосудия; юридический дискурс, связанный с экономикой; описание ситуации, относящейся к таможенному праву и др.) и дискурс кутюмного (обычного) права (ср. максиму: *Tout individu est présumé innocent et traité comme tel jusqu'à preuve du contraire*).

Считается, что язык Ж. Сименона является «нейтральным», максимально простым и «неприукрашенным». Об этом говорила Ж. Гард-Тамин в лекциях, посвященных стилю Ж. Сименона, которые она читала в университете Париж-Сорбонна (Париж-IV) в весеннем семестре 2009–2010 учебного года. Мы же покажем, что на самом деле стилистические фигуры встречаются в текстах писателя.

В проанализированном материале нами были обнаружены метафоры и образные сравнения, где в качестве сравниваемого используются следующие отображаемые в романах Ж. Сименона ситуации, характерные для юридического дискурса: «преступление», «дело», «полицейское следствие», «дача показаний», «операции полиции», «допрос», «очная ставка», «признание», «процесс в суде присяжных», а также «отношение полицейского к преступнику», «интерпретация слов и действий» последнего и другие побочные ситуации, в том числе относящиеся к таможенному и кутюмному праву. Эти ситуации сополагаются с набором концептов, самыми частотными из которых являются: ЦИРК, КИНО, ТЕАТР, ИГРА (шахматы, карты, головоломки и др.), ОХОТА (охотник, собаки, травля и пр.), РЫБНАЯ ЛОВЛЯ, МЕДИЦИНА (болезнь, больной, лечение, учреждения здравоохранения и др.), ШКОЛА (ученики, учителя, ответ у доски, перемены и пр.), ВОЙНА, ЦЕРКОВЬ (церковная служба, священнослужители и пр.).

Мы покажем, какие образные сравнения и метафоры используются в юридическом дискурсе. Данные метафоры и образные сравнения вписываются в концепцию Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Фрагменты юридического дискурса выступают в роли того, что́ сравнивают. В текстах Ж. Си-

менона эти контексты распределяются по всем трем категориям юридического дискурса, выделенного нами выше[1]. Концепты же выступают в роли того, *с чем* сравнивают. Для уточнения значений французских слов мы использовали французско-русский словарь В.Г. Гака и Г.А. Ганшиной: [Гак, Ганшина, 2002] и электронную версию французского одноязычного толкового словаря «Trésor de la langue française».

Ниже мы рассмотрим примеры из процессуального, непроцессуального дискурса и дискурса кутюмного права. Начнем с процессуального дискурса.

1. Процессуальный дискурс в текстах Ж. Сименона

1.1. Affaire («дело» в значении 'судебное разбирательство, процесс')

a) *Affaire* метафорически соотносится с концептом СТРОИТЕЛЬСТВО. В следующем примере в рамках развернутой метафоры задействованы слова *façade* 'фасад', *lambris* 'обшивка стены, панель, филенка, лепное украшение; гипсовая штукатурка между стропилами крыши' и *pierre de taille* 'строительный камень':

Au fond, c'était une affaire comme il les aimait: une façade digne, des gens pauvres et pudibonds, toutes les apparences de la vertu poussée au degré où elle sue l'ennui./ Et lui, Maigret, devait gratter tout cela, fouiller dans les coins, renifler à gauche et à droite pour arriver enfin, sous les lambris, les pierres de taille, les vêtements sombres et les visages hautains ou renfrognés, à découvrir la bête humaine, la vilaine bête, la plus inexcusable, celle qui tue par intérêt sordide, pour des questions d'argent! («Nouvelles enquêtes de Maigret»). – По сути, это было дело как раз из тех, которые он любил: достойный фасад, бедные стыдливые люди, видимость целомудрия в высшей степени, когда оно уже наводит скуку. / А Мегрэ должен был это все соскоблить, рыться в углах, принюхиваться то тут, то там и, в конце концов, обнаружить под обшивкой стены, под строительными камнями, под темными одеждами, за высокомерными взглядами и нахмуренными бровями, человека-зверя, гадкого зверя, который не заслуживает прощения, который убивает ради своих гнусных интересов, из-за денег![2]

b) *Affaire* в рамках метафоры *in absentia* может соотноситься с ОХОТОЙ (*odeur* 'запах', *renifler* 'нюхать'):

---

[1] Текстовые фрагменты приводятся по полному собранию сочинений писателя: Tout Simenon. Vol. 1–25. Paris, 2003–2004.

[2] Здесь и далее подстрочный перевод цитат из романов Ж. Сименона выполнен нами.

Non pas parce qu'il la [affaire] jugeait particulièrement sensationnelle <...>

Comment dire? *C'était une de ces affaires dont l'odeur lui plaisait, qu'il aurait aimé renifler à loisir jusqu'au moment où il en serait si bien imprégné que la vérité lui apparaîtrait d'elle-même* («Maigret et l'inspecteur Malgracieux»). – Как сказать? Это было дело, запах которого ему нравился, к которому он хотел бы принюхиваться до тех пор, пока он им настолько не пропитается, что истина сама пере ним предстанет.

1.2. Enquête ('полицейское следствие')

a) *Enquête* в рамках образного сравнения может соотноситься с концептом ШКОЛА:

Veinard! *Maigret le regardait partir comme quand, en classe, l'instituteur envoyait un de ses camarades faire une course.* Il n'avait que de la besogne ordinaire, des paperasses <...> («Maigret hésite»). – Счастливец! Мегрэ провожал его взглядом, как раньше, в школе, когда учитель просил кого-нибудь из его одноклассников сходить что-нибудь купить. А его же ждала обычная работа, одни бумаги <…>.

b) *Enquête* в развернутом образном сравнении может соотноситься с концептом СЛОВЕСНОСТЬ:

Depuis des semaines, on recherchait Fernand sans avoir la certitude qu'il avait été mêlé au récents hold-up. *Cela représentait un travail presque aussi considérable que, par exemple, l'élaboration d'un dictionnaire ou même d'une encyclopédie* («Maigret et le voleur paresseux»). – Фердинанда разыскивали уже несколько недель, не зная при этом точно, участвовал ли он в недавних ограблениях. Это была почти такая же масштабная работа, как, например, составление словаря или даже энциклопедии.

c) *Enquête* в развернутой метафоре сопоставляется с облачным небом, при этом удачная мысль сравнивается с прояснением – концепт ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ:

Le cœur du Petit Docteur avait bondi. *Enfin une petite, toute petite éclaircie dans le ciel sombre de son enquête !* («Le Petit Docteur»). – Сердце Маленького Доктора подпрыгнуло от радости. Наконец-то маленькое, совсем маленькое прояснение в облачном небе его расследования!

1.3. Interrogatoire ('допрос)

a) *Interrogatoire* соотносится с неудавшейся ИГРОЙ:

Il venait de mener un des interrogatoires les plus pénibles de sa carrière. *C'était un peu comme de lancer une balle qui ne rebondit pas* («Maigret et les braves gens»). – Он только что провел один из самых тяжелых допросов. *Словно бросаешь мяч, а он не отскакивает.*

b) *Interrogatoire* в рамках образного сравнения сопоставляется также с ТЕАТРОМ:

Ce n'est pas ainsi que cela aurait dû se passer, et Bauche se sentait aussi dérouté qu'un acteur qu'on plongerait soudain dans une pièce autre que la sienne (Le temps d'Anaïs). – Всё должно было происходить совсем не так, и Бош чувствовал себя смущенным, как актер, который внезапно понял, что исполняет роль не в той пьесе.

c) В рамках развернутой метафоры *interrogatoire* может также сопоставляться с понятиями из области астрономии и математики, концепт ШКОЛА:

C'est un autre monde. Frank, au collège, n'a jamais rien compris aux mathématiques, et le mot lui a toujours paru un peu mystérieux. / *Eh bien ! ici, on fait des mathématiques. C'est un monde sans bornes, éclairé à la lumière froide, dans lequel ce ne sont pas des hommes qui s'agitent, mais des entités, des noms, des numéros, des signes, qui changent de place et de valeur chaque jour. / Le mot mathématiques n'est pas encore exact. Comment appelle-t-on l'espace où se trouvent les astres?* Il ne trouve pas le mot. Il y a des moments où il est tellement fatigué! Sans compter que ces précisions-là n'ont plus d'importance. Ce qui compte, c'est que l'on comprenne, c'est qu'il se comprenne. / *Kromer, tout un temps, a fait figure d'astre de première grandeur.* Ce que Frank appelait «tout un temps», c'est le temps de deux interrogatoires, par exemple. Et ceux-ci ne ressemblent en rien, ni en rythme, ni en durée, à celui de l'officier. / *Or, maintenant, Kromer est quasiment oublié, il erre là-haut, parmi les étoiles anonymes d'où on le retire de temps en temps – on le pêche – d'un geste indifférent, pour une ou deux questions, avant de le rejeter* («La neige était sale»). – Это был другой мир. Франк, в средней школе, никогда ничего не понимал в математике, и даже само это слово ему казалось несколько загадочным. / А здесь занимаются математикой. Это бесконечный мир, залитый холодным светом, в котором перемещаются не люди, а сущности, имена, числа, знаки, место и значение которых изменяется каждый день. / Слово «математика» опять неточно. Как называется пространство, в котором находятся звезды? Он не может вспомнить это слово. Порой он так устает! Более того, подобные уточнения совершенно неважны. Главное, это чтобы его поняли, чтобы он понял сам себя'. / *Кромер долгое время был звездой первой величины.* Под выражением «долгое время» Франк понимал, например, время между двумя допросами. И ни ритм, ни продолжительность допросов Кромера ни в чем не походили на допросы, которые проводит другой офицер. / Теперь же

Кромера почти забыли, он блуждает там, в небесах, среди безвестных звезд, откуда его время от времени извлекают – вытаскивают – безразлично, чтобы он опять задал Франку пару вопросов, а затем опять отпускают.

1.4. Aveux (‘признательные показания)

Процесс получения признательных показаний сравнивается одновременно с разматыванием мотка и выходом ленточного червя из организма человека – концепт МЕДИЦИНА:

Il existe un petit cachot bien noir, bien étroit, une sorte de placard plutôt, à l’entresol, où l’on aide les gens de cette sorte à se souvenir, et il est rare qu’après quelques heures ils ne donnent pas de grands coups dans la porte. / – Je crois que je l’ai aperçu... / – Son nom ? / –Je ne connais que son prénom: Otto. / *L’écheveau se dévidera lentement, mais il se dévidera jusqu’au bout, comme un verre solitaitre* («Les mémoires de Maigret»). – Есть темный, узкий карцер, больше похожий на шкаф, в подвале, где таким людям возвращают память, и почти все несколько часов спустя начинают громко стучать в дверь. / – Кажется, я его видел… / – Его фамилия? / – Я знаю только имя: Отто. / Моток разматывается медленно, но он размотается до конца, подобно ленточному червю.

Рассмотрев более подробно отражение в текстах Ж. Сименона процессуального дискурса, приведем для сравнения примеры реализации в этих текстах других видов юридического дискурса.

2. Непроцессуальный дискурс

Он, в частности, отражен Ж. Сименоном в описании представителей профессий, связанных с отправлением правосудия, например адвокатов.

Avocat (‘адвокат’)

При описании сцены допроса адвокат в рамках образного сравнения может сопоставляться с экзаменатором, а его посетитель – с экзаменуемым (концепт ШКОЛА):

– Asseyez-vous, monsieur Donge… / *Et Me Boniface laissait passer un silence, comme au prétoire, le meublait d’une prise de tabac dont il se barbouillait les narines, regardait Donge aussi férocement qu’un examinateur qui observe un candidat* («La vérité sur Bébé Donge»). – Садитесь, господин Донж… / И мэтр Бонифас молчал, как ранее в зале суда, в это время он вкладывал в нос табак и смотрел на Донжа так яростно, как экзаменатор смотрит на экзаменуемого.

3. Дискурс кутюмного (обычного) права

В романе «Un nouveau dans la ville» (в русском переводе «Новый человек в городе») встречается следующее сравнение:

Tout individu est présumé innocent et traité comme tel jusqu'à preuve du contraire. D'accord ! Seulement, quand on aurait enfin la preuve du contraire, il serait probablement trop tard. *Attend-on qu'un serpent morde pour le déclarer nuisible? / Au fait, les yeux de Justin – ou de Frank, ou de Frankie, il ne savait plus, maintenant, – ses yeux, quand il avait parlé du Yogo, étaient de la même froideur implacable que les yeux de serpent.* Cela ne l'avait pas frappé au moment même. Il avait seulement ressenti un malaise qu'il s'expliquait après coup. – Любое лицо считается невиновным до тех пор, пока не доказано обратное. Хорошо! Только когда, наконец, будет доказано обратное, может быть уже слишком поздно. Нужно ли ждать укуса змеи, чтобы понять, что она опасна? / На самом деле, глаза Жюстена – или Фрэнка, или Фрэнки он уже не знал точно, как его зовут на самом деле – его глаза, когда он говорил о Юго, были так же бесстрастно холодны, как и глаза змеи. Тогда он не обратил на это внимания. Он лишь почувствовал дискомфорт, которому только теперь мог найти объяснение.

Принцип максимы («каждый человек считается невиновным до тех пор, пока не доказана его виновность») предлагается применить к змее, что позволяет сопоставить правовую ситуацию с потенциальной ситуацией укуса ядовитой змеи. Глаза героя, Жюстена, описываются с помощью выражения *froideur implacable*, которое также ассоциируется с глазами змеи. В данном случае речь идет об аллегории, так как поведение животного (змеи) идет вразрез с принципом действия этой правовой максимы.

На основе анализа нашего материала можно сделать следующие основные выводы.

Юридический дискурс играет важную роль в текстах Ж. Сименона. В прозе писателя встречаются стилистические фигуры, прежде всего образные сравнения, используемые как при характеристике тех или иных ситуаций, связанных, в большинстве случаев, с уголовным процессом, так и при описании различных профессий, имеющих отношение к отправлению правосудия. Ж. Сименон использует определенный набор сравнений, сближающих различные правовые ситуации с узким кругом жизненных ситуаций.

Рассмотренный нами материал показывает, что, несмотря на широко распространенное мнение о «нейтральности» стиля Ж. Сименона, стилистические фигуры встречаются в его текстах. Набор концептов, входя-

щих в состав данных фигур, своеобразен и соответствует особенностям поэтического мира автора. Семантический и стилистический анализ этих фигур позволяет выявить особенности идиостиля Ж. Сименона и показать, с какими концептами соотносятся правовые ситуации в его идиолекте.

Список литературы:

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. М., 2002.

Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке. Вопросы филологии. М., 2001. № 1. С. 35–47. http://www.infolex.ru/Concept.html#_ftnref12.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997. 245 с. http://vocabulary.ru/dictionary/849/word/koncept.

Никишина И.Ю. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М., 2002. Вып. 21. 184 с. http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_21_01nikisina.pdf .

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М., 2004. С. 42–67. http://ec-dejavu.ru/c/Concept.html.

Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. № 11. М., 1979. С. 142–148.

Cornu G. Linguistique juridique. Paris, 2005. 443 p.

Cornu G. Vocabulaire juridique. Paris, 2007. 986 p.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. London; Chicago, 1981. 242 p.

Simenon G. Tout Simenon. V. 1–25. Paris, 2003–2004.

Trésor de la langue française. http://atilf.atilf.fr/tlf.htm.

Сведения об авторе: Савина Елена Сергеевна, канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: savinaelena2006@yandex.ru.

О.Д. Черепанова

Лингвистическое обеспечение речевых технологий: использование англо-русской практической транскрипции в системе русскоязычного синтеза «текст – речь»

Статья посвящена проблеме озвучивания англоязычных имен собственных в русскоязычной системе автоматического синтеза устной речи по письменному тексту. Для перевода таких имен в графическую или фонетическую систему записи, с которой синтезатор может работать, в настоящей работе предлагается метод англо-русской практической транскрипции, который позволяет переводить английские слова в кириллическую запись с учетом их произношения в английском языке и озвучивать их, не расширяя систему англоязычным звуковым материалом. В статье приведены результаты перцептивного эксперимента по оценке качества синтеза речи английских слов, озвученных по предлагаемым правилам транскрипции.

Ключевые слова: синтез речи по тексту, нормализация текста, практическая транскрипция, оценка, разборчивость речи, естественность речи, русский язык, английский язык

Russian texts often contain English words and word combinations. These are mostly names of companies, mass media, different brands and computer programs. As English words are written in the Latin alphabet, they must be rendered into a graphic or phonetic system that the Russian synthesizer can interpret. In our work we propose to use the English-Russian orthographic transcription in order to transform English words into the Cyrillic alphabet. This method relies on word pronunciation and allows to phonetize English words using only Russian sounds without extending the TTS-system with English phonemes or extra acoustic databases. We also describe a perceptual experiment that was carried out in order to assess the quality of English words synthesized in this way.

Key words: text-to-speech-synthesis, text normalization, orthographic transcription, evaluation, intelligibility, naturalness, Russian, English.

1. Введение. Метод практической транскрипции

В настоящее время во многих русских текстах, будь то научная или публицистическая статья, новостной сайт в сети Интернет или инструкция по эксплуатации технического прибора, встречается большое количество вставок на латинице, чаще всего англоязычных. В первую очередь это институциональные имена собственные: названия компаний и орга-

низаций, издательств, средств массовой информации, брендов, программного обеспечения. Чтобы озвучивать англоязычные словоупотребления, которые представляют собой последовательность знаков латинского алфавита, в системе автоматического русскоязычного синтеза устной речи по тексту[1], необходимо перевести эти иноязычные вставки в ту же графическую (соответственно и фонетическую) систему, которая используется для озвучивания обычного русскоязычного текста, написанного на кириллице. Для решения данной задачи нами предлагается **метод практической транскрипции**. В отличие от транслитерации, которая широко используется в ситуациях, когда через другую графическую систему требуется передать *написание* последовательности знаков определенного языка на кириллице, практическая транскрипция позволяет передать ее *звучание*, и именно это важно при озвучивании английских словоупотреблений русскоязычной системой синтеза речи по тексту. Действительно, с помощью практической транскрипции мы переводим последовательность символов графической системы *языка-источника L1* (латиницы) в последовательность символов графической системы *языка-восприемника L2* (кириллицы), озвучивание которой в языке-восприемнике ближе всего к произношению исходной последовательности в языке-источнике [Успенский, 2002]. Имея в распоряжении фонетическую транскрипцию английского слова, по предложенным в настоящей работе правилам англо-русской практической транскрипции можно получить следующие примеры обработки англоязычных вставок:

(1) *Bloomberg* [ˈbluːmbərg] – /блу+мберг/

(2) *Microsoft* [ˈmaɪkrəʊsɒft] – /ма+йкрософт/

(3) *British Airways* [ˈbrɪtɪʃ ˈeəweɪz] – /бри+тиш э+рвэйс/[2].

Система правил англо-русской практической транскрипции была разработана нами на основе работ [Ермолович, 2009], [Гиляревский, Старостин, 1985]. Полный перечень правил приведен в таблицах 1–3 в конце работы.

Нужно отметить, что изначально правила создавались указанными выше авторами для графической передачи английских имен собственных в русских текстах. В целях адаптации оригинальных правил Д.И. Ермо-

[1] Автоматический синтез речи по тексту – это «технология, позволяющая преобразовать входную текстовую информацию в звучащую речь» [Рыбин, 2014: 92].

[2] Здесь и далее практическая транскрипция выделяется с двух сторон косой чертой («/»), а знаком «+» после гласного обозначается ударение. По умолчанию ударение ставится на тот же слог, что и в фонетической транскрипции английского слова.

ловича и Р.С. Гиляревского к возможностям и требованиям русскоязычного синтеза речи мы провели несколько перцептивных экспериментов на разборчивость англоязычных словоупотреблений, озвученных русскоязычным синтезатором с использованием предложенной ими системы практической транскрипции. С учетом анализа речи телеведущих и дикторов российских новостных каналов (см. ниже раздел 2) и результатов проведенных экспериментов (см. ниже раздел 3) исходные правила были скорректированы под задачу синтеза речи и протестированы дополнительно в озвученном синтезированном варианте.

К важным преимуществам предлагаемого нами способа обработки слов на латинице относится среди прочего его *оптимальность*: вместо составления обширных словарных списков или написания дополнительного языкового модуля в системе русскоязычного синтеза мы используем сравнительно небольшой набор правил англо-русской практической транскрипции для перевода английских слов на кириллицу. Кроме того, предлагаемый метод *универсален*, то есть может быть использован в любой русскоязычной системе синтеза речи: после того, как вставка на латинице переведена в кириллическую графическую систему, она может обрабатываться на всех дальнейших этапах синтеза речи по тем же правилам, что и обычные (нормализованные) русские слова на кириллице. Однако, поскольку озвучивание англоязычных вставок на основе правил практической транскрипции осуществляется с помощью звуков русского языка (в популярных конкатенативных синтезаторах аллофонного типа), принципиально важной становится оценка качества и приемлемости такого способа озвучивания с точки зрения русскоязычных пользователей данных систем. Этой задаче посвящена основная часть настоящей работы.

2. Критерии оценки качества синтезированной речи

Существует большое количество различных подходов к оценке систем синтеза речи по тексту (например, см.: [Campbell, 2007]). Чтобы оценить качество озвучивания английских слов и словосочетаний в русскоязычной системе синтеза, вероятно, стоит обратить внимание на две основные качественные характеристики синтезированной речи: **разборчивость** (количество правильно распознанных единиц) и **естественность** (оценка близости синтезированной речи к естественной).

2.1. О разборчивости озвученных англоязычных вставок

Обычно оценка качества синтезированной речи начинается с параметра разборчивости. В этой связи нужно отметить, что около 90% англоя-

зычных вставок в русских текстах – это институциональные имена собственные и любые другие названия, обычно в той или иной степени знакомые пользователю (*The New York Times*, *Forbes*, *Apple*, *Bloomberg*). Соответственно, под разборчивостью (или распознаваемостью) синтезированного словоупотребления в проведенном нами исследовании понимается способность слушателя определить, о какой сущности идет речь, или же (в ситуациях, когда название или слово слушателю незнакомо) воспроизвести примерное написание озвученного фрагмента. Для оценки разборчивости англоязычных вставок, озвученных с помощью практической транскрипции, нами были проведено несколько целевых перцептивных экспериментов. Систематические ошибки испытуемых при восприятии определенных словоупотреблений позволили выделить ряд спорных вопросов в оригинальных правилах практической транскрипции, на которых имеет смысл остановиться подробнее, что будет сделано в разделе 3.

2.2. Естественность озвученных англоязычных вставок в русскоязычном контексте

Второй параметр качества синтеза английских словоупотреблений – **естественность –** является, на наш взгляд, более неоднозначным и субъективным. С одной стороны, метод практической транскрипции в русскоязычном синтезе, при всех его достоинствах, «обречен» на малую естественность озвученных англоязычных вставок относительно норм произносительного стандарта английского языка. С другой стороны, если понимать под естественностью «соответствие норме, эталону», то каким именно нормам должны соответствовать озвученные английские словоупотребления? Нормам произношения английского или русского языка? Можно ли вообще четко определить, как произносительные нормы русского языка распространяются на английские слова в русскоязычном контексте?

Для того чтобы изучить, как русскоговорящие дикторы произносят английские названия в русском контексте, нами был проанализирован аудио- и видеоматериал новостных сайтов и технические обзоры Интернет-магазинов. Выбор данных ресурсов объясняется тем, что произношение телеведущих и дикторов в официальных источниках информации зачастую рассматривается как некий произносительный стандарт, который влияет на распознаваемость акцентно окрашенных английских слов носителями русского языка и который, следовательно, надо учитывать при озвучивании англоязычных вставок русскоговорящим синтезатором.

Анализ материала показал, что русскоязычные дикторы имеют привычку фонетически модифицировать английские слова, заимствованные в русскую речь. Для английских звуков, отсутствующих в русском языке, подыскиваются ближайшие по звучанию звуки-замены: вместо *Twitter* [‘twɪtə] и *Forbes* [‘fɔːbz] произносятся «русифицированные» [тв’и́тър], [фо́рпс]. В окончании *–ing* на месте сочетания [ɪŋ] в британском английском произносится русское [ьнк] («консалтинг», «драйвинг» – [канса́лт’ьнк], [дра́йв’ьнк]), а в союзе *and* не происходит редукции, поэтому в названии компании *Ernst & Young* мы слышим отчетливое [э́нт] вместо английского [ən].

В результате анализа нами было выделено несколько факторов, которые влияют на степень выраженности русского произносительного акцента при озвучивании англоязычных фрагментов. Безусловно, большое значение имеет **уровень владения английским языком** говорящего. Но, как показал анализ аудиоматериала, говорящий лишь в редких случаях полностью переключается на английский язык вне зависимости от его уровня владения языком. Не менее важным фактором является **распространенность** англоязычной вставки в повседневной жизни носителей русского языка. Чем выше частотность слова, тем больше вероятность того, что оно будет озвучено диктором «по-русски». Так, в проанализированных материалах социальная сеть *Twitter* действительно произносится всегда русифицировано. То же самое можно сказать о *Bluetooth*, *Word, Amazon, Microsoft, Facebook* и многих других англоязычных вставках. Однако даже менее распространенные слова (*WhatsApp, Verge, Silencer* и др.) в проанализированном материале часто произносятся говорящими «по-русски». Еще один существенный фактор – **длина** англоязычной вставки. Целые фразы на английском языке и просто длинные словосочетания редко употребляются в русскоязычных текстах, но во всех прослушанных записях они озвучиваются диктором с английским произношением (насколько это позволяет уровень владения английским языком говорящего): *we are hunted*, *Glass Explorer Edition*; *News of the world.* Тем не менее длинные англоязычные фрагменты иногда озвучиваются русифицированно, особенно если данные словосочетания достаточно известны: *Work & Travel, Windows Phone 7, Amazon Kindle Paperwhite.*

Таким образом, если говорить о естественности синтеза речи по тексту, можно сделать вывод, что при озвучивании отдельных английских слов и не очень длинных словосочетаний вполне допустимо (а иногда

даже желательно) использовать звуковой материал русского языка. С этой точки зрения практическая транскрипция как способ передачи англоязычных вставок при синтезе речи кажется вполне оправданной.

3. Разборчивость синтезированных англоязычных вставок (экспериментальные данные)

3.1. Материал и методика эксперимента

Чтобы оценить качество синтеза англоязычных вставок по предложенным правилам практической транскрипции и проверить текущие корректировки исходных правил, был проведен перцептивный эксперимент с участием 16 русскоязычных испытуемых (с неоконченным или оконченным высшим образованием, в возрасте от 18 до 54 лет). Два участника эксперимента практически не владели английским языком, остальные же знали английский на уровне не ниже начинающего. Из русских новостных текстов было отобрано 27 англоязычных слов и словосочетаний на латинице. Практическая транскрипция, написанная вручную для всех 27 словосочетаний, была озвучена с помощью русского синтезатора «Агафья»[3]. Каждому испытуемому необходимо было прослушать 27 озвученных англоязычных словосочетаний и после каждой записи выполнить контрольное задание: выбрать правильный ответ из нескольких вариантов или самостоятельно написать услышанное слово / словосочетание.

3.2. Результаты эксперимента

Для каждого из 27 словосочетаний был подсчитан процент его распознаваемости испытуемыми. Если определять разборчивость озвученных англоязычных вставок как относительное количество испытуемых, успешно их распознавших, то с помощью правил англо-русской практической транскрипции, использованных в настоящем исследовании, достигается средний уровень разборчивости 86,6%.

Отметим еще раз, что значительная часть озвученных словосочетаний – имена собственные, в той или иной степени знакомые носителям русского языка. Как и следовало ожидать, названия известных компаний (*Dream Works, Adidas Global*), компьютерных программ и сервисов сети Интернет (*Microsoft Word, WebMoney*), спортивных команд (*Manchester United*) испытуемые успешно распознали. Тем не менее, среди идентифицированных в 100% случаев словосочетаний оказались и явно менее распространенные *Market Watch* и *Drag and Drop*, в то время как попу-

[3] Разработан речевой группой ОТиПЛ МГУ [Кривнова, 1998], [Бабкин, Захаров, 1999].

лярная социальная сеть *Twitter* была распознана лишь каждым третьим испытуемым. Как видно из вышеприведенных примеров, известность названия не влияет напрямую на его распознаваемость.

Систематические ошибки испытуемых позволили выделить следующие спорные вопросы в использованных правилах англо-русской практической транскрипции:

1. Место словесного ударения. Целый ряд английских слов был заимствован в русский язык со смещением ударения на последний (или предпоследний) слог. Речь идет о таких словах, как *email, Facebook, Android, YouTube, Manchester* и многих других. Оказалось, что озвучивание подобных вставок с ударением «по-английски» понижает их распознаваемость[4]:

(4) *Email* [ˈiːmeɪl] /и+мейл/ – *распознаваемость 45%*
/имэ+йл/ – *96%*

(5) *Facebook* [‘feɪsbʊk] /фе+йсбук/ – *67%.*
/фэйсбу+к/ – *78%.*

2. Фонема [w]. Гиляревский и Старостин предлагают передавать фонему [w] через /в/ перед буквой «у» и через /у/ во всех остальных случаях (*woods* – /вудс/, *windows* - /уи+ндоус/). В связи с систематическими ошибками испытуемых в таких словах как *Twitter* («тулитер», «tuiter»), *Windows* («уинданс»), *Paperwhite* («paperlight») данную фонему мы предлагаем передавать только через /в/. Откорректированные правила транскрипции позволили улучшить разборчивость синтезированных слов, содержащих звук [w]: *Microsoft Word* /ма+йкрософт **в**орд/, *Market Watch* /ма+ркет вотч/ и *Web Money* /**в**эб ма+ни/ были успешно распознаны в 100% случаев, *Black and White* /блэк энд **в**а+йт/ - в 97%, *swift* /с**в**ифт/– почти в 85%.

3. Суффиксы *-er* и *-ed*. Изначально по правилам Д.Е. Ермоловича фонема [ə] передавалась транслитерацией (*Twitt**er*** [‘twɪtə] – /тви+т**ер**/, *Am**a**z**o**n* [ˈæməzən] – /э+м**а**з**о**н/, *Russ**ia**n* [ˈrʌʃən] – /ра+ш**иа**н/). Но в таких словах, как *Twitter* или *partner* [ˈpɑːtnə] /па+ртн**ер**/, участники перцептивного эксперимента допускали большое количество ошибок. Так, при озвучивании синтезатором практической транскрипции /па+ртн**ер**/ зубной [т] перед мягким [н’] по правилам ассимиляции смягчался ([па́р**т’н’**ер]), что привело к таким ответам испытуемых, как «партиз», «partes», «parties», «partiers», «partirs», «parteers». Как показал анализ русской речи

[4] Следует отметить, что распознаваемость примеров (4) и (5), скорее всего, повысилась также из-за более удачной транскрипции дифтонга [eɪ] как /эй/.

дикторов (см. выше), телеведущие при произнесении англоязычных вставок часто смягчают согласные так же, как и в русском языке: *Christies* – [к**р'и́с'т'**ьс]; *Acoustic* – [ъку́**с'т'**ьк]. Однако есть ряд суффиксов, перед которыми (или в которых) смягчения обычно не происходит. Сюда относятся суффиксы *-er* (*Warn**er** Broth**er**s*, *partn**er**s*), *-ed* (*associat**ed**, limit**ed***), *-ment* (*entertain**ment***). В связи с этим по откорректированным нами правилам практической транскрипции суффиксы *-er*, *-ed*, *-ment* транскрибируются как /эр/, /эд/, /мэнт/ соответственно.

4. Транскрипция фонем [ð] и [θ]. Передача английского [θ] через /с/ в *BBC Earth* [bi: bi: si: з:θ] /би би си эрс/ привела к низкому уровню различимости вставки (31%): многие участники эксперимента услышали вместо *earth* слово *ears*. Учитывая, что состав согласных звуков в русском и английском языках не позволяет установить однозначного соответствия между ними, подобных трудностей при практической транскрипции англоязычных вставок на кириллицу избежать нельзя. При передаче фонем [ð] и [θ] приходится так или иначе выбирать между русскими согласными [д], [т] (по Р.С. Гиляревскому), [з] и [с] [Мещеряков и др., 2011] или [в], [ф] [Potapov, 2003], с помощью которых также транскрибируются английские [d], [t], [z], [s], [v], [f]. Анализ речи русских дикторов говорит в пользу передачи фонем [ð] и [θ] через /з/ и /с/, об этом же свидетельствует и уже укоренившаяся в русском языке форма «блютуз» для английского *Bluetooth.* В откорректированных правилах англо-русской практической транскрипции мы остановились именно на этом варианте передачи фонем [ð] и [θ].

Полный перечень правил англо-русской практической транскрипции с учетом внесенных изменений представлен в таблицах 1–3. Структура правил практической транскрипции взята из работы Д.И. Ермоловича [Ермолович, 2009: 52–55]. Внесенные в правила изменения и дополнения выделены заливкой.

Таблица 1. Правила англо-русской практической транскрипции (ПТ) для гласных фонем

Англ. фонема	**Примечание**	**ПТ**	**Примеры**
ʌ		**а**	*sun* [sʌn] – /с**а**н/ *honey* [hʌnɪ] – /х**а**+ни/
æ	основной вариант	**э**	*capital* [ˈkæpɪtəl] – /к**э**+питал/
	после /ж/, /ч/, /ш/	**е**	*Jackson* [ˈʤæksən] – /дж**е**ксон/
aɪ		**ай**	*light* [laɪt] – /л**ай**т/

Англ. фонема	Примечание	ПТ	Примеры
aɪə		**айр**	*wire* [ˈwaɪə] – /в**айр**/
aʊ		**ау**	*now* [n**aʊ**] – /н**а+у**/
aʊə	основной вариант	**ауэ**	*trowel* [ˈtr**aʊə**l] – /тр**а+уэ**ль/
	если обозначается сочетанием с буквой **r**	**ауэр**	*tower* [ˈt**aʊə**] – /т**а+уэр**/
ɑ:	основной вариант	**а**	*castle* [ˈk**ɑ**:sl] – к**а**сл
	если обозначается сочетанием с буквой **l**	**ал**	*palm* [p**ɑ**:m] – /п**ал**м/
	если обозначается сочетанием с буквой **r**	**ар**	*car* [k**ɑ**:] – /к**ар**/
ə	передается транслитерацией; при наличии буквы **r** последняя записывается как **р**		*Amazon* [ˈæm**ə**zən] – /э+м**а**зон/ *Russian* [ˈrʌʃən] – /ра+ш**иа**н/ *partner* [ˈpɑ:tn**ə**] – /па+ртн**ер**/
	в некоторых морфемах — см. раздел (в)		
əʊ	основной вариант	**оу**	*motor* [ˈm**əʊ**tə] – /м**о+у**тор/
	без ударения, если обозначается буквой **о** в конце слова или перед слоговой гласной	**о**	*Delano* [dɪˈlan**əʊ**] – /дила+н**о**/ *Roanoke* [ˈr**əʊ**ə¸n**əʊ**k] – /р**о+**аноук/
ɛ	в начале слова; после гласной	**э**	***e**mpire* [ˈ**ɛ**mpaɪər] – /**э**мпайр/
	после согласной	**е**	*special* [ˈspɛʃəl] – /сп**е**шл/
eɪ		**эй**	*aim* [**eɪ**m] – /**эй**м/ *mail* [m**eɪ**l] – /м**эй**л/
eə		**эр**	*airways* [ˈ**eə**weɪz] – / **э+р**вэйс/
ɜ:	в начале слова; после гласной	**эр**	*earth* [**ɜ**:θ] – /**эр**с/
	после согласной	**ер**	*Percy* [ˈpɜ:si] – /п**ер**си/
	если обозначается сочетанием **our**, **or**	**ор**	***jour**nal* [ˈd**ʒɜ**:nl] – /дж**о+р**нал/ *w**ork*** [w**ɜ**:k] – /в**ор**к/
ɪ		**и**	*British* [ˈbr**ɪtɪ**ʃ] – /бр**ити**ш/ *event* [**ɪ**ˈvɛnt] – /**и**вент/
i:		**и**	*st**eel*** [st**i:**l] – /ст**и**л/
ɪə	основной вариант	**иа**	*ideal* [aɪˈd**ɪə**l] – /айд**и+а**л/
	если обозначается сочетанием с буквой **r**	**ир**	***Geer*** [g**ɪə**] – /г**ир**/
ɒ		**о**	*lock* [l**ɒ**k] - /л**о**к/

Англ. фонема	Примечание	ПТ	Примеры
ɔ:	основной вариант	**о**	*Fawkes* [fɔ:ks] – /ф**о**кс/ *Albany* [ˈɔ:lbəni] – /**о**+лбани/
	если обозначается сочетанием с буквой **r**	**ор**	*Gore* [gɔ:] – /г**ор**/ *Norton* [ˈnɔ:tən] – /н**о**+**р**тон/
ɔɪ		**ой**	*oil* [**ɔɪ**l] – /**ой**л/
ʊ		**у**	*book* [bʊk] – /б**у**к/
u:		**у**	*tool* [t**u:**l] – /т**у**л/
uə		**ур**	tour [t**uə**] – /т**ур**/

Таблица 2. Правила англо-русской практической транскрипции (ПТ) согласных фонем

Англ. фонема	ПТ	Англ. фонема	ПТ	Англ. фонема	ПТ	Англ. фонема	ПТ
b	б	d	д	ŋk	нк	h	х
p	п	t	т	g	г	dʒ	дж
f	ф	**ð**	**з**[5]	k	к	ʧ	ч
v	в	**θ**	**с**[6]	l	л	ʒ	ж
m	м	n	н	r	р	ʃ	ш
		ŋ	нг	s	с		

Таблица 3. Правила англо-русской практической транскрипции (ПТ) согласных фонем /j/, /w/, /z/

Англ. фонема	Примечание	ПТ	Примеры	
j	основной вариант	**й**	*York* [**j**ɔ:k]	/**й**орк/
	вместо сочетания ***йа**	**я**	*Young* [**j**ʌŋ]	/**я**нг/
	то же, после согласной	**ья**	*Trevelyan* [trəˈvɛl**j**ən]	/треве+л**ья**н/
	вместо сочетания ***йу**	**ю**	*eugenics* [**j**u:ˈdʒɛnɪks]	/**ю**дже+никс/
	то же, после согласной	**ью**	*new* [nju:]	/н**ью**/
w		**в**	*Windows* [ˈ**w**ɪndəʊz]	/**в**индоус/
z	основной вариант	**з**	*easy* [ˈi:**z**i]	/и+**з**и/
	допустимый вариант в конце слова, если обозначается буквой ***s***	**с**	*woods* [wʊd**z**]	/вуд**с**/

[5] *Bluetooth* – /блуту+**с**/, *Google Earth* – /гугл эр**с**/

[6] *Brothers* – /бра+**з**эрс/

4. Заключение

В настоящей работе рассматривается одна из задач нормализации текста в рамках русскоязычного синтеза речи по тексту – обработка англоязычных слов и словосочетаний на латинице. Основными преимуществами метода практической транскрипции, предлагаемого в настоящей работе, являются его доступность и универсальность. Данный метод позволяет озвучивать английские слова и словосочетания на латинице в русскоязычной системе синтеза без дополнения синтезатора отдельным модулем для английского языка, как это делается, например, в синтезаторах-полиглотах polySVOX. В последнем случае для добавления звуковых единиц английского языка в звуковую библиотеку русскоязычного синтезатора приходится либо использовать два разных голоса для разных языков, либо искать для записи материала донора-билингва. Универсальность метода практической танскрипции заключается в том, что на выходе блока нормализации текста формируются «нормализованные» слова на *кириллице*, которые на всех дальнейших этапах синтеза обрабатываются программой по тем же правилам, что и обычные слова русского языка. Благодаря этому одни и те же правила практической транскрипции можно включить в любую русскоязычную систему синтеза речи по тексту, независимо от прочих правил фонетизации текста, которые в ней используются.

Как показывают результаты анализа речи телеведущих, носители русского языка привыкли озвучивать и воспринимать на слух английские слова в их русифицированной форме. Таким образом, озвучивание английских слов с помощью звукового материала русского языка, подобранного по правилам англо-русской практической транскрипции, может повысить не только разборчивость, но и естественность синтезируемой русской речи.

Список литературы

Бабкин А.В., Захаров Л.М. Оценка качества системы синтеза речи, разработанного в МГУ // Труды Межд. семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям «Диалог'99». М., 1999.

Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник. 3-е изд. М., 1985.

Ермолович Д.И. Методика межъязыковой передачи имен собственных. М., 2009.

Кривнова О.Ф. Автоматический синтез русской речи по произвольному тексту (вторая версия с женским голосом) // Труды Межд. семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям «Диалог'98». М., 1998.

Мещеряков Р.В., Тиунов С.Д., Лирмак Ю.М., Шевкунова А.Е. Речевые технологии в задаче обучения студентов-носителей русского языка произношению на иностранном языке. // Анализ разговорной русской речи (АРЗ–2011): Труды пятого междисциплинарного семинара. СПб., 2011.

Рыбин С.В. Синтез речи: Учеб. пособие по дисциплине «Синтез речи». СПб., 2014.

Успенский В.А. Труды по нематематике. М., 2002.

Campbell N. Evaluation of speech synthesis: From Reading Machines to Talking Machines // L. Dybkjoer et al. Evaluation of Text and Speech Systems. Springer Verlag, 2007.

Potapov V. The American English Interference in Russian on the Segmental Level // Proc. of the Intern. workshop «Speech and computer» (SPECOM'2003). Moscow, 2003.

Сведения об авторе: Черепанова Ольга Дмитриевна, аспирантка кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: cherepanova.od@gmail.com.

Янь Юй

Особенности сложения сокращенных заимствованных основ в русском языке рубежа XX–XXI вв.

В статье обсуждаются вопросы словообразовательной структуры включенных в словари неологизмов русского языка заимствованных производных сложносокращенных слов типа *Европол, Википедия* и т. п. Обсуждается вопрос о применимости к данным словам критерия производности слова, который был сформулирован Г.О. Винокуром, установлены продуктивные и непродуктивные типы сложносокращенных слов, выявленные на анализируемой в данном исследовании сплошной выборке словарного материала.

Ключевые слова: словообразовательная структура заимствований, критерий производности слова по Г.О. Винокуру, аббревиация, типы заимствованных сложносокращенных заимствованных неологизмов.

The article deals with the word formation structure of the borrowed derivatives of complex words like *Europol, Wikipedia*, included in the Russian language neologisms dictionaries. The question of the applicability to such words of the criterion of production, formulated by G.O. Vinokur, is discussed; productive and unproductive types of complex words, revealed on the continuous sample of vocabulary material analyzed in this study, are established.

Key words: word formation structure of borrowings, the criterion of word production by G.O. Vinokur, abbreviation, types of borrowed complexity-reduced borrowed neologisms.

1. Постановка проблемы

В словообразовательной системе современного русского языка реализуются разнообразные способы аффиксальной и неаффиксальной деривации [Русская грамматика, 1980/2005[1]: 138-139], 138–139], [Земская, 1981/2002: 364–373], [Улуханов, 1996: 25–100]. Многие из этих способов (например, суффиксация или префиксально-суффиксальный способ) отмечались еще в древнерусских текстах: *супругъ* → *супруж**ица*** [Азарх, 1984: 23], *законъ* → ***без**(з)акон**ьн**ыи* [Азарх, 1984: 22] и т. п. Традиционные для русской словообразовательной системы способы аффиксального словообразования сохраняют свою актуальность и в наши дни (ср. при-

[1] В текстовых ссылках с двойным указанием года издания сначала обозначена первая публикация исследования, а затем год его переиздания, к которому идут отсылки в нашей статье.

меры из «Толкового словаря русского языка начала XXI века: Актуальная лексика» [ТСА][2]: разг., *бизнесмен**ш**а, ленив**к**а* ‘пульт дистанционного управления (обычно телевизионный)’, ***внутри**корпоратив**н**ый*, и т.п. Однако одним из наиболее активно развивающихся способов современного русского словообразования, по мнению многих дериватологов ([Земская, 1992/2007], [Гудилова, 2005], [Петрухина, 2010], является **сложение компонентов производящей базы**. Объектом деривационной операции сложения обычно являются производящие основы (*красный + коричневый → красно-коричневый* [ТСА: 510]), реже словоформы производящих лексем (причаст. *содержащий* + вин.п. *хлор → хлорсодержащий* [СНС: 833]) или же целые лексемы (*женщина-бодигард* – http://www.segodnya.ua/regions/lvov/zhenshchina-bodigard.html).

В данной статье будет рассмотрено, как отражаются на уровне словообразования «бурные и вихреобразные», по выражению Г.Н. Скляревской, языковые процессы, связанные с глобализацией, которая является причиной появления «потоков иностранных заимствований» в русской лексической системе [ТСА: 5]. Цель статьи заключается в установлении продуктивных в настоящее время деривационных классов заимствованных сложносокращенных слов.

Объектом нашего рассмотрения являются актуальные для русской речи рубежа XX–XXI вв. заимствованные производные цельнооформленные слова типа *Европол* ‘полицейская служба Европейского союза’ [Шагалова, 2010: 240], *гуглофон* ‘смартфон на базе операционной системы Андроид, разработанный корпорацией Google’ [Шагалова, 2012б: 169] и т. п. Эти слова интересны и сами по себе как актуальные неологизмы последних лет, требующие лингвистического изучения и осмысления, и как отправная точка для обсуждения более общей проблемы включения заимствованных слов в словообразовательную систему русского языка.

Изучение словообразовательных процессов (в том числе и связанных со сложносокращенными дериватами) на конкретных языковых «хронологических срезах» имеет давнюю традицию. Так, например, в коллективной монографии [Русский язык, 1968: 66–99] было рассмотрено становление и развитие аббревиации в течение первой половины XX в. Е.В. Клобуковым и С.В. Гудиловой были выявлены продуктивные типы аббревиации на основании изучения неологизмов второй половины XX в. (1950–1980-е гг.) [Клобуков, Гудилова, 2005: 17–34], [Гудилова, 2005]. Е.А. Земская проанализировала реализацию разных способов словообра-

[2] Перечень использованных нами словарей см. в конце статьи.

зования, в том числе и аббревиации, в конце XX в. – сначала по данным неологизмов, вошедших в русский язык в течение одного (1981-го) года [Земская, 1992/2007: 50–58], а затем на основании всестороннего изучения языка перестройки и постперестроечного периода (1985–1995 гг.) [Земская, 1996: 120–124], см. также [Шадыко, 2000]. Результаты указанных исследований учитываются нами при характеристике особенностей образования и функционирования аббревиатур на рубеже XX–XXI вв.

Языковой материал для нашего исследования взят из словарей новой русской лексики [ТСА], [Шаталова, 2010], [Шаталова, 2012а], [Шаталова, 2012б].

2. Аббревиация и смежные деривационные явления

Сложение сокращенных основ реализуется прежде всего в аббревиации (сложносокращенном способе словообразования[3]) [Земская, 1981/2002: 370–373], [Русская грамматика, 1980/2005, I: 254–255], [Клобуков, 2009: 370].

Аббревиация представляет собой один из новых способов словообразования, получивший распространение лишь после революции 1917 г. [Земская, 1981/2002: 372]. Как писал М.В. Панов, «создание нового словообразовательного способа – явление в истории языка исключительно редкое. Но именно это редчайшее нововведение связано с развитием русского литературного языка революционных лет. Аббревиация из технического приема, скромно и безвестно существовавшего на окраинах литературной речи, превратилась в активнейший словообразовательный способ. Путь немалый: от малоупотребительного средства укоротить текст, чтобы меньше платить за телеграмму, до мощного способа образовывать слова нового революционного мира» [Русский язык, 1968: 66].

Этот способ представлен в современном русском литературном языке аббревиатурами разных типов: буквенными (*МГУ*), звуковыми, или фонемными (*РАН*), слоговыми (*профком*) и т.п. В описаниях системы узуального словообразования современного русского языка отмечается разное количество видов аббревиации – от шести [Русская грамматика, 1980/2005, I: 254], [Земская, 1981/2002: 371–372] до восьми [Клобуков, 2009: 370]. В монографии [Улуханов, 1996] рассмотрен также ряд до-

[3] Вслед за Е.А. Земской и другими учеными термины «аббревиация» и «сложносокращенный способ словообразования» используются нами как синонимы (соответственно как синонимы в статье употребляются термины «аббревиатура» и «сложносокращенное слово»).

полнительных способов сложения сокращенных основ, характерных для окказионального словообразования.

Кроме чистой аббревиации, выявлены также переходные случаи между аббревиацией и сложением, ср.: *бортмеханик* (такие дериваты можно рассматривать и как чистое сложение *борт+механик*, и как аббревиатуру: *борт~~овой~~* + *механик*); *технорук* (дериват представляет собой аббревиатуру: *техн~~ический~~* + *рук~~оводитель~~*, однако имеет в своей структуре интерфикс *-о-*, который обычно встречается при сложении «чистых», т. е. несокращенных, основ, а не сложносокращенных слов) и некот. др. [Русская грамматика, 1980/2005, I: 255].

Как будет показано ниже, в новой русской лексике заимствованного происхождения представлено несколько видов сложения сокращенных основ.

3. *Проблема производности заимствованных слов*

Является ли производным с точки зрения словообразовательной системы русского языка слово *гуглофон,* имеющее явно осознаваемые всеми говорящими по-русски признаки заимствованного слова?

Л.П. Крысин в статье «Словообразование или заимствование?» уже в самом заглавии своей публикации жестко противопоставляет заимствование и словообразовательную производность. По мнению известного лексиколога, если слово вошло в русский язык в результате заимствования, оно не может считаться производным словом русского языка. Так, неверно было бы, как пишет Л.П. Крысин, рассматривать существительное *кандидатура* в качестве суффиксального производного от слова *кандидат*, так как это слово – «результат заимствования французского (а в истоке – латинского) слова *candidature*» [Крысин, 1998: 196]. Аналогичное решение принимается Л.П. Крысиным по поводу многих других заимствованных слов русского языка, например *атомарный*, *социолингвистика* и др. [Крысин, 1998: 196–201].

Отказывая словам типа *кандидатура* в производности, во вхождении их в словообразовательную систему русского языка, Л.П. Крысин ссылается на мнение другого авторитетного лингвиста – В.Г. Гака: «Отличить свое от чужого в наши дни подчас очень трудно, так как латинские и греческие корни и морфемы стали источником формирования терминологии для всех европейских языков. По внешней форме невозможно определить, был ли данный термин заимствован или самостоятельно создан из греко-латинских элементов в данной стране. Для этого надо знать историю вещей» [Гак, 1977: 53–54].

Таким образом, если ставить вопрос о происхождении слова (т. е. его этимологии), то любое заимствованное слово четко противопоставлено всем словам, появившимся в русском языке в результате словообразования.

Однако термины «заимствование» и «словообразование» могут быть соотнесены в рамках не только исторической лексикологии, но и в синхроническом языкознании. Специалисты по современному русскому словообразованию вслед за Г.О. Винокуром стремятся различать историю слов (и стоящую за ней «историю вещей»), являющуюся предметом этимологического анализа, и существующие в **настоящее** время формально-семантические отношения между словами, которые и являются объектом словообразовательного анализа [Винокур, 1946/1959], [Панов, 1970/2007], [Шанский, 1968: 74], [Земская, 1981/2002: 286–291], [Милославский, 1999], [Клобуков, 2009]. Требование четко различать историю (этимологию) слова и его место в синхронной системе словообразования – одна из аксиом современной дериватологии.

Мы будем исходить из того, что основанием для исключения слова из числа русских дериватов является не его заимствованное происхождение, а восприятие говорящими слова как немотивированного словесного знака. Производное слово – это всегда вторичный знак, форма и семантика которого может быть соотнесена с формой и семантикой более простого (производящего, мотивирующего) словесного знака (ср.: *настольный* ← *стол* [Винокур, 1946/1959: 421]). Как писал Г.О. Винокур, «значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы» [Винокур, 1946/1959: 421].

Критерий производности слова по Винокуру (далее: критерий Винокура) в настоящее время является основополагающим положением теории русского словообразования. Не случайно поэтому, что практически все слова, приведенные в статье Л.П. Крысина в качестве заимствованных, а не образованных в русском языке, относятся специалистами по словообразованию современного русского языка к числу дериватов. Так, слово *кандидатура* занимает свое место, как показывает В.В. Лопатин, в словообразовательном типе отсубстантивных существительных с суффиксом *-ур(а)* [Русская грамматика, 1980/2005, 1: 195]; такого же мнения придерживается и А.Н. Тихонов, считающего это слово одним из дериватов в составе словообразовательного гнезда с вершиной *кандидат* [Тихонов, 2003, 1: 416]. Прилагательное *атомарный* рассматривается как производное от *атом* в «Словаре словообразовательных аффиксов

современного русского языка» [Лопатин, Улуханов, 2016: 523]. Производным от слова *лингвистика* считается заимствованное из английского языка существительное *социолингвистика* [Тихонов 2003, 1: 546]. История появления всех подобных слов не сказывается на осознании его как части словообразовательной системы современного русского языка.

И мы, анализируя формально-смысловые отношения между заимствованными словами, в своих рассуждениях будем исходить из критерия Винокура. Если в русском языке есть слово (неважно, исконно русским или заимствованным является это слово), благодаря которому может быть объяснена семантика другого, более сложного по форме однокоренного слова, то это второе слово (мотивированный знак по Винокуру) не может не считаться производным.

В чем, например, принципиальное отличие с точки зрения синхронного русского словообразования явно заимствованного неологизма *гуглофон* как от других неологизмов-заимствований *смартфон* и *айфон,* так и от давно ставшего привычным в русском языке заимствования *телефон?*

Смартфон – ‘портативное многофункциональное устройство, представляющее собой гибрид сотового телефона и карманного компьютера’ [Шагалова, 2012б: 276], [ТСА: 927], ср. иллюстративный пример из указанного словаря Е.Н. Шагаловой: Т*ест «умных» телефонов (смартфонов, наделенных компьютерными функциями) …мы провели впервые* (Ъ-Деньги. 18.04.2005). Слово заимствовано из английского языка, ср. бесспорно производное сложносокращенное английское слово-прототип *smartphone* (← *smart* ‘умный’ + ~~*tele*~~*phone*).

Что касается русского языка, то здесь вопрос о производности заимствования *смартфон* не может быть решен так же просто. Очевидна лишь мотивация данного заимствования давно «обрусевшим» словом *телефон* (основа которого представлена в слове *смарт**фон*** с сокращением начальной части: ~~*теле*~~***фон***). Однако в русском языке нет существующего в виде самостоятельного слова заимствования **смарт* как еще одного производящего компонента для слова *смартфон*. *Смарт-* присутствует в русском языке лишь в связанном виде – в качестве начального компонента ряда заимствований. Кроме существительного *смартфон*, словари указывают в этом ряду также слова *смартбук* ‘небольшой ноутбук с наличием связи 3G’, *смарт-карта* ‘пластиковая карта со встроенной микросхемой, которая позволяет хранить информацию, а также контролировать возможность ее изменения’ [Шагалова, 2012а: 276], [ТСА: 926], *смарт-ридер* ‘устройство, считывающее информацию со смар-

ткарт' [Шагалова 2010: 658], *смарт-моббер* – то же, что *флешмобер / флешмоббер* 'человек, встречающийся с другими людьми в назначенное по смартфону время в определенном месте для однократного выполнения вместе каких-л. бессмысленных, но безвредных действий с целью снятия напряжения, эмоцииональной разрядки' [ТСА: 926–927, 1032] и *смартмоб,* обозначающее то же, что и *флешмоб* ('акция флешмобберов' [ТСА: 926, 1031–1032]).

Отсутствие в русском языке наряду со словом *смартфон* мотивирующего его по форме и значению слова **смарт* при строгом применении к слову *смартфон* критерия Винокура вынуждает признать это слово членимым, но непроизводным. С.В. Гудилова называет подобные слова квазикомпозитами [Гудилова, 2005: 3]. Только при смягчении критерия Винокура, когда мотивирующими основами для сложных слов могут считаться не только свободные, но и связанные основы типа *агро-* (*агротехника*), *макро-* (*макроэкономика*), *-бус* (*автобус*), *-кар* (*автокар*) и т. п. [Русская грамматика, 1980/2005, 1: 761–762], слова типа *смартфон* могут быть включены в число сложных слов. Но для этого нужно включить сегмент *смарт-* в перечень «повторяющихся компонентов сложений, сращений, аббревиатур, предшествующих опорному компоненту», что пока академической «Русской грамматикой» не было сделано по причине новизны этого компонента.

Заимствование *айфон* (русский графический вариант: *ай-фон*) служит для обозначения торговой марки популярного мультимедийного смартфона, производимого корпорацией Apple, а также смартфона этой марки [Шагалова, 2012б: 41].

Словообразовательная мотивированность второго компонента (*-фон*) этого неологизма сокращенной основой слова *смартфон* очевидна. Между тем в ходе предварительной презентации данного смартфона на конференции Macworld Expo iPhone 9 января 2007 г. руководитель корпорации Стив Джобс сообщил, что оригинальное название гаджета *iPhone* образовано от английского *phone* 'телефон'. Эта информация не представляется нам убедительной с точки зрения словообразования, так как *айфон* – все-таки не просто телефон, а именно смартфон (об отличиях обычного телефона от смартфона см. выше).

Что касается начального компонента *i-,* то здесь много загадок, связанных, как кажется с маркетинговой стратегией создателей нового смартфона. С. Джобс заявил, что *i-* представляет собой сокращение от *Internet,* однако многозначительно добавил, что «эта буква означает для нас и дру-

гие вещи», показав при этом слайд с притягательными для пользователей смартфонов словами *individual* ‘личный’, *instruct* ‘обучать’, *inform* ‘информировать’, *inspire* ‘вдохновлять’[4] (https://ru.wikipedia.org/wiki/IPhone).

Интригующий как покупателей смартфонов, так и дериватологов компонент *i-* (в русской графике: *ай-*) с неясным семантическим содержанием представлен в названиях и других гаджетов корпорации Apple, ср. русские заимствования *айпад / айпэд* (марка планшетных компьютеров) и *айпод / ай-под* (марка портативных медиаплееров) [Шагалова, 2012а: 22–23]. Это в принципе дает возможность выделить в названиях трех рассмотренных выше изделий корпорации Apple связанную начальную основу *ай-*, хотя невозможность ее точной семантизации ослабляет позиции тех, кто хотел бы признать заимствование айфон бесспорно производным.

Если выйти за рамки рассматриваемого в данной статье класса заимствований рубежа XX–XXI вв., то можно сказать, что под углом зрения критерия словообразовательной производности по Винокуру еще меньше оснований для включения в число производных слов такого русского слова, как *телефон*. Ни одна из частей этого слова не мотивируется основами свободных слов. Поэтому основа слова *телефон* обычно считается членимой [Тихонов, 2004: 569], но непроизводной [Тихонов, 2003, 2: 217]. Чтобы признать слово *телефон* производным, нужно еще более радикально отойти от критерия Винокура и допустить, что оба мотивирующих компонента сложного слова могут быть связанными (см. подробнее [Русская грамматика, 1980/2005, I: 243–244]).

Вернемся теперь от заимствованных слов с сомнительной производностью к бесспорно производному заимствованию *гуглофон*. Даже при самом жестком соблюдении критерия Винокура это слово должно быть признано производным с точки зрения русского языка. Первой части данного слова соответствует широко используемое в современной русской речи заимствование *Гугл* ‘американская корпорация, специализируется на поиске информации в Интернете, а также крупнейшая поисковая

[4] Не следует исключать возможность включения в оглашенный Стивом Джобсом список слов-ассоциатов к *iPhone* также существительного *idoser* / *I-Doser* (ср. русское заимствование *айдозер*), служащее для обозначения «аудионаркотика» – «аудиофайла, содержащего звуки, определенным образом воздействующие на работу мозга и вызывающего эффект, аналогичный действию наркотиков» [Шагалова, 2012а: 22]. Возможно, создание реально наблюдаемой сейчас «наркозависимости» владельцев айфона от своего гаджета входила в задачи его создателей.

система, разработанная этой компанией’, см. [http://dic.academic.ru/]; ср. также [Шагалова, 2012а: 92]. Вторая часть слова *гуглофон* мотивируется сокращенной основой слова *смартфон*:

гугло**фон* ← ***Гугл + ~~*смарт*~~***фон***

Обратим внимание также на то, что при образовании слова *гуглофон* был использован интерфикс *-о-*, широко используемый в русском «чистом» сложении основ (*лесопарк*, *смехотерапия* и пр.; о возможности появления интерфиксов в аббревиатурах см.: [Русская грамматика, 1980/2005, 1: 255]). Любопытно сравнить русское заимствование *гуглофон* с исходным английским словосложением *Google phone* [Шаталова, 2012а: 93] – без интерфикса, с раздельно пишущимися компонентами.

Итак, слова с явными признаками заимствований, если следовать критерию Винокура, могут быть отнесены к числу производных слов русского языка и рассматриваться как часть русской словообразовательной системы. Именно этот принцип анализа языкового материала проводится нами при изучении заимствований рубежа XX–XXI вв., которые имеют все основания быть включенными в одну из деривационных подсистем русского языка – класс сложных слов с сокращенными основами.

4. *Словообразовательная характеристика сложносокращенных заимствований рубежа* XX–XXI в*в.*

Собранная нами картотека современных производных заимствований позволяет сделать вывод о том, что заимствованная в течение последних двух – трех десятилетий сложносокращенная лексика может быть распределена по четырем деривационным подклассам. При этом не все из этих подклассов ранее считались характерными для узуальной лексики.

4.1. Наиболее широко в числе примеров сложений с сокращенными основами, собранных нами методом сплошной выборки из словарей [Шагалова, 3010], [Шагалова 2012 а, б], представлены дериваты, которые «состоят из начальной части первого слова и целого второго слова» [Земская, 1981/2002: 371]. Этот деривационный подкласс можно проиллюстрировать словами типа *гумпомощь* (← *гум~~анитарная~~ помощь*; пример Е.А. Земской).

Нужно сказать, что двукомпонентость, заявленная в приведенном выше определении данного подкласса аббревиатур, на наш взгляд, в принципе вовсе не является их отличительной чертой. Об этом свидетельствуют примеры с несколькими начальными компонентами, приводимые и в указанной работе Е.А. Земской (*госналогслужба* ← *госуд~~ар-~~*

~~ственная~~ налоговая служба), и в академической «Русской грамматике» (*гострудсберкасса ← государственная трудовая сберегательная касса*) [Русская грамматика, 1980/2005, I: 254]. Однако нужно признать, что именно двухкомпонентные аббревиатуры данного подкласса образуются наиболее часто. Не случайно все обнаруженные нами дериваты данного типа являются двучленными. Рассмотрим словообразовательные особенности примеров заимствованных сложных слов, которые строятся по схеме «сокращенная начальная и полной конечная основа».

В толковых словарях, отражающих состояние русского языка рубежа XX–XXI вв., представлено несколько десятков сложных слов, включающих сравнительно новый для русского словообразования, не отмечаемый в Академической грамматике 1980/2005 [Русская грамматика, 1980/2005: 762] сокращенный начальный компонент ***евро-***. Этот регулярный деривационный компонент восходит к интернационализму *euro-,* сокр. от *Europe* или же от относительных прилагательных типа англ. *European*, а в русском языке он воспринимается как сокращение от производящего прилагательного европейский, ср. *евроремонт ← евро~~пейский~~ ремонт* (‘благоустройство жилища в соответствии с требованиями, нормами, принятыми в современной международной практике’ [ТСА: 337]). Отсутствие этого компонента в академическом перечне инициальных компонентов сложносокращенных слов не кажется нам обоснованным. Как отмечается в [СССРЛ, 1: 313], толковые и энциклопедические словари 2-й половины XX в. содержат дериваты с *евро-*: *Евровидение, еврогруппа, евродоллар, еврокосмос*; в [БТС: 293] мы находим также слова: *евроафриканский, евровалюта, евровыборы, еврогруппа, евроинтеграфия, евроконференция, евролитература, европарламент, европолитика, евроракета, еврорынок, евроэкономика.*

Нужно сказать, что не все новые русские дериваты с сокращенным компонентом *евро-* являются заимствованиями. Так, не относится к их числу и исконно русский дериват *евроремонт*, образованный сложением *евро-* с существительным *ремонт*, которое давно, еще во времена Петра I, было освоено русским языком [Фасмер, 2004, 3: 499]. Не является заимствованием и существительное *евростандарт* ‘европейский стандарт’ (в промышленности, строительстве, образе жизни) [ТСА: 337]. По своей семантике такие слова, отсылающие к реалиям Европы как внешнему образцу для создания «общества потребления» в России, являются явными русизмами, они не могли появиться ни в США, ни в Западной Европе.

Другие же новые сложносокращенные слова с евро- действительно заимствованы, но относятся к иному подклассу сложносокращенных слов, см. ниже, в п. 4.3, о дериватах типа *еврократ*.

Тем не менее многие слова, начинающиеся с компонента *евро-*, включаются в подсистему аббревиатур рассматриваемого нами деривационного подкласса. Это, в частности, такие заимствования из английского[5]:

евробит / евро-бит (< *eurobit*) ‘сложившаяся к концу 80-х гг. XX в. в Европе разновидность музыки в стиле бит’ [Шагалова, 2010: 238];

евродиско / евро-диско (< англ. *eurodisco*) ‘разновидность музыки в стиле диско, получившая широкое распространение в 80-х – 90-х гг. XX в. в странах Европы’ [Шагалова, 2010: 238];

Евродиснейленд (< *Euro Disneyland*) ‘Диснейленд, расположенный в Европе (первонач. во Франции)’ [Шагалова, 2910: 239];

евро-скарт / евроскарт (< *euroscart*) – «европейский» скарт, т. е. особый ‘тип разъема’, термин электротехники [Шагалова, 2010: 240, 632] и некот. др.

Опорные компоненты, используемые в сложносокращенных словах типа *евро**бит**, евро**скарт*** и т.п., при всей их необычности и новизне, присутствуют в словарях русских неологизмов. Следовательно, слова типа *евробит* в соответствии с критерием производности по Г.О. Винокуру могут рассматриваться как дериваты, вошедшие по крайней мере на периферию русской словообразовательной системы.

Несколько иначе может решаться вопрос об отношении к системе собственно русского словообразования сложносокращенных слов с такими давно «обрусевшими» опорными компонентами, как *зона, лига, регион, парламент, тоннель / туннель* и т.п., ср.:

еврозона ‘12 европейских стран, на территории которых введена в обращение единая общеевропейская валюта – евро’ [ТСА: 335];

евролига ‘1. Европейская спортивная федерация, включающая лучшие баскетбольные команды; 2. Хоккейный турнир для европейских клубных команд, проводимых Международной хоккейной федерацией’ [Шагалова, 2010: 240];

еврорегион ‘зона сотрудничества приграничных территорий двух или нескольких европейских государств’ [ТСА: 337].

европарламент ‘европейский парламент’ [ТСА: 335];

евротоннель ‘тоннель под Ла-Маншем, соединяющий Францию и Англию’ [Шагалова, 2010: 241].

---

[5] В статье приводятся разные орфографические варианты как заимствований: *евродиско / евро-диско*, так и исходных слов языка-донора: *Euroleague / EuroLeague.*

У всех подобных слов двойственная языковая природа. С одной стороны, нельзя не учитывать, что опорные компоненты аббревиатур рассматриваемого типа (и пр.) давно уже вошли в русскую лексическую систему. Поэтому можно, как мы считаем, уравнять в словообразовательном отношении заимствования типа *евродоллар* с исконно русскими словами типа *евроремонт.* Но, с другой стороны, для всех подобных новых слов русского языка есть зафиксированные словарями соответствия в иностранных языках, прежде всего в английском, ср.: *Euroleague / EuroLeague*, *Euroregion*, *European Parliament*, *eurotunnel, Eurozone.* Поэтому слова типа *евролига* могут рассматриваться как заимствования, которые включаются в тот же периферийный фрагмент русской словообразовательной системы, что и слова типа *евробит*. Если принять такую точку зрения, то нужно вспомнить, что слова типа *евроремонт* находятся не на периферии русской словообразовательной системы, а в ее центральном сегменте. Таким образом, новые сложносокращенные слова типа *евролига* с давно освоенными русским словообразованием компонентами как бы открывают дорогу для вхождения в деривационную систему русского языка и заимствований типа *евроскарт*, которые включают в свою основу производящие компоненты, воспринимаемые как новые, необычные, не вполне освоенные.

Два деривата-неологизма включают сокращенную основу ***вело-*** (сокр. от *велосипед*), которая, в отличие от *евро-*, давно стала объектом изучения в русском словообразовании [Русская грамматика, 1980/2005: 762]. При этом они, при всех своих деривационных отличиях, включаются в один и тот же, периферийный сегмент системы русского словообразования.

Дериват *велоэргометр* (< англ. *veloergometer*) ‘велотренажер, в котором нагрузка (в ваттах) регулируется с предельной точностью’ [Шагалова, 2012б: 133] явно производно от словосочетания *вело~~сипедный~~ эргометр.* Производящий опорный компонент данного деривата *эргометр* ‘лабораторная установка для измерения механической работы при исследовании работоспособности и функциональных изменений, возникающих в организме в процессе работы’ [БТС: 1525]) давно вошел в систему русского языка, см. [СССРЛ, 2: 727]. Однако существительное *эргометр* относится не к общеупотребительной, а к специальной (узко терминологической) лексике. Поэтому слово *велоэргометр* можно признать производным, но относящимся к периферии русской словообразовательной системы.

Новое заимствование *велотриал* (< англ. *velo trial*) имеет значение ‘велосипедные состязания по преодолению трассы, представляющей собой нагромождение объектов искусственного или естественного происхождения’ [Шагалова, 2012б: 132]. Слово производно от словосочетания *~~велосипедный~~ триал* (триалом называется особый вид спорта – «езда на мотоцикле или велосипеде с преодолением препятствий», ср. примеры из [БТС: 1345]: Трасса для триала. Соревнования по триалу). Производность заимствования *велотриал* (← *~~велосипедный~~ триал*), исходя из критерия Винокура, бесспорна. Обе производящие основы, включая фиксируемую нормативным словарем конца прошлого века [БТС] заимствованную лексему *триал*, входят в лексический запас современного русского языка, фиксируемый новейшими толковыми словарями современного русского языка. Однако и это слово относится к периферии русской деривационной системы, так как производящее слово *триал* вряд ли пока можно признать общеупотребительным.

К рассматриваемому подклассу аббревиатур относится и заимствование *компакт-диск* (< англ. *compact disc*) ‘носитель цифрованной информации в виде небольшой круглой пластинки, используемый в лазерных проигрывателях, а также в качестве внешней памяти в компьютерах’ [Шагалова, 2012б: 269]. В русской словообразовательной системе слово мотивируется словосочетанием *компакт~~ный~~ диск* (слово *диск* используется здесь в узуальном значении ‘запоминающее устройство компьютера, внешний носитель информации’ [ТСА: 314], [БТС: 260]).

Производным в соответствии с критерием Винокура является также заимствование *оп-арт* (< англ. *op art* ← *optical art* ‘оптическое искусство’). Данная аббревиатура означает ‘направление в современной абстрактном изобразительном искусстве, в основе которого – передача иллюзии движения через ритмические комбинации однородных геометрических фигур, линий и цвета’ [Шагалова, 2012б: 376]. Слово *оп-арт* синхронно мотивировано русским словосочетанием *оп~~тический~~ арт;* при этом производящее слово *арт* ‘искусство’ – один из неологизмов, отмечаемых в весьма авторитетных СМИ, ср.: …*Ее* (т. е. Йоко Оно, вдовы Дж. Леннона. – *Я. Ю.*) *концептуальное искусство непременно крайне радикально и направлено против сексизма, расизма … и любого другого изма, с которыми увлеченно борется современный* ***арт*** (Известия, 17.02.2003 [ТСА: 87]).

С семантической точки зрения несколько особняком в этом подклассе аббревиатур стоит заимствование *унисекс* (< англ. *unisex*), которое имеет

значение ‘стиль одежды, не подчеркивающий различия между полами’ [ТСА: 1010], ср. [Шагалова, 2012б: 606]. Для этого слова в качестве производящей базы можно было бы без колебаний предположить словосочетание *~~универсальный~~ секс*, если бы слово *секс* в русском языке имело узуальное значение ‘биологический пол’ (ср. основное значение слова *sex* в английском). Но русское *секс* имеет более сложное значение ‘все то, что относится к проявлению и удовлетворению полового влечения, половых отношений; чувственная страсть’ [БТС: 1171]. Поэтому, используя терминологию И.С. Улуханова [Улуханов, 2005: 51], можно сказать, что в данной аббревиатуре реализуется не полная, а лишь частичная (только по одному семантическому признаку – ‘проявление сексуальных отношений’) словообразовательная мотивация со стороны второй производящей основы. Однако с точки зрения современной словообразовательной теории, частичная семантическая мотивация – это лишь одна из разновидностей словообразовательной производности. Обнаружение даже такой «нестандартной» производности позволяет включить слово в число дериватов.

Все рассмотренные выше производные заимствования формально мотивированы основами слов, входящих в атрибутивные словосочетания. Но среди заимствований рассматриваемого подкласса есть также неологизм *футзал* (< англ. *futsal*) ‘футбол в закрытых помещениях небольшим мячом, не имеющим отскока, с элементами силовой борьбы’ [Шагалова, 2012б: 655], который мотивирован не атрибутивным словосочетанием (*футбольный зал*), а словосочетанием со связью управления: *~~футбол в~~ зале*. Интересно, что семантически опорный компонент производящей базы (*~~футбол~~*) занимает в составе данного деривата позицию начального, а не опорного (финального) а компонента, который в составе сложений обычно является носителем не основной, а конкретизирующей информации.

Таковы формальные и семантические особенности подкласса сложносокращенных заимствований, строящихся по схеме «сокращенная начальная основа + полная конечная основа». слова типа *футзал* (←*~~футбол~~ + зал*). Нужно сказать, что дериваты этого подкласса составляют бóльшую часть (59%) от общего состава нашей сплошной выборки производных заимствований.

4.2. В нашей картотеке заимствований рубежа XX–XXI вв. представлены также аббревиатуры другого деривационного подкласса, образованные «из сочетания начальных частей слов («слоговые»)» [Русская грамматика, 1980/2005, 1: 254].

В традиционном словарном фонде русского литературного языка примером аббревиатур, образованных в результате сложения двух начальных частей производящих основ, являются дериваты XX в. типа *местком* (←*местный комитет*), *Мосэнерго* (← *московское* [управление] *энергетического* [*хозяйства*]) [Русская грамматика, 1980/2005, 1: 254-255: ССРЯ: 217-233]. В рамках актуальной исконно русской лексики XXI в. к этому классу дериватов относятся представленные в [ТСА] аббревиатуры типа *нарДеп* (← *народный депутат*), *сисадмин* (← *системный администратор*), *масскульт / масс-культ* (← *массовая культура*) и мн. др. Попутно можно сказать, что дериваты типа *Мосэнерго*, *сисадмин* служат свидетельством того, что называть все аббревиатуры данного подкласса класса «слоговыми» было бы не вполне корректно. Так, последний компонент слова *Мос**энерго*** не равняется слогу, он состоит из трех слогов, два из которых (*мóс-энéрг-*) унаследованы от производящих основ *московский* и *энергетический*, а опорный гласный третьего слога [*ò*] появился в процессе деривации (очевидно, по морфонологическим причинам – для «благозвучия» аббревиатуры).

Рассматриваемый подкласс аббревиатур на рубеже XX–XXI вв. был пополнен несколькими заимствованиями. К их числу, например, следует отнести сложносокращенное слово с начальным компонентом *евро-*: *Европол* (< англ. *Europol*) ‘полицейская служба Европейского союза со штаб-квартирой в Гааге’ [Шагалова, 2012б: 208]. В русском языке слово осмысляется как мотивированное основами слов, входящих в атрибутивное словосочетание *европейская полиция*, ср. с более давним заимствованием *Интерпол* (используемое с 1956 года сокращенное название Международной организации уголовной полиции, ср. англ. *International Criminal Police Organization, сокр*. *Interpol* и *ICPO* [https://ru.wikipedia.org/wiki]).

К данному деривационному подклассу мы бы отнесли и заимствование *евро-поп* (< англ. *europop*) ‘европейская поп-музыка’ [ТСА: 336], ср. [Шагалова, 2010: 240]; сокращенный компонент *евро-* сочетается в словообразовательной структуре этого слова с началом второй производящей основы *поп-музыка*.

Аналогичную словообразовательную структуру имеет и дериват *акрострит* (< англ. *acrostreet*) ‘уличная акробатика’ [Шагалова 2012: 46]. Слово образовано, с точки зрения русского языка XXI века, сложением двух сокращенных производящих основ: *акробатика* и *стритстайл* (последнее производящее слово означает ‘уличный стиль’ или ‘уличная мода’ [Шагалова, 2012: 544–545]).

Доля сложносокращенных лова типа *европоп* (← *европейская* + *поп-музыка*), в словообразовательной структуре которых объединены начальные сегменты обеих производящих основ, сравнительно мала, в выборке проанализированных нами таких производных заимствований всего 8%.

4.3. Особый подкласс производных слов, по мнению авторов академической грамматики русского языка, составляют «аббревиатуры из сочетания начала первого слова с началом и концом второго или только с концом второго» [Русская грамматика, 1980/2005, 1: § 588], ср. примеры из указанной грамматики: *мотоцикл* + *велосипед* → *мопед*, *военный комиссариат* → *военкомат.* Но мы считаем, что приведенное выше определение данного деривационного подкласса не вполне удачно, так как в дериватах типа *мопед* сокращено начало второй производящей основы (*велосипед*), а в дериватах типа *военкомат* – средняя часть второй производящее основы *(комиссариат*). Принципиально разные типы сокращений в производящих основах – это основание для выделения разных подклассов аббревиатур, см. [Клобуков, 2017]. В данном параграфе статьи будет рассмотрен подкласс аббревиатур, состоящих из начала первой производящей основы и конца второй основы.

Во второй половине XX в. в русском языке появилось заимствование *Евровидение* (< англ. *Eurovision*) ‘1. Международная телевизионная организация, объединяющая телекомпании Европы для обмена телепередачами; 2. Проводимый этой организацией международный конкурс новых эстрадных песен, в котором обычно принимают участие начинающие исполнители’ [ТСА: 334]. Слово производно, производящей базой заимствования является в русском языке словосочетание *европейское телевидение*. Однако, как уже было сказано выше, данный дериват вошел в словари, вышедшие задолго до рубежа XX–XXI в.

Однако к рассматриваемому деривационному подклассу сложносокращенных слов относятся и некоторые позднейшие заимствования, например:

еврократ (< англ. *eurocrat*) ‘специалист общеевропейского масштаба в области политики, экономики, бизнеса и т. п.’ [Шагалова, 2012б: 208]; данный дериват мотивирован основами слов, входящих в словосочетание *европейский бюрократ*;

виджей / ви-джей (< англ. *video jockey*) ‘видео-диджей’, ср.: *Диджейство будет существовать до конца времен, но кто знает, может быть через сто лет диск-жокей будет просто читать под музыку стихи? Каждая сторона жизни рано или поздно переживает апгрейд. У нас, например, уже появились* ***виджеи****, или люди, создающие видеомикс под со-*

ответствующее музыкальное сопровождение (Gaudeamus, 2000, № 16) [ТСА, 2008: 201]; в русском языке слово включается в формально-смысловые отношения с частично наложенными друг на друга усеченными производящими основами *видео* [Шагалова, 2012б: 141], [ТСА: 193] и *диджей* ‘диск-жокей; ведущий дискотеки или музыкальной радиопрограммы’ [Шагалова, 2010: 219], [Шагалова, 2012б: 310];

фэйсфон (< англ. *facephone*) ‘телефон, создание которого является проектом компании Фейсбук’ [Шагалова, 2012б: 658] ← *Фэйсбук* + *телефон*.

Слова данного деривационного подкласса, объединяющие начало первой основы и конец второй основы, в проанализированной нами выборке заимствований составляют 11%.

4.4. Дериваты последнего из установленных нами подклассов сложносокращенных заимствований строятся по схеме: «несокращенная основа первого производящего слова + конец второй производящей основы».

Ср., например, словообразовательную структуру заимствования *макбук* (< англ. *macbook*) ‘ноутбук, выпускаемый компанией Apple’ [Шагалова, 2012б: 312]. Первый компонент данной аббревиатуры мак является живущим в современном русском сленге в качестве самостоятельного слова сокращением от *Макинтош* ‘персональный компьютер марки «Макинтош»’ [Шагалова, 2012б: 312–313]. К этому слову присоединяется сокращенная основа слова *ноутбук* ‘портативный персональный компьютер с широкими функциональными возможностями стационарного персонального компьютера, выпускаемый в виде небольшого чемоданчика, в крышку которого вмонтирован жидкокристаллический дисплей; блокнотный компьютер; лэптоп’ [Шагалова, 2012б: 365].

Этот деривационный подкласс аббревиатур не был отмечен ни в академической «Русской грамматике», ни в работах Е.А. Земской и других дериватологов, изучавших узуальное словообразование. Однако в исследовании [Улуханов, 1996: 74] говорится об окказиональном образовании сложных дериватов типа *стекловица*[6] (← *Стеклов* + *передовица*), *рашизм* (← *Раш* [фамилия. – *Я. Ю.*] + *фашизм*) и т. п. Такие производные слова похожи по своему строению на дериват макбук, однако есть и серьезное отличие: макбук – не авторский окказионализм, а широко используемое узуальное слово.

[6] Ср. пример из воспоминаний бывшего главного редактора газеты «Известия» А. Аджубея: …*Так поступал Юрий Михайлович* ***Стеклов****… Он предпочитал вместо подобных никчемных передовиц ставить* (в очередной номер газеты. – *Я.Ю.*) *несколько конкретных заметок. Они так и назывались –* ***«стекловицы»*** [Улуханов, 1996: 74]; выделено нами.

Данный подкласс аббревиатур был впервые описан как новое явление неокказионального (узуального) словообразования в статье [Клобуков, Гудилова, 2005: 20]. Изучение сплошной выборки сложных неологизмов 1950–1980 гг., представленных в [СНС], позволило авторам указанной статьи обнаружить сложносокращенный естественнонаучный термин *мюон* (первая фиксация в СМИ, согласно [СНС: 406], датируется 1973 г. Дериват служит для обозначения одной из недавно открытых элементарных частиц. Слово *мюон* является результатом сложения полной основы *мю* ‘название 12-й буквы греческого алфавита’ и конца второй основы ~~*мезон*~~ ‘элементарная частица, масса которой больше массы электрона и меньше массы протона’ [БАС, 10: 29]. Существительное *мюон* является узуальным дериватом, что подтверждается включением его в словник [БАС, 10: 553]. Но это был единственный зафиксированный толковыми словарями рубежа конца XX в. узуальный дериват рассматриваемой структуры.

Ситуация существенно изменилась в последние 10–15 лет. К числу новых дериватов рассматриваемого подкласса относится, кроме рассмотренного выше узуального неологизма *макфон,* и слово *гуглофон* (< *google phone*) ← *Гугл* ‘+ ~~*смарт*~~*фон* (развернутая словообразовательная характеристика этого заимствования была дана в 3-м разделе нашей статьи). См. также целый ряд других заимствованных на рубеже XX–XXI вв. производных слов современного русского языка:

веб-камера (< англ. *web camera*) ‘видеокамера, подключаемая к компьютеру и предназначенная для работы с сетевыми приложениями’ [Шагалова, 2012: 126]; производящими являются полная основа широко известного заимствования *веб* [Шагалова 2012: 123] ‘сервис в Интернете, позволяющий просматривать тексты, через систему связывающих их ссылок; Всемирная паутина’ и конец основы слова ~~*видео*~~*камера* ‘аппарат для записи визуальной информации и ее звукового сопровождения на видеопленку и последующего воспроизведения записанного’ [ТСА: 195];

вебинар (< англ. *webinar*) ‘лекция, презентация, семинар, проводимые в режиме видеоконференции, во время которой участники слушают выступающего и могут задавать ему вопросы и получать ответы в режиме реального времени’ [Шагалова, 2012б: 126]; словообразовательную базу для этого деривата составляют основы: *веб* (см. выше) [Шагалова 2012б: 123] и ~~*семи*~~*нар* [БТС] ‘групповое занятие или цикл таких занятий в высшем учебном заведении или работников какого-л. учреждения, отрасли знаний или народного хозяйства по какому-л. предмету, теме в целях их более глубокого изучения’;

Википедия (< англ. *wikipedia*) ‘постоянно обновляемая многоязычная универсальная интернет-энциклопедия, пополняемая пользователями всего мира’ [Шагалова, 2012б: 144]; дериват мотивируется заимствованием *вики* ‘веб-сайт, структуру и содержимое которого пользователи могут сообща изменять с помощью инструментов, предоставляемых самим сайтом’ [Шагалова, 2012: 143] и усеченным существительным ~~*энциклопедия*~~ ‘1. научное справочное пособие по всем или отдельным отраслям знания (преимущественно в форме словаря)’ [БТС];

зорбонавт (< англ. *zorbonaut*) ‘человек, которого спускают с горы в зорбе’ [Шагалова, 2012б: 211] ← *зорб* ‘шар для зорбинга из прозрачного пластика, состоящий из двух сфер, пространство между которыми заполнено воздухом’ [Шагалова, 2012б: 209] + ~~*космонавт;*~~

карвборд (< англ. *carve board*) ‘спортивный снаряд в виде доски на больших колесах, отличающийся повышенной маневренностью и проходимостью (по сравнению со скейтбордом); карвинговая доска’ [Шагалова, 2012б: 235] ← *карвы* ‘лыжи для карвинга, расширенные в носовой и задней частях и суженные посередине; карвинговые лыжи’ [Шагалова, 2012б: 236] + ~~*сноуборд*~~;

роллеркей (< англ. *rollerkey*) ‘хоккей на роликовых коньках’ [Шагалова, 2012б: 461] ← *роллер* ‘спортивный снаряд с роликами для передвижения по искусственному покрытию; роликовые коньки, лыжи, самокат’ [БТС: 1128] + ~~*хоккей*~~.

Подчеркнем, что данный подкласс узуальных аббревиатур, в 1970-е гг. представленный лишь одним дериватом *мюон*, на рубеже XX–XXI вв. пополнился многими дериватами (их доля в выборке заимствований – 22%) и в настоящее время по своей деривационной активности уступает лишь первому из рассмотренных нами подклассов.

5. *Итоги и перспективы исследования сложносокращенных заимствований рубежа* XX–XXI *вв.*

В результате изучения сплошной выборки производных сложносокращенных заимствованных слов рубежа XX–XXI вв. нам удалось выделить четыре продуктивных деривационных подкласса таких слов. Это подклассы, как было показано выше, различаются схемами соотношения производящих основ в словообразовательной структуре дериватов деривационной активностью. Три из них (включающие слова типа *евродиско, акрострит* и *виджей*; см. выше, параграфы 4.1–4.3) давно вошли в деривационную систему русского языка, а один (слова типа *вебинар*) является относитель-

но новым, но в течение последних трех десятилетий стал одним из наиболее продуктивных подклассов аббревиатур (подробнее см. параграф 4.4).

Нужно отметить также, что бóльшая часть деривационных подклассов сложносокращенных слов, установленных к концу XX в. учеными-дериватологами, не были обнаружены в собранном нами материале. Так, в сплошной выборке собранных нами производных заимствований рубежа XX–XXI вв. отсутствуют пять деривационных подклассов сложносокращенных слов из восьми указанных в [Клобуков, 2009: 370], а именно:

1) Сложения начальных звуков производящих основ (звуковые, или фонемные, аббревиатуры типа *вуз* [вýс]). Внешне похожие на фонемные аббревиатуры заимствования типа *ВИП* [в’и́п] ‘особо важная персона’ [ТСА: 204, 1126], в русском языке являются непроизводными. Такие деривационно не мотивированные в русском языке неологизмы принципиально отличаются от своих иноязычных соответствий, которые действительно являются аббревиатурами, так мотивированы и по форме, и по значению, ср. англ. *VIP* ← ***very important person***.

2) Сложения названий начальных букв производящих основ (ср. привычные буквенные аббревиатуры типа *МГУ* [э̀м-гэ̀-у́]). Заимствования типа *СМС* / *эсэмэс* ‘короткое сообщение, передаваемое при помощи мобильного телефона’ [Шаталова 2012а: 287; 381] не являются буквенными аббревиатурами, так как не имеют в русском языке производящих основ, в отличие от исходных слов-аббревиатур языка-донора, ср. в англ.: *SMS* ← ***Short Message Service*** [ТСА: 1125].

3) Смешанный подтип буквенно-фонемных аббревиатур типа *ЦСКА* [цэ̀-э̀с-ка́] ← ***Центральный спортивный клуб армии*** (первые две основы представлены названиями букв: *цэ* и *эс*; последние основы сокращены до фонем <ц> и <к>).

4) Смешанный подтип фонемно-слоговых аббревиатур типа *ИМЛИ* [им-л’и́] ← ***Институт мировой литературы***.

5) Подтип аббревиатур, состоящих из сочетания начальной части слова с формой косвенного падежа существительного типа *завкафедрой* ← *заведующий кафедрой*.

Перспективы дальнейшего изучения современных сложносокращенных заимствований связаны с объяснением причин резкого усиления продуктивности одного из новых подклассов аббревиатур и параллельной утраты деривационной активности большинством подклассов узуальных русских аббревиатур. Эта проблематика должна стать предметом специального исследования.

Список литературы

Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.

Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. 1946. Том V. Вып. 4 (цит. по: *Винокур Г.О.* Избр. работы по русскому языку. М., 1959).

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.

Гудилова С.В. Продуктивные типы образования сложных слов (на материале неологизмов второй половины XX века). Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М., 2005.

Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык / Под. ред. В.А. Белошапковой. М., 1981 (3-е изд.: М., 2002).

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992 (3-е изд.: М., 2007).

Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.

Клобуков Е.В. Словообразование // Современный русский литературный язык / Под ред. П.А. Леканта. М., 2009.

Клобуков Е.В. Сокращение производящей базы производного слова как объект современной дериватологии // Рациональное и эмоциональное в языке – 2017. М., 2017.

Клобуков Е.В, Гудилова С.В. Продуктивные типы образования современных русских аббревиатур // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Вып. 1. М., 2005.

Крысин Л.П. Словообразование или заимствование? // Лики языка: К 45-летию научной деятельности Е.А. Земской. М., 1998.

Милославский И.Г. Словообразование // Современный русский язык / Под ред. Л.А. Новикова. СПб., 1999.

Панов М.В. Об изучении русского словообразования // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. 1970. Т. XXIX. Вып. 3 (цит. по: Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. М., 2007).

Петрухина Е.В. Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. М., 2010.

Русская грамматика / Гл. редактор Н.Ю. Шведова. Т. I. М., 1980 (репринт. изд.: М., 2005).

Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка: Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М.В. Панова. М., 1968.

Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.

Улуханов И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М., 2005.

Шадыко С. Аббревиатуры в русском языке (в сопоставлении с польским): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М., 2000.

Шанский Н.М. Заметки по русскому словообразованию. М., 1968.

Словари

БАС – Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. М.; СПб, 2004 ъ–.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.

Лопатин, Улуханов, 2016 – *Лопатин В.В., Улуханов И.С.* Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М., 2016.

СНС – Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / Под ред. Н.З. Котеловой. СПб., 1995.

СССРЛ – Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т. / Под ред. Р.П. Рогожниковой. М., 1991.

Тихонов, 2003 – *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. М., 2003.

Тихонов, 2004 – *Тихонов А.Н.* Морфемно-орфографический словарь. М., 2004.

ТСА – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Скляревской. М., 2008.

Шагалова, 2010 – *Шагалова Е.Н.* Словарь новейших иностранных слов (конец XX – начало XXI вв.). М., 2010.

Шагалова, 2012а – *Шагалова Е.Н.* Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. М., 2012.

Шагалова, 2012б – *Шагалова Е.Н.* Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века М., 2012 («Карманная библиотека словарей»).

Фасмер, 2004 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 2004.

Сведения об авторе: Янь Юй, канд. филол. наук, научный сотрудник факультета русского языка Школы международных исследований Университета имени Сунь Ятсена (г. Гуанчжоу, провинция Гуандун, КНР). E-mail 228933400@qq.com

Инь Сюй

Буковница 1592 г.: особенности грамматической кодификация и структура словарных гнезд

Буковница 1592 г. (РГБ. Ф. 173.1. № 35. Л. 130–235) представляет собой своеобразный «словарь трудностей церковнославянского языка», который демонстрирует развитие грамматического подхода к книжному языку. В статье описываются структурные особенности Буковницы, определяется характер ориентации этого трактата на предшествующие грамматические руководства «ѻ̀ ѡ҆смихъ ча́стѣхъ слова» и «ѻ̀ мнѡ́жествѣ і҆ ѻ҆ є҆ді́нствѣ», устанавливаются принципы осуществленной в нем грамматической кодификации, рассматриваются способы описания грамматической семантики.

Ключевые слова: славянская грамматическая традиция, история русского языка, церковнославянский язык, грамматическая норма, Буковница 1592 г.

Bukovnitsa 1592 (RSL. P. 173.1. Nr. 35. P. 130–235) is a kind of “dictionary of the difficulties of the Church Slavonic language”, which demonstrates the development of the grammatical approach to the book language. The article describes the structural features of Bukovnitsa, determines the nature of the orientation of this treatise to the previous grammatical manuals, establishes the principles of the grammatical coding, implemented in it, the methods of description of the grammatical semantics.

Key words: Slavonic grammatical tradition, the history of the Russian language, Church-Noslavian language, grammatical norm, Bukovnitsa 1592.

1. В конце XVI в., когда «грамматически изощренные церковнославянские тексты начинают восприниматься как образцы особой разновидности книжного языка – ученного книжного языка, подвергающегося сознательной обработке» [Живов, 1993: 301], зарождается аналитическая грамматическая кодификация церковнославянского языка путем систематизации языковых элементов и правил их выбора. Ценными памятниками, свидетельствующими о развитии грамматического подхода к книжному языку в этот период, являются созданные в конце XVI в. – начале XVII в. грамматические описания особого типа, которые могут быть условно определены как «грамматические (словоизменительные) словари» [Аксенова, 1981: 69] или «словари трудностей церковнославянского языка» [Кузьминова, 2016: 40].

К грамматическим сочинениям такого типа относится Буковница Герасима Ворбозомского 1592 г. (РГБ. Ф. 173.1. № 35. Л. 130–235), позволяющая с достаточной ясностью проследить, какие проблемы находились в центре внимания книжников того времени, как идеи, заимствованные автором «ѿ дамаскі́новы҆х грамотике́и ѿ ѻ҆смоча́стнаго разꙋ́мѣнїа» («ѻ̀ ѡ҆смихъ ча́стѣхъ слова») и из трактата «ѻ̀

мнѡ́жествѣ і҆ ѻ҆ є҆ди́нствѣ» [Ягич, 1885–1895: 719–724], прилагаются к конкретному языковому материалу и воплощаются в книжной практике.

Буковница 1592 г. состоит из трех частей, в двух из которых (второй и третьей) в основу грамматической кодификации положена абстрактная схема описания из трактата «**Ѻ҆ ѡ҆́смихъ ча́стѣхъ слова**». Эти разделы содержат списки прилагательных и причастий с набором их словоизменительных форм и указанием грамматических параметров каждой формы. Вторая и третья часть Буковницы отличают друг от друга лишь способом подачи материала: если во второй части представлена начальная форма и набор флексий с последней буквой основы, то в третьей части все формы приведены полностью, ср.: **любѝмь ма мо мыи маго мому мы мы҃ мыми моє му́ мую** (л. 164 об.) – **вре́денъ сѝ вре́дна сїа҃ вре́дно то҃ вре́дныи ѻ҆ вре́днаго то҃ вре́дному вре́дны вре́дныхъ вре́дными вре́дноє ѡ҆ вре́днє ѡ҆ вре́дна сїа҃** (л. 191–191 об.).

В.М. Живов, исследовавший эти части Буковницы, подчеркивает стремление ее создателя по возможности распространить каждое словарное гнездо путем включения причастий и отглагольных прилагательных разных деривативных типов, что может служить свидетельством его ориентации на модель грамматически изощренного греческого языка [Живов, 1993: 299–300].

Наш анализ позволил установить, что парадигмы второй и третьей части Буковницы построены в соответствии с парадигмой «**застѣ́нная разумѣ́нїѧ**», содержащейся в двух редакциях «осмочастия»: № 22 «**Что̀ є҆́сть ѹ҆́смь частє́и слова**...» [Ягич, 1885–1895: 749–758] и № 24 «**Ѻ҆т҃го Ї҆ѡа́нна Дамаскина̀ ѡ҆ ѻ҆смѝ частѣ́ сло́ва єлика пи́ше ї҆ гл҃е**» [Ягич, 1885–1895: 760–767]. Ср.:

2-я части Буковницы (л. 179)	3-я части Буковницы (л. 201–201 об.)	редакция № 22 (с. 750–751)	редакция № 24 (с. 763–764)
и҆стї́ное нарица́нїє є҆дїна́ мужа вныи	сꙋ́щєє нарица́є мꙋ́жскаго и҆́мѧнє кро́ткїи тъ̀	и҆стинное нарица́нїє мꙋ́жескаго и҆́мѧни бл҃гословє́нныи	и҆стинное нарица́ние мꙋ́жескомꙋ и҆́мени дх҃о́вныи
помѧновенїє єди́наго внаго	помѧновенїє мꙋ́жскаго и҆́мѧни єди́нствено кро́ткаго	помѧнове́нїє мꙋ́жеска и҆́мѧни бл҃гоѡбразна́наго	помѧнове́нїє и҆стї́номꙋ и҆́мени мꙋ́жескомꙋ дх҃о́внаго
даѧ́нїє единомꙋ мꙋ́жꙋ вномꙋ	даѧ́нїє є҆ди́номꙋ мꙋ́жꙋ кро́ткомꙋ	да́телство мꙋ́жескаго и҆́мѧни ди́вномꙋ	да́телство и҆стинномꙋ и҆́мени мꙋ́жескомꙋ дх҃овномꙋ

нарицаетъ многы҆ мꙋжеи вны	и҆мѧнова́нїе мнѡ́гы҆ моужеи кро́ткы тѣ	мнѡ́жно нарица́нїе мꙋ́жеска и҆мѧни чю́дны	мно́жественно нарица́нїе мꙋ́жеска и҆́стиннаго и҆́мени дх҃овны
помѧновенїе мнѡ́гыхъ вны҆х	помѧновенїе мнѡ́но кр҃ѡ́ткыхъ	помѧнове́нїе мнѡ́жно мꙋ́жескаго и҆́мени сп҃сенны҆х	мно́жественно помѧнове́нїе и҆́стиннаго мꙋ́жескаго и҆́мени дх҃овны҆х
дѣ́ѥство мнѡ́гыми вны҆м҃	дѣ́ѥство мнѡ́гыми кр҃ѡткы҆́ми	дѣ́йство мнѡ́жно мꙋ́жескаго и҆́мѧни мнѡ́гими	—
сꙋ́щее нарица́нїе средн҃ѧго и҆́мѧни вное	сꙋ́щее нарица́нїе ср҃е́днѧго и҆́мѧни кро́ткое т҃о	сре́днемꙋ и҆́мени и҆стинное нарица́нїе бж҃твеное	ср҃е́днѧго и҆́мѧни и҆́стинное нарица́нїе пр҃вное
второе наимѧнованїе же́ньскаго и҆́мѧи вн҃ꙋ	—	второе начерта́нїе же́нскаго и҆́мени застꙋпа́ющꙋ	—
сꙋ́щее нарица́нїе второмꙋ наимѧнованїю женскаго и҆мѧни вн҃ꙋю	—	и҆́стинное нарица́нїе второмꙋ начерта́нїю же́ньскаго и҆́мени чю́дн҃ꙋю	—
—	звателство мꙋ́жско ѡ҆кро́тке тѣ҆	ма́ло нарица́нїе мꙋ́жеска и҆́мѧни бл҃гочт҃и́ве	зва́телнаго и҆́стиннаго и҆́мени пр҃вне
—	звателство же́ска и҆́мени ѡ҆кротка̀ т҃а	—	—

2. В отличие от рассмотренных разделов Буковницы, восходящих к «осмочастию», ее первая часть, по мнению исследователей, представляет собой не что иное, как один из вариантов орфографического руководства «**О҆ мнѡ́жествѣ и҆ о҆ є҆ді́нствѣ**» [Аксенова, 1981: 68], [Живов, 1995: 292]. Ориентацию на этот трактат автор Буковницы отчетливо декларирует в своем кратком предисловии, заявляя, что цель его труда заключается в изложении «**по боу́ква**м҃ъ **о҆ є҆ді́нствѣ и҆ ѡ҆ мнѡ́жественѡ҃**» (л. 130). Здесь в основу организации языкового материала положен принцип антистиха – принцип графико-орфографической дифференциации омонимичных форм в церковнославянском языке [Кузьминова, 2001], [Кузьминова, 2011].

Позаимствовав идею принципа антистиха из сочинении «**Ѻ мнѡ́жествѣ і ѻ ѐді́нствѣ**», создатель Буковница приводит 2410 расположенных в алфавитном порядке пар грамматических омонимов, «**ѡ҆ ни́ж состоѝсѧ ѐді́нство і мнѡ́жствѡ**» (л. 130), противопоставленных на орфографическом уровне (ср.: И. ед. ч. // Р. мн. ч. **глꙋ́мнїкь** – **глоу҇мни́къ** л. 133 об., И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. **жидо́вска** – **жы́дѡвскаѧ** л. 136 об., Р. ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р. **ра҆широ҇емыа** – **ра҆шыро҇емыѧ** л. 139, И ед.ч. м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. наст. вр. **оу҆спо҇емь** – **оу҆спо҇емъ** л. 142 об.).

Вместе с тем способ реализации этого принципа, заданный в трактате «**Ѻ мнѡ́жествѣ і ѻ ѐді́нствѣ**», в Буковнице 1592 г. подвергается переосмыслению и трансформации. В словаре представлен расширенный репертуар орфографических оппозиций, наделенных смыслоразличительными функциями: помимо стандартного набора **о** – **ѡ**, **а** – **ѧ**, **ꙋ** – **оу**, **ь** – **ъ**, **и/ї** – **ы** [Ягич, 1885–1886: 719] автор вводит новые орфографические средства, в том числе скорописные начертания и надстрочные знаки: **є** – ε (И ед.ч. // Р мн.ч. **врачє́бникь** – **врачє́бникъ** л. 132 об.); α – **а** (И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. **прєбл҃же́нна** – **прєбл҃же́ннаѧ** л. 138 об.); **з** – **ꙁ** (И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. **жизнода́тєлнаа** – **жыꙁнѡда́тєлнѧѧ** л. 136); **о** – **ъ** в префиксах типа **вос** – **въс**, **во** – **въ**, **со** – **съ** (И ед.ч. притяж. прил. м.р. // Р мн.ч. сущ. **собѣсѣ́дниковь сѣ̀** – **събесѣ́дникѡвъ мнѡ́гы҃** л. 140 об.); оксия – вария (И ед.ч. м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. наст. вр. **ра҆широ҇емь ѻ҆** – **ра҆шыро҇емъ мы҃** л. 139) [Инь Сюй, 2016].

Буковница демонстрирует и иной подход к выбору позиции употребления графико-орфографических показателей. Если в трактате «**Ѻ мнѡ́жествѣ і ѻ ѐді́нствѣ**» оппозиционные графемы использовались только во флексии, ср. И ед.ч. // Р мн.ч. **а҆́гнець** – **а҆́гнецъ** (цит. по: [Ягич, 1885–1886: 720–721]), то в Буковнице диапазон позиций значительно расширен. Во-первых, «числовой» показатель может быть употреблен как во флексии (Т. ед.ч. // Д. мн.ч. **багро́мь** – **багрѡ́мъ** л. 131, Р. ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р. **вели́кїа** – **вели́кыѧ** л.132, И. ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. **грѣ́шнаа** – **грѣ́шнаѧ** л.133), так и в основе, в том числе – в позиции абсолютного начала слова (И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. **ѻ҆́бцаа** – **ѿ́бцѧѧ** л.149 об., И ед.ч. м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. наст. вр. **ѻ҆бѧ̀емь** – **ѿбѧза́емъ** л.149 об., И ед.ч. // Р мн.ч. **ѧ҆зы́кь** – **ѧ҆зы́къ** л.151 об.). Во-вторых, очевидно стремление создателя Буковницы к максимальному орфографиче-

скому расподоблению омонимичных форм: грамматические омонимы могут быть противопоставлены посредством нескольких пар оппозиционных графем, занимающих разные позиции. Так, для противопоставления форм Т ед.ч. // Д мн.ч. существительного м.р. **ропотнїкомь** – **ропотникѡмъ** (л. 139 об.) задействовано три пары графем: **и** – **ї**, **о** – **ѡ**, **ь** – **ъ**, ср. также Т ед.ч. // Д мн.ч. **ѐдїноглагóлнїкóм҇** – **ѐдинѡглагѡ́лникѡ҇** л.135 (5 пар), Р ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р. **ѐдíнодьíшꙋцїа** – **ѐдинѡдьíшоуцыѧ** л.135 (5 пар), И ед.ч. // Р мн.ч. **тр҇жéственикь** – **тѡр҇жéственикъ** л.141 об. (4 пары).

3. Отличительной особенностью грамматической кодификации в данной части словаря является то, что все зафиксированные в нем флексии содержат оппозиционные графемы (**о** – **ѡ**, **ь** – **ъ**, **и/ї** – **ы**, **а** – **ѧ**, **и** – **є**), различающие грамматические омонимы единственного и множественного числа в следующих позициях:

-ь // **-ъ**: И ед.ч. // Р. мн.ч. сущ. м. р. (с исходом основы на ц, заднеязычные и губные) **гребéць** – **гребéцъ** (л. 133 об.), **ю҆нець** **тъ҇** – **ю҆нецъ** **мнѡ́гы҆** (л. 151), **грóбь** – **грѡ́бъ** (л. 133 об.), **чер҇тóгь** **ѐдíн҇** – **чертѡ́гъ** **мнѡ́гы҆** (л. 146);

-омь // **-ѡмъ**: Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ. м.р. **а҆гг҃еломь** **ѐдíнемь** – **а҆гг҃елѡмъ** **мнѡ́гымъ** (л. 130), **чл҃комь** **ѐдíнемь** – **чл҃кѡмъ** **мнѡ́гы҆** (л. 146);

-емь // **-емъ**: (1) Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ. м.р. **а҆нтóнїемь** **ѐдíнемь** – **а҆нтѡ́нїемъ** **всѣ́мъ** (л. 130 об.), **врачéмь** – **врачéмъ** (л. 132 об.); (2) И ед.ч. м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. наст. вр. **оу҆мꙋдрѧ̀емь** **о҆** – **оу҆моудрѧ́емъ** **мы҃** (л. 142), **желáемь** **о҆** – **желáемъ** (л. 146);

-а // **-ѧ**: (1) И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р. (с исходом основы на мягкий согласный и ц) **блꙋдни́ца** **о҆на̀** – **блоудни́цѧ** **ѡ҆ны̀** (л. 131 об.), **грани́ца** – **грани́цѧ** (л. 133); (2) Р ед.ч. м.р. // В мн.ч. м.р. (с исходом основы на мягкий согласный и ц) **жрéбїа** – **жрéбїѧ** (л. 136 об.), **хвалолю́бца** **того** – **хвалолю́бцѧ** **мнѡ́гы** (л. 143 об.); (3) Р ед.ч. с.р. // И=В мн.ч. с.р. (с исходом основы на мягкий согласный) **житї̀а** – **жытї̀ѧ** (л. 136 об.), **рожéнїа** – **рѡжéнїѧ** (л. 139 об.); (4) И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р. и с.р.=В мн.ч. м.р. прил. **а҆рхимаричїа** **ѐдíна** – **а҆рхи́маричыѧ** **всѣ** (л. 130), **вéлїа** **вѣра** – **вéлїѧ** **дѣла** (л. 132);

-и // **-ы**: Р ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р. (с исходом основы на ц) **ри́зниці** **ѐді́ноа** – **ри́зницы** **мнѡ́гы** (л. 139 об.), **цр҃ці** **тоа҃** – **цр҃цы** **ѡ҆ны҃** (л. 145), Р ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р. (с исходом основы на к, г, х) **реки** **еді́ноа** – **рѣ́кы** **мнѡ́гыѧ** (л. 139);

-(ов)ь // **-ѡвъ**: И ед.ч. притяж. прил. м.р. // Р мн.ч. сущ. м.р. **а҆рхі́ппо҃вь** **ѻ҆́нъ** – **а҆рхі́ппѡвъ** **всѣ́хъ** (л. 130 об.), **ѐллино҃вь** – **ѐллинѡвъ** (л. 135);

-(ев)ь // **-евъ**: И ед.ч. притяж. прил. м.р. // Р мн.ч. сущ. м.р. **гони́телевь** **ѻ҆́** – **гѡни́телевъ** **мнѡ́гы** (л. 133 об.), **ѕлодѣ́евь** **ѻ҆́** – **ѕлѡдѣ́евъ** **всѣ́хъ** (л. 137 об.);

-имь // **-имъ**: (1) Т ед.ч. прил. м., с.р. // Д мн.ч. прил. **бж҃ї́имь** – **бж҃ї́имъ** (л. 131), **чл҃ї́имь** **ѐді́немь** – **чл҃ї́имъ** **роука́мъ** (л. 146); (2) И ед.ч. м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. наст. вр. **вы́симь** – **вы́симъ** (л. 132), **гони́мь** **ѻ҆́** – **гѡ́нимъ** **мы҃** (л. 133 об.);

-ымь // **-ымъ**: Т ед.ч. прил. м., с.р. // Д мн.ч. прил. **бѣ́глымь** **ѐді́немь** – **бѣ́глымъ** **мнѡ́гы҃** (л. 131 об.), **х҃рⷭ҇тїа́нымь** – **х҃рⷭ҇тїа́нымъ** (л. 143);

-имь // **-ымъ**: (1) Т ед.ч. прил. м., с.р. // Д мн.ч. (с исходом основы на к, г, х и мягкий согласный) **ти́химь** **ѐді́немь** – **ти́хымъ** **людѐ҃** (л. 141 об.), **а҆розрѧ́цимь** **ѐді́немь** – **а҆розрѧ́цымъ** **мнѡ́гы҃** (л. 141 об.); (2) И ед.ч. м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. наст. вр. **блажі́мь** **ѻ҆́** – **бл҃жы́мъ** **мы҃** (л. 131), **рѣшѝмь** **ѻ҆́** – **рѣшы́мъ** **мы҃** **ѐго** (л. 139);

-ыа // **-ыѧ**: Р ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р.=В мн.ч. м.р. прил. **до́брыа** – **дѡ́брыѧ** (л. 134 об.), **желе́мыа** – **желе́емыѧ** (л. 136);

-їа // **-ыѧ**: Р ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р.=В мн.ч. м.р. (с исходом основы на к, г, х и мягкий согласный) **до́лгїа** – **дѡ́лгыѧ** (л. 134 об.), **шепта́ющїа** – **шепта́ющыѧ** (л. 147 об.);

-аа // **-аѧ**: И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. прил. **бѣ́глаа** – **бѣ́глаѧ** (л. 134 об.), **разби́таа** **та҃** – **разби́таѧ** **ѡ҆ны҃** (л. 139);

-аа // **-ѧѧ**: И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. (с исходом основы на мягкий согласный) **бѣ́лѧщаа** – **бѣ́лѧщѧѧ** (л. 131), **да́лнаа** – **да́лнѧѧ** (л. 134).

Лишь в единичных случаях исключительно в формах омографов, дифференцированных на орфографическом уровне посредством акцентных знаков, представлено

одно и то же окончание: Р ед.ч. с.р. // И=В мн.ч. с.р. **ребра ѐдінаго** – **ре́бра на́шы** (л. 139); Д=М ед.ч. // И=В дв.ч. **ро́ѹцѣ ѐдінои** – **роу́цѣ на́шы** (л. 139 об.).

Поскольку достижение правильности церковнославянского языка составитель Буковницы связывает с устранением грамматической омонимии по числу, грамматическая синонимия признается им допустимой в том случае, когда она служит преодолению омонимии. Так, например, в грамматической позиции Р мн.ч. у существительных мужского рода с исходом основы на ц, заднеязычные и губные наряду со стандартной флексией **-ъ** также фиксируются флексии **-ѡвъ**/**-евъ**, которая также позволяют разграничить формы И ед.ч. // Р мн.ч. Таким образом, снятие омонимии осуществляется не только орфографическим способом, основанном на дистрибуции графем (И ед.ч. // Р мн.ч. **ь** // **ъ**), но и грамматическим, предполагавшим использование неомонимичных флексий (И ед.ч. // Р мн.ч. **ь** // **ѡвъ**/**евъ**): И ед.ч. // Р мн.ч. **жені́хь** // **жени́хъ** / **женихѡ́въ** (л. 136), **проповѣ́дателнїкь** // **прѡпѡвѣ́дателнїкъ** / **прѡпѡвѣ́дателнїкѡвъ** (л. 138); **ѐпкпь** // **ѐпкпъ** / **ѐпкпѡвъ** (л. 135); **бѣгле́ць** // **бѣгле́цъ** / **бѣглецѐвъ** (л. 131 об.), **ю҆нець** // **ю҆нецъ** / **ю҆нцѐвъ** (л. 151).

3. Если в трактате «**О̀ мнѡ́жествѣ і҆ о̀ ѐдінствѣ**», направленном на теоретическое обоснование принципа антистиха и призывающем к его соблюдению во избежание повреждений канонического текста, единичные пары омонимичных форм выступали лишь в качестве иллюстрации, в Буковнице, призванной внедрить орфографические оппозиции в практику книжного письма, грамматические омонимы являлись объектом систематизации и кодификации. Пары контрастирующих единиц представляются в Буковнице не изолированно, они объединены в своего рода формообразовательные (или словообразовательные) гнезда, на состав которых могут оказывать влияние частеречная принадлежность, словоизменительный тип, качество конечного согласного основы. Следует отметить, что в некоторых гнездах допускается отсутствие каких-либо членов.

Исследование показало, что в Буковнице насчитывается 942 подобных словарных гнезда, среди которых можно выделить пять основных структурных типов.

I. Существительные мужского рода и притяжательные прилагательные образуют шестичленные гнезда, включающие три пары оппозиций (всего 234 гнезда): [1] Т ед.ч. // Д мн.ч., [2] И ед.ч. притяж. прил. м.р. // Р мн.ч. сущ., [3] Т ед.ч. притяж. прил. // Д мн.ч. притяж. прил., например, [1] **ѕлодѣемь ѐдінемь** – **ѕлѡдѣ́емъ мнѡ́гы҃**, [3] **ѕлодѣевымь** – **ѕлѡдѣ́евымъ**, [2] **ѕлодѣевь ѻ҃** – **ѕлѡдѣ́евъ всѣ́хъ** (л. 137 об.); для

слов мужского рода с исходом основы на заднеязычные и губные согласные, в состав может включаться пара [4] И ед.ч. м.р. // Р. мн.ч. м.р.: [4] **жені́хь – жени́хъ**, [1] **жениха́мь – жениха́мъ**, [2] **жениха́вь – жениха́въ**, [3] **жениха́вымь – жениха́вымъ** (л. 136); для слов мужского рода с исходом основы на непарные по твердости/мягкости согласные в парадигме наблюдается вытеснение пары [3] оппозицией [5] Р ед.ч. м.р. // В мн.ч. м.р.: [4] **шве́ць сѐ – шве́цъ**, [5] **швецà того̀ – швецà**, [1] **швецемь ѐдїнем – швецемъ мнѡ́гы**, [2] **швецо́вь тѣ̀ – швецѡ́въ мнѡ́гы** (л. 147 об.).

II. Прилагательные (286 гнезд) и причастия (254 гнезда) образуют преимущественно гнезда, содержащие три оппозиции: [1] Т ед.ч. // Д мн.ч., [2] И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р., [3] Р ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р.=В мн.ч. м.р. [1] **бѣ́лымь ѐдінемь – бѣ́лымъ мнѡ́гымъ**, [2] **бѣ́лаа – бѣ́лаѧ**, [3] **бѣ́лыа сїà – бѣ́лыѧ ѿны̀** (л. 131); для действительных причастий настоящего и прошедшего времени к гнезду может присоединяться пара [4] И ед.ч. ж.р. // И мн.ч. м.р.: [1] **а҆лчющимь – а҆лчющымъ**, [2] **а҆́лчющаа – а҆́лчющѧѧ**, [3] **а҆лчющїа – а҆лчющыѧ**, [4] **а҆лчющи ѻна̀ ѐдіна – а҆лчюще ѿны̀** (л. 130); у страдательных причастий настоящего времени эта базовая структура может быть расширена за счет пары [5] И ед.ч. м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. наст. вр., например, [5] **достига́емь – достига́емъ**, [1] **достига́емымь – дѡстига́емымъ**, [2] **достига́емаа – дѡстига́емаѧ**, [3] **достигаемыа – дѡстига́емыѧ** (л. 134 об.); встречается лишь один случай, когда в парадигме представлена пара [4] И ед.ч. м.р. // Р. мн.ч. м.р. краткого прилагательного: [4] **бл҃гь гд҃ь – бл҃гъ**, [1] **бл҃гі́мь ѐди́ – мнѡ́гы҆ благі́мь** [!], [2] **бл҃га́а – бл҃га́ѧ**, [3] **бл҃гі́а сїа – бл҃гі́а сїà** [!] (л. 131).

III. Существительные женского рода образуют четырехчленные гнезда из двух пар (149): [1] И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р., [2] Р ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р.: [1] **темница ѻна̀ – темни́цѧ мнѡ́гы**, [2] **темни́ци тоа̀ – темни́цы** (л. 141 об.); [1] И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р., [2] Р ед.ч. ж.р. // Р мн.ч. ж.р. [1] **ѐпїсто́лїа – ѐпистѡ́лїѧ**, [2] **ѐписто́лїи – ѐпистѡ́лїи** (л. 135).

IV. Существительные среднего рода также входят в четырехчленные гнезда (14): [1] Р ед.ч. с.р // И=В мн.ч. с.р., [2] Т ед.ч. // Д мн.ч.: [1] **ю҆зи́лица ѐдінаго – ю҆зи́лицѧ**, [2] **ю҆зи́лицемь ѐдінем – ю҆зи́лицемъ** (л. 153).; в некоторых случаях пара [2] Т ед.ч. //

Д мн.ч. может отсутствовать: [1] Р ед.ч. с.р // И=В мн.ч. с.р.: **житїѧ** – **жытїѧ** (л. 136 об.); **ребра̀ ѐдінаго** – **ре́бра на́шы** (л. 139).

V. Притяжательные прилагательные с суффиксом *-ьj-*, и другие слова подобного словоизменительного типа (5): [1] И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р., [2] И=В ед.ч. м.р. // И мн.ч. м.р., [3] Т ед.ч. // Д мн.ч.: [1] **бж҃їа си́ла** – **бж҃ыѧ дѣ́ла**, [2] **бж҃їи** – **бж҃ыи**, [3] **бж҃їимь** – **бж҃ыимъ** (л. 131).

Основные типы парадигм могут быть объединены в более сложные структуры, среди которых выделяются две комбинации с именным ядром и одна с глагольным/причастным: а) комбинация с именным ядром (сущ. + прил.): сущ.: [1] Т ед.ч. // Д мн.ч., [2] И ед.ч. притяж. прил. м.р. // Р мн.ч. сущ., [3] Т ед.ч. // Д мн.ч. притяж. прил.; относ. прил.: [4] Т ед.ч. // Д мн.ч., [5] И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р., [6] Р ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р. (=В мн.ч. м.р.) относ. прил.: [1] **цр҃е́мь ѐдїнемь** – **цр҃емъ мнѡ́гы҆**, [2] **цр҃е́вымь ве҆лмо́жею** – **цр҃е́вымъ лю́де҆**, [3] **цр҃е́вь с҃нь** – **цр҃е́въ мнѡ́гы҆**, [4] **ц҃рьскїмь** – **ц҃рьскымъ**, [5] **ц҃рьскаа сїа̀** – **ц҃рьскаѧ вѡи́ства**, [6] **ц҃рьскїа тоа̀** – **ц҃рьскыѧ пола́ты** (л. 145); б) комбинация с именным ядром (отглагольные сущ. и прил. с суффиксом -**тѐлн**-): прил.: [1] Т ед.ч. // Д мн.ч., [2] Р ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р.=В мн.ч. м.р., [3] И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р.; сущ.: [4] И ед.ч. м.р.// Р. мн.ч. м.р., [5] Т ед.ч. // Д мн.ч., [6] И ед.ч. притяж. прил. м.р. // Р мн.ч. сущ., [7] И ед.ч. ж.р.// И=В мн.ч. ж.р., [8] Р ед.ч. ж.р. // И мн.ч. м.р.: [4] **проповѣ́дателнїкь** – **прѡпѡвѣ́дателнїкъ всѣ҆**, [1] **проповѣ́дателнїмь** – **прѡпѡвѣ́дателнымъ**, [5] **проповѣ́дателнїкомь** – **прѡпѡвѣ́дателнїкѡмъ**, [6] **проповѣ́дателнїковь ѻ҆** – **прѡпѡвѣ́дателнїкѡвъ**, [3] **проповѣ́дателнаа** – **прѡпѡвѣ́дателнѧѧ**, [2] **проповѣ́дателнїа** – **прѡпѡвѣ́дателныѧ**, [7] **проповѣ́дателнїца** – **прѡпѡвѣ́дателницѧ**, [8] **проповѣ́дателници** – **прѡпѡвѣ́дателницы** (л. 138); в) комбинация с глагольным/причастным ядром: дейст. прич.: [1] И ед.ч. ж.р. // И мн.ч. м.р. [2] Т ед.ч. // Д мн.ч., [3] И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р., [4] Р ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р.=В мн.ч. м.р.; страд. прич.: [5] И ед.ч. м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. наст. вр. [6] Т ед.ч. // Д мн.ч., [7] И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р., [8] Р ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р.=В мн.ч. м.р.: [5] **въсхвалѧ́емь ѻ҆нъ** – **въсхвалѧ́емъ мы҃**, [6] **восхвалѧ́емымь** – **въсхвалѧ́емымъ всѣ҆**, [8] **восхвалѧ́емыа** – **въсхвалѧ́емыѧ ѡ҆ны҃**, [7] **восхвалѧ́емаа сїа̀** – **въсхвалѧ́емаѧ мнѡ҆**, [1] **восхвалѧ́ющи ѻ҆** – **въсхвалѧ́юще мы҃**,

[2] **восхвалѧ́ющїмь** – **въсхвалѧ́ющымъ на҃**, [3] **восхвалѧ́ющаа** – **въсхвалѧ́ющѧѧ мы҃**, [4] **восхвалѧ́ющїа ѻ҆́ноа** – **въсхвалѧ́ющыѧ мы҃** (л. 132 об.).

4. Стратегия дифференциации омонимичных словоформ требовала однозначного определения их грамматических значений. Создатель Буковницы прибегает к следующим способам описания грамматической семантики. Во-первых, он дает собственно грамматические дефиниции «**ѥ҆ди́нство**» // «**мнѡ́жство**» в шапке таблицы киноварью на всех без исключения страницах словаря, ср. л. 134 об.

ѥ҆ди́нство	мнѡ́жство
достига́емымь	дѡстига́емымъ
достига́емаа	дѡстига́емаѧ
достигаемыа	дѡстига́емыѧ
достиѩ́ющи	дѡстиѩ́ющіе
достизающаа	дѡстиза́ющѧѧ
достизающїа	дѡстиза́ющыѧ
досто́инымь	дѡстѡ́инымъ

Во-вторых, для многих словоформ – 2952 из 4820 (61%), в том числе 1610 (67%) для форм единственного числа и 1342 (56%) для форм множественного числа, – использован контекстуальный способ семантизации: форма приводится не изолированно, а в расширенном контексте, в составе словосочетания, содержащего ощутимые опоры – грамматические конктретизаторы-распространители, позволяющие установить ее грамматическое значение. Среди таких грамматических конкретизаторов-распространителей безусловно доминируют (2748 из 2952, 93%) местоимения (**ѻ҆**, **ѻ҆на҃**, **ѻ҆́ноа**, **ѻ҆́ного**, **ѻ҆нѣ́мь**, **сѝ**, **сего҃**, **сїа҃**, **си́м**, **тъ̀**, **то҃**, **та҃**, **того҃**, **тоа҃**, **мы҃**, **на́мъ**, **мои҃**, **на́шы**, **на́шы҃**, **на́шы҃**, **тѣ̀**, **тѣ҃**, **тѣ́**, **ѡ҆́ны**, **и҆́мъ**, **вса҃**, **всѣ̀**, **всѣ́мъ**, **всѣ́хъ**) и слова с количественным значением (**ѥ҆ди́нь**, **ѥ҆ди́на**, **ѥ҆ди́наго**, **ѥ҆ди́немь**, **ѥ҆ди́ноа**, **мнѡ́га**, **мнѡ́гы**, **мнѡ́гыѧ**, **мнѡ́гаѧ**, **мнѡ҃**, **мнѡ́жна**, **мнѡ҃наѧ**, **мнѡ́жны**). Ср. Т ед.ч. // Д мн.ч. **жела́телемь** **ѥ҆ди́нем҃** – **жела́телемъ** **всѣ́м҃** (л. 136); И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. ж.р. **трꙋдолю́бица** **та҃** – **трꙋдолю́бицѧ** **мнѡ́гы** (л. 141 об.). К остальным 7% относятся суще-

ствительные (**вѡни́ства**, **вѣ́ра**, **вѣ́сть**, **гла́с**, **гла́сом**, **гласы̀**, **гла́сѡмъ**, **гдⷭ҇ь**, **гро́б**, **две́ремъ**, **дѣ́ла**, **ѣ҆́стемъ**, **зра́ком**, **кр҇то́м**, **лю́ди**, **лю́демъ**, **мѡ́цы**, **мѣ́ста**, **недꙋ́гомь**, **недоу́ты**, **нра́вы**, **пола́ты**, **рабо́мь**, **рабѡ̑**, **роука́мъ**, **срⷣцемь**, **си́ла**, **си́ламъ**, **си́лы**, **слѡвеса̀**, **сосоу́дѡ̑**, **сѡсоу́ды**, **стра́сть**, **страстѐ**, **сы́нь**, **та҇і́на҇**, **оу҆чи́цы̀**, **ѿцемъ**, **ѿцы**, **чл҃кь**, **чл҃комь**, **чл҃цы**, **чины̀**, **ꙗ҆зы́ком**), с которыми согласуются описываемые словоформы прилагательных и причастий, благодаря чему достигается конкретизация по роду: И ед.ч. ж.р. // И=В мн.ч. с.р. **рѣ́чнаа** **стрꙋ̀а** **ѣ҆ді́на** – **рѣ́чнаѧ** **оу҆стрѣмле́нїѧ** (л. 139); Т ед.ч. // Д мн.ч. (м.р. и с.р. → м.р.) **фео́филовымь** **чл҃ком** – **феѳ́филѡвымъ** **лю́дѣ҇** (л. 148 об.).

Использованные в Буковнице грамматические конкретизаторы-распространители составляют в общей сложности 1185 оппозиционных пар, самыми частотными среди которых являются следующие оппозиции: **ѻ҆́нъ** – **мы҇** (всего 103) для различения И ед.ч. ж.р. // И мн.ч. м.р. дейст. прич. (63) и ед.ч. м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. наст. вр. (40), например, И ед.ч. ж.р. // И мн.ч. м.р. дейст. прич. **въсхвала́емь** **ѻ҆́нъ** – **въсхвала́емъ** **мы҇** (л. 132 об.), И ед.ч. м.р. страд. прич. // 1 л. мн.ч. наст. вр. **бл҃годари́мь** **ѻ҆** – **бл҃гѡдари́мъ** **мы҇** (л. 131); **ѣ҆ді́нем** – **мнѡ́гы҇** (всего 88) для маркирования грамматической семантики омонимов Т ед.ч. // Д мн.ч. сущ. (51) и прил. (37), например, Т ед.ч. // Д мн.ч. **а҆́гг҃еломь** **ѣ҆ді́немь** – **а҆́гг҃елѡмъ** **мнѡ́гымъ** (л. 130), **бѣ́лымь** **ѣ҆ді́немь** – **бѣ́лымъ** **мнѡ́гымъ** (л. 131).

Прослеживаются определенные предпочтения составителя словаря при выборе помет для отдельных словоформ. В частности, при определении грамматического значения формы Р ед.ч. ж.р. доминируют (92%) формы **еа̀**, **ѻ҆́ноа** и **тоа̀**, среди которых для прилагательных чаще используется **еа̀**, а для существительных – **тоа̀**. Ср.:

	словоформ всего	помет нет	помет всего	**еа̀**	**ѣ҆ді́ноа**	**ѻ҆́ноа**	**тоа̀**	**сїа̀**
Р ед.ч. ж.р. прил.	272	72	200	81	10	48	55	6
Р ед.ч. ж.р. страд. прич.	82	17	65	20	1	19	25	0
Р ед.ч. ж.р. дейст. прич.	120	42	78	29	3	32	14	0
Р ед.ч. ж.р. сущ.	142	34	108	4	14	39	51	0
Р ед.ч. ж.р. прит. прил.	1	0	1	0	0	1	0	0

всего	617	165	452	134	28	139	145	6

Для конкретизации грамматической семантики форм Р мн.ч. существительных мужского рода автор предпочитает распространители **всѣ́хъ** и **мнѡ́гыхъ**, которые составляют 91% использованных помет. Ср.:

	словоформ всего	помет нет	помет всего	**всѣ́хъ**	**мнѡ́**	**мнѡ́гыхъ**	**мнѡ҃**	**мои҃**	**на́шы҃**	**сѝ**[!]	**тѣ҃**
Р мн.ч. сущ. м.р.	259	55	204	69	1	117	2	1	5	1	8

Подведем итоги проведенного нами исследования. Принцип отбора языкового материала Буковницы 1592 г., его структурная организация по наиболее важным для системы церковнославянского языка категориям, введение элементов современного лингвистического словаря – грамматических помет для семантической дефиниции, наконец, кодификация орфографических оппозиций и внедрение их в практику письма – все это, несомненно, определяет значение Буковницы 1592 г. как важнейшего памятника грамматической нормализации и отражает развитие грамматического подхода к книжному языку.

Вместе с тем сам факт появления грамматического словаря такого рода со всей очевидностью свидетельствует, что ключевой проблемой славянской лингвистической рефлексии с XVI в. являлась дифференциация омонимичных форм. Впоследствии на решение этой же проблемы посредством реализации принципа антистиха будет нацелена и нормализация церковнославянского языка в аналитических грамматиках Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого.

Список литературы

Аксенова Е.А. Важный памятник средневековой грамматико-лексикографической традиции (текстологический и акцентологический анализ) // Советское славяноведение. 1981. № 1. С. 66–77.

Живов В.М. Буковница 1592 г. и ее место в истории русской грамматической мысли // The Language and Verse of Russia / In Honor of Dean S. Worth. M., 1995. С. 291–303 (UCLA Slavic Studies. New Series. Vol. II).

Инь Сюй. Особенности реализации принципа антистиха в Буковнице 1592 г. // Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный научный симпозиум: Труды и материалы. М., 2016, С. 89–91.

Кузьминова Е.А. Антистих // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 549–553.

Кузьминова Е.А. Принцип антистиха в славянской грамматической традиции // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 5. С. 36–55.

Кузьминова Е.А. «Словарь трудностей» церковнославянского языка XVII века // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2016. № 2. С. 40–50.

Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Т. 1. СПб., 1885–1895. 1067 с.

Сведения об авторе: *Инь Сюй,* аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: andreiyin2014@yandex.ru.

А.И.Плотникова

Значения местного падежа у существительных мужского рода в русском языке XVII века: факторы выбора окончания -*ѣ* или -*у*

Данная статья посвящена вопросу о влиянии фактора значения падежа на присоединение окончания -*ѣ* или -*у* существительными мужского рода единственного числа в русском языке XVII века. Обычно предполагается, что существительные, выступающие в тексте в собственно локализующем значении местного падежа, чаще принимают нестандартное окончание, чем существительные, имеющие какое-либо иное значение местного падежа. Для того чтобы проверить, действительно ли фактор значения падежа имеет большое влияние на выбор окончания, необходима четкая классификация значений местного падежа в деловых документах, попытка создания которой представлена в статье. Анализ материала деловых текстов XVII века на основе созданной классификации показывает, что впечатление значимости падежного значения для выбора окончания основано лишь на численном преобладании контекстов местного падежа со значением локализации, и в этом значении выступают как существительные с окончанием -*у*, так и существительные со стандартным окончанием -*ѣ*.

Ключевые слова: местный падеж, значение падежа, единственное число, существительные мужского рода, нестандартное падежное окончание.

This article is devoted to a question of influence of the case meaning factor on the inflection (-*ѣ* or -*у*) choise by singular masculine nouns in the Russian language of the 17th century. Linguists investigating this question propose, that nouns in locative case, which have actual meaning of location, choose inflection -*у* more often, then nouns with other locative case meanings. To verify this statement, we should have a strict classification of locative case meanings in the business documents; an attempt to create such classification is presented in this article. Analysis of the Russian business texts of the 17th century displays, that the impression of significance of the case meaning for the inflection choise is based only on the fact, that the contexts of actual location meaning numerically prevail over all other contexts of the locative case, so the nouns with standard inflection in such contexts prevail as well as the nouns with non-standard inflection.

Key words: locative case, case meaning, singular masculine nouns, non-standard inflection, history of the Russian language.

В современном русском языке многими исследователями наряду с предложным падежом выделяется «второй предложный» падеж (местный, локатив), который имеет значение пространственной локализации и фор-

мальное выражение (у существительных мужского рода в единственном числе) в виде ударного окончания *-у*: *говорить о шка́фе,* но *прятать в шкафу́* (подробнее см.: [Зализняк, 1967: 36–44]). Появление данного окончания в современном предложном падеже у слов второго склонения (мужского рода) объясняется процессом унификации типов склонения на -ŏ и на -ŭ, происходившим еще в праславянскую эпоху. Вариативность окончаний *-ѣ* и *-у* для местного падежа мы видим и в древнерусском языке.

И уже на материале древнерусского языка можно заметить, что окончание *-у* принимают не только те существительные мужского рода, которые в праславянскую эпоху относились к склонению на -ŭ (*в ве*^{р}*ху* № 238, л. 1, *у себя в дому* № 186, л. 3 [Пам. Влад.]), но и многие существительные с изначальной ŏ-основой (*въ снегу* № 194, л. 5., *в лугу* № 77, л. 8 [Пам. Влад.]). Таким образом, окончание *-у* «проникло» в парадигму ŏ-склонения, но присоединяли его не все существительные. Точно так же не все существительные исходной *ŭ-основы охотно присоединяли окончание *-у*, для данного типа основы стандартное, делая выбор в пользу окончания *-ѣ*, стандартного для основ на *-ŏ.

Был установлен ряд факторов, которые могли бы обусловливать присоединение словом окончания *-у*, среди них – значение падежа: окончание *-у* считается более характерным для форм со значением временной или пространственной локализации [Ломоносов, 1755: 85], [Кузнецов, 2005: 74], [Хабургаев, 1990: 99, 101–102]. Этот фактор принято связывать еще с одним фактором: сочетание с предлогами *в* и *на* также говорит о большей вероятности выбора нестандартного окончания [Ломоносов, 1755: 85], [Шахматов, 1957: 250], [Кузнецов, 1959: 21].

На первый взгляд может показаться, что эти критерии следовало бы объединить в один, поскольку именно со значением локализации чаще всего и сочетаются предлоги *в* и *на*. На это указывает, например, В.В. Виноградов: «Большинство русских грамматистов (А.А. Шахматов, В.А. Богородицкий, А.М. Пешковский и др.) различает в том, что школьная грамматика называет предложным падежом, два падежа: изъяснительный (по терминологии проф. Богородицкого): *о доме*, *о лесе* (ср. *тосковать по лесе*), и местный (с предлогами *в* и *на*: *в углу*, *в лесу*, *на дому* и т.п.; *в грязи*, но ср. *о грязи* и т. п.)» [Виноградов, 1947: 172]. Предлоги, по мнению В.В. Виноградова и других исследователей, стали падежными префиксами и являются показателями изъяснительного (предлоги *о, про, по*) или местного (предлоги *в, на*) падежных значений [Виноградов, 1947: 172]. Таким же образом академическая «Грамматика русского языка»

(1954) рассматривает значения предложного падежа в сочетании с предлогами и с группами глаголов или имен, управляющими предложно-падежной формой [АГ, 1954: 127–131]. В.Н. Топоров, предлагая свою классификацию значений местного падежа в древнерусском языке, также исходит из сочетаемости с предлогом [Топоров, 1961: 37–81].

Однако в древнерусском языке можно обнаружить множество контекстов с предлогами *в* и *на* без локализирующего значения, например *в грабежу дана очная ста*^{е}*ка* № 194, л. 3 (=очная ставка по делу о грабеже), *робята стали на во*^{з}*расте* № 224, л. 5об. (=достигли определенного возраста), *на <...> попѣ велѣ*^{л} *взе*^{т} №301 л.45об. (взять у попа) [Пам. Влад.], *кабала в рубле* №283 (=по поводу операций с рублем), *все их на том хлѣбе 14 человек* №244 (=тем хлебом питаются 14 человек) [Пам. Смол.]. Данные примеры многочисленны и разнообразны, и часто им нельзя однозначно приписать изъяснительное или локализирующее значение. Многообразие примеров с окончанием *-у* вне изъяснительного или собственно местного контекстов (*грамоту в Серякове долъгу* № 85, л. 36 об., *пристави*^{л} *к тебѣ <...> Паве*^{л} *в бою и в грабежу чл*^{в}*ка своего* №260, л. 5; № 261, л.6 [Пам. Влад.], *Иван в моем иску <…> дал на себя кабалу* № 99, *поручилися <…> по смолянину по Пятре по Офонасеве сыне Бошмокове* № 159 [Пам. Смол.], *бы*^{л} *я <…> на пиру пья*^{н} №21 л.87, *вели <…> в грабежу <…> да*^{т} *су*^{д} №113 л.218 [Южн. Чел.]) говорит о необходимости создания более подробной классификации значений древнерусского местного падежа для возможности сделать определенные выводы о работе семантического критерия при принятии или непринятии словом окончания *-у*.

Местный падеж древнерусского языка, как и предложный падеж современного русского языка, отличается семантической неоднородностью. Формы предложного падежа делятся на приименные и приглагольные; приглагольные формы предложного падежа могут иметь изъяснительное (*размышлять о науке*), определительное (*состоял в помощниках*) и обстоятельственное (*читать при лампе*) значение, а приименные – определительное (*статья о науке*). Локатив же выделяется как дополнительный падеж с категориальным значением обстоятельства [СРЛЯ, 2009: 465–466]. Классификацию значений местного падежа в древнерусском и старорусском языке предлагает В.Н. Топоров (на материале летописей, Русской Правды, некоторых древнерусских повестей, сказаний, житий, Домостроя с привлечением материалов русских диалектов), однако в исследованном нами материале XVII в. не все примеры можно соотнести с

примерами, приводимыми им, а также многие группы значений, выделяемые в его работе [Топоров, 1961: 37–81], в исследованном материале обнаружены не были.

Для анализа материала деловых текстов XVII в., конечно, нельзя использовать существующие классификации значений предложного (местного) падежа, не внеся в них изменений, поскольку местный падеж того времени обладает семантикой, которая отличается как от современного русского языка, так и от языка XI–XIV в.; как можно заметить из приведенных выше примеров, она была богата и разнообразна.

На основании исследования деловых текстов XVII в. трех диалектных зон (среднерусской, западнорусской и южнорусской – [Пам. Влад.], [Пам. Смол.], [Южн. Чел.]) мы попытались создать классификацию значений местного падежа в деловых текстах, взяв за основу современные принципы классификации и добавив туда группы значений, которые для современного языка уже не характерны; многие из них описаны В.Н. Топоровым. Данные группы значений для текстов XVII в. выделяются четко и обладают повторяемостью. Далее мы приведем примеры контекстов из подобных групп и на их основании сформулируем классификацию значений местного падежа.

Как и в современном русском языке, в языке текстов XVII в. ясно выделятся изъяснительное (приглагольное) значение: *поговоря <...>о <...> огоро^де^* № 89, л. 108об. [Пам. Влад.], *бити челом о суде* № 86, *бил челом <...> о сыску* № 101 [Пам. Смол.], *проша^л^ <...> у нево милости о свое^м^ брате* №161 л.68, *би^л^ чело^м^ а праве^д^но^м^ су^ду^* № 24, л. 469 [Южн. Чел]. Данные контексты, как правило, предполагают глаголы речи: *говорить, просить, бить челом*. В.Н. Топоров называет это значение темой глагольного действия [Топоров, 1961: 47].

В анализируемых текстах часто встречаются следующие приглагольные конструкции: *<u>приставиа^л^</u> к тебѣ <...> Паве^л^ <u>в бою и в грабежу</u> чл^в^ка своего* № 260, л. 5; № 261, л. 6 (=по обвинению в драке и грабеже / из-за драки и грабежа), *<u>приведены</u> <...> кре^с^тья^н^ка <...> кре^с^тьянинъ <...> <u>в по^д^говоре</u>* №218, л. 1. (= приведены по обвинению в подговоре/ из-за подговора) [Пам.Влад], *<u>въ ковтане</u> <...> <u>не бити челом</u>* № 168 (=по поводу кафтана ничего не просить), *Иван <u>в</u> моем <u>иску</u> <...> <u>дал</u> на себя кабалу* № 99 [Пам. Смол.] (=из-за моего иска/ по моему иску/ вследствие моего иска), *<u>в</u> ысцове <u>иску</u> <...> <u>посылал</u>* №148 л.491 (=из-за иска посылал), *<u>в</u> бое <...> <u>да^л^</u> <...> на паруки* №116, л. 630 (=по причине драки/ из-за драки) [Южн. Чел.]. Значение данных конструкций можно назвать при-

чинным, поскольку существительное в местном падеже является причиной или поводом для совершенного действия. В.Н. Топоров, говоря о приписывании исследователями «значения источника действия (темы, причины)» подобным конструкциям, не соглашается с выделением данных значений в самостоятельную группу, поскольку это значение развилось у локатива с предлогом *в* довольно поздно (не ранее XV в.) и связывается В.Н. Топоровым с развитием конструкции локатива с предлогом *в* со значеним сферы деятельности [Топоров, 1961: 73]. Однако материал деловых документов демонстрирует большую употребительность и повторяемость подобных конструкций и приписать им какое-либо иное значение трудно. Подобные же конструкции встречаются и в приименной позиции: *взять* <...> *в ыску* <...> *в мерине* № 176, л. 2, 3 (иск по поводу мерина/ из-за мерина), *челоби*^{т}*ная* <...> *в поклепе* № 129, л. 79 [Пам. Влад.], *сыскати* <...> *по портномъ мастере* <...> *запис* № 201, *кабала* <...> *в рубле* № 283 [Пам. Смол.], *грамату в то*^{м} *мое*^{м} *живатѣ* № 64, л. 471, ^{в} *бе*^{г}*ло*^{м} *моемъ крестьянине да*^{т} <...> *грамоту* № 51, л. 28 [Южн. Чел.]. Однако данные примеры приименного употребления, скорее, имеют определительное приименное значение, поскольку форма местного падежа отвечает на вопрос *какой?* и соотносится с современным сочетанием с предлогами *о* или *про*: *грамота в моем животе* = грамота (какая?) в моем животе (о моем имуществе); челобитная (какая?) в поклепе (о поклепе). Однако стоит заметить, что в обоих подзначениях в некоторых контекстах можно увидеть свернутые пропозиции, например, ^{в} *бе*^{г}*ло*^{м} *моемъ крестьянине да*^{т} <...> *грамоту* № 51, л. 28 [Южн. Чел.] = грамота по поводу того, что у меня убежал крестьянин. Но во многих случаях восстановление полного контекста представляется затруднительным: *кабала* <...> *в рубле* № 283 [Пам. Смол.] (непонятно, о каких операциях с рублем идет речь: выдача рубля в долг, возвращение долга и т. д.).

Определительное (приименное значение) формируют, помимо указанных выше, следующие примеры: *образ* <...> *в окла*^{де} № 196, л. 1, *проволоки полотняные на клею* № 243, л. 97 [Пам. Влад.], *складни на кипарисе* № 283, *да*^{т} <...> *грамату по ни*^{х} *а бешестью* ^{г}*дрь моему и увѣчью* № 44, л. 553, *би*^{л} *чело*^{м} <...> *о* <...> *грамоте о паваротѣ* № 87, л. 251 [Южн. Чел.]. Во всех данных контекстах от существительного, управляющего рассматриваемой предложно-падежной формой, мы можем задать вопрос *какой?*: образ (какой?) – в окладе, проволоки (какие?) – на клею. Здесь мы видим обыкновенное несогласованное определение.

Возможно, к предыдущей группе примыкает и группа примеров следующего типа: *при новомъ оцѣ игумене <...> книги прихо^д^ные* № 87, л. 2, 14 (=книги, [которые были написаны] при новом отце игумене), *за Ма^р^ею <...> на прожи^т^ке старого мужа* № 1, л. 6 (=за Марьею, [которая находится / живущей] на прожитке старого мужа), *де^р^жю сирота на о^б^роке<...> ме^л^ницу* № 205, л. 31 (=я, сирота, [находящийся] на оброке, держу мельницу), *что есть на ко^м^ твои^х^ днгъ в до^л^гу* № 302, л. 46 (=у кого сколько твоих денег [есть / имеется] в долгу) [Пам. Влад.]. Во всех данных примерах мы видим сочетание предложно-падежной формы с именем: *Марья на прожитке, книги при отце игумене, сирота на оброке, деньги в долгу*. Предложно-падежная форма является ответом на вопрос *какой?* или *какой именно / который*?, то есть речь идет опять же о несогласованном определении или уточнении информации, но в этой характеристике очевиден пропуск некоторой информации, в отличие от примеров чисто определительного значения: *Марья на прожитке, книги при игумене // Проволоки на клею, грамота о повороте*, − в первых двух примерах не хватает информации о действии или предиката-связки с бытийным значением. Значение падежа в данной группе примеров можно также назвать определительным, поскольку форма местного падежа определяет предмет в виде свернутого описания ситуации.

Е.В. Клобуков выделяет определительное приглагольное значение предложного падежа: *Иван состоял в помощниках = был помощником* [ССРЛЯ, 2009: 456]. В рассматриваемых нами текстах также можно выделить группу примеров с подобным значением, в нее входят случаи, где существительное в местном падеже, как правило, является частью предиката (при глагольной связке, которая может быть и нулевой) и данное существительное нельзя опустить без ущерба для текста (в отличие от обстоятельственного приглагольного употребления), например: *Он состоял в помощниках – *Он состоял* (предложение неполное, предложно-падежная форма является частью предиката) *// Он читал при лампе – Он читал* (предложение не кажется неполным, значит, форма является обстоятельством при глаголе). В исследуемых текстах можно обнаружить следующие примеры, в которых существительное в местном падеже является частью предиката: <u>*стою*</u> *<...> в де^н^* <u>*на правеже*</u> *а ^в^ но^ч^ за реше^т^кою* № 216, л. 51, <u>*в приво^де^*</u> *они* <u>*были*</u> № 218, л. 1, *с ни^м^* <u>*в то^м^ уби^в^стве*</u> *и* <u>*в заговоре*</u> *ины^х^ каки^х^ люде^и^* <u>*было*</u> № 131, л. 4 [Пам. Влад.], <u>*не будет*</u> *меня* <u>*в животе*</u> № 99, *которыя са мною* <u>*в выбаре*</u> № 22 (связка опущена), <u>*в полону не был*</u> № 75 [Пам. Смол.]. В.Н. Топоров приводит примеры подоб-

ных конструкций с предлогом на («*а на отводѣ были* Отводн. Алекс. Ник. 1392–1427 гг. акты, 9; *будет ли сталъ на разбои* Р. Пр. Простр. ред., ст. 5 и др.»), приписывая им значение состояния при существительных, выражающих чувство, душевное состояние, положение, должность и т. д. [Топоров, 1961: 77–78]. Однако в подобных конструкция важно то, что значение глагола, при котором находится существительное, ослабляется (*стою на площади* VS *стою на правеже*) или же существительное выступает при глаголе-связке *быть*, которая нередко опускается. Поэтому представляется целесообразным не классифицировать данные примеры в зависимости от значения отдельных существительных, а на основании синтаксических характеристик выделить эти примеры в особый случай, когда конструкция с локативом входит в предикат.

Особую группу составляют примеры, в которых существительное в местном падеже относится к сказуемому и имеет, скорее, обстоятельственное значение (это близко приглагольному обстоятельственному значению по классификации Е.В. Клобукова): *при сыщике в сыску не бы*^{л} № 159, л. 164. (=когда сыщик приехал и допрашивал других), *в то*^{и} *тадбѣ* <...> *при не*^{м} *попѣ Феодоре не винился* № 238, л. 1. (=в присутствии попа), *в допросе сказали* № 135, л. 205 (=когда происходил допрос), *во снѣ ему яви*^{л}*ся ста*^{р} *чл*^{в}*къ* № 126, л. 55 (=когда он спал), *в обыску сказа*^{ли} № 106, л. 5 (=когда был обыск) [Пам. Влад.]; *писала* <...> *при отце* № 224 (=в присутствии отца), *слышал* <...> *в разговоре* № 54 (=в ситуации разговора), *были на делу третие* № 224 (=когда происходил раздел), *в сыску* <...> *сказали* № 178 (=когда происходил сыск) [Пам. Смол.]; *или у нево в томъ* <...> *зажеге хто бы*^{л} *в думе* № 140, л. 52 (=когда он устроил поджег), *убили на ро*^{з}*бое* №6 л.656 (=в ситуации разбоя), *бы*^{л} *я* <...> *на пиру пья*^{н} № 21, л. 87 (=когда был пир), *ста*^{л} *в делу хитри*^{т} № 24, л. 469 (=в ситуации раздела) [Южн. Чел.]. Все существительные в подобных примерах с предлогами *на* и *в* соотнесены с глаголом (*сыскъ, обыскъ, дѣлъ, пиръ, разговоръ, допросъ, расспросъ, судъ, сходъ* и т. п.) и подразумевают некую ситуацию, которая существительным может быть описана, а существительные в конструкциях с предлогом *при* обозначают лицо, в присутствии которого происходит действие. Поэтому мы не можем приравнять данные контексты к временной или пространственной локализации, поскольку существительные данных контекстов предполагают ситуацию целиком: и место, и время, и участников ситуации. Так, в примере *писала при отце* сочетание *при отце* передает ситуацию «отец присутствует», а не является только обстоятельством времени (= во вре-

мя присутствия отца) или места (= находясь рядом с отцом). Однако В.Н. Топоров считает, что в ряде случаев подобная конструкция с предлогом *при* «тесно связана с локативными конструкциями с предлогом *при* во временном значении» [Топоров, 1961: 63]. Все же подобные примеры стоит отличать от временных локализующих контекстов с одушевленными существительными: *дѣланы при князе Василье* № 230 [Пам. Смол.] и *при сыщике в сыску не бы*^{л} № 159, л. 164 [Пам. Влад.]. В первом примере мы видим временную локализацию (во время правления князя Василия), а во втором – ситуацию приезда сыщика и проводимого им расследования. Данная группа контекстов велика и однородна, ее можно было бы назвать *старорусским ситуативом* (здесь мы видим значение обстоятельств, при которых совершается действие).

Небольшая группа примеров с существительными в предложном падеже может соотноситься с родительным падежом в отложительном значении: *на* <...> *попѣ велѣ*^{л} *взе*^{т} № 301, л. 45об. (=взять у попа/ взыскать с попа), *на* <...> *попе* <...> *не имыва*^{л} № 319, л. 64 (=не взыскивал с попа), *деньгами которые есть на* <...> *попѣ* № 186, л. 15 (=которые есть у попа), *по два ру*^{б}*ли на чл*^{в}*ке* № 136, л. 198 (по два рубля у каждого человека) [Пам. Влад.]. Первые два примера по смыслу совпадают с латинским ablativus separationis, это значение в русском языке входит в группу значений родительного падежа как отложительное. Поэтому данное значение местного падежа можно было также назвать отложительным из-за их смыслового подобия. Кроме того, здесь четко прослеживается разница значений контекстов с одной и той же предложно-падежно формой: *узнала на нем на попе на Василе свою шубу* №101 [Пам. Смол.] (шуба действительно находилась на попе, значение локатива) и *на* <...> *попѣ велѣ*^{л} *взе*^{т} № 301, л. 45об [Пам. Влад.] (значение аблатива). Можно сказать, что в данных случаях мы наблюдаем пример конкуренции падежей (родительный / местный): *взять у попа (с попа) / взять на попе*. В.Н. Топоров, ссылаясь на А.Д. Григорьеву, указывает, что «локатив с предлогом *на* от имен, обозначающих названия плательщиков, должников и т. д., при глаголах *брать, взять, (по)имать, искать, получать, докончать* и т. д. приобретает значение ‘источника объекта’» и преобладает над конструкцией с родительным падежом с предлогом *с* [Топоров, 1961: 79].

В языке текстов XVII в. есть и другой случай принятия местным падежом функции, которая в современном языке ему не свойственна. Это группа примеров, в которых существительное в местном падеже обозначает объект действия. Объектное значение могут иметь как приименные,

так и в приглагольные формы: *поручили*^{с} *есми по* <...> *иконопи*^{с}*це* № 243, л. 96, *поручилиса* <...> *по кр*^{с}*тьянине* № 242, л. 9, *по*^{ру}*кою* <...> *по то*^{м} *свое*^{м} *дворѣ* № 90, л. 867об., 870об., 881об., 898 [Пам. Влад.]; *поручилис* <...> *по* <...> *козаке* № 186, *поручилися* <...> *по смолянину по Пятре по Офонасеве сыне Бошмокове* № 159 [Пам. Смол.]. Как можно заметить, все приведенные примеры (как и вообще все найденные в текстах) в качестве действия по отношению к объекту предполагают поруку и соответствуют современному сочетанию глагола *поручиться* с винительным падежом и предлогом *за*: *поручились по иконописце = поручились за иконописца*. Возможно, в данном случае стоит предполагать особенность управления глагола *поручитися* в XVII в. В любом случае эту обширную группу примеров стоит исключить из примеров с собственно местным значением.

Как и в современном русском языке, в текстах XVII в. встречаются контексты местного падежа со значением коллектива, внутри которого совершается действие: *броди*^{т} *в мире* № 78, л. 7, *ко*^{р}*митца в мире* №77, л. 15, 63, *старецъ Ва*^{с}*янъ что в мире бы*^{л} *Васка Микифоро*^{в} № 89, л. 122об., *во свѣте* № 243, л. 96, *земля* <...> *у на*^{с} *у все*^{м} *миру в* <...> *о*^{б}*роке* № 133, л. 1. Данные примеры указывают не на место (то есть значение не локализующее), а на группу людей, следовательно, данное значение можно назвать «коллективным». В.Н. Топоров также выделяет подобные примеры в особую группу, не давая подобным конструкциям названия [Топоров, 1961: 62].

Таким образом на основании примеров из исследованного материала можно предложить следующий составить список значений местного падежа в XVII в.:

I. Часть предиката: *в полону не был* № 75.

II. Нелокализующие значения:

1) изъяснительное (приглагольное) / «тема глагольного действия»: *бити челом о суде* № 86;

2) причинное (приглагольное)/ «значение источника действия»: *в бое* <...> *да*^{л} <...> *на паруки* № 116, л. 630;

3) отложительное (приглагольное): *на* <...> *попѣ велѣ*^{л} *взе*^{т} № 301, л. 45об.;

4) «старорусский ситуатив»: *в обыску сказа*^{ли} № 106, л. 5;

5) определительное приименное: *грамату в то*^{м} *мое*^{м} *живатѣ* № 64, л. 471, *образ* <...> *в окла*^{де} № 196, л. 1, *при новомъ оцѣ игумене* <...> *книги прихо*^{д}*ные* № 87, л. 2, 14;

6) коллективное: *броди*[т] *в мире* № 78, л. 7;

7) значение объекта при глаголе *поручитися* и существительном *порука*: *поручилиса <...> по кр*[с]*тьянине* № 242, л. 9.

III. Локализующие значения:

1) местное: *сидел в саду* № 167;

2) временное: *сидели в вечеру с великим береженьем* № 66.

Выделение нелокализующих контекстов (несмотря на наличие в них существительного с предлогами *в* и *на*) из материала исследования помогает четко обозначить границу собственно локализующего значения, что важно для проверки влияния семантического критерия на принятие существительным нестандартного окончания. Распределение окончаний в выделенных контекстах (на общем материале трех групп памятников) выглядит так (нижнее число, под процентом, показывает фактическое число словоформ в данном контексте с соответствующим окончанием):

	изъяснительное	причинное	аблатив	др.-рус. ситуатив	предикат	определение	коллектив	объект	время	место
-ѣ	80% 16	30% 3	87% 13	75% 36	85% 17	83% 34	60% 3	92% 12	71% 20	74% 150
-у	20% 4	70% 7	13% 2	25% 12	15% 3	17% 7	40% 2	8% 1	29% 8	26% 54

Как можно заметить, среди примеров с собственно местным значением окончание *-у* присоединяет всего 26% слов, это 54 из 150 слов. Конечно, если не учитывать процентное соотношение, нетрудно убедиться, что 54 примера с нестандартным окончанием численно превосходят соответствующие примеры других значений, даже взятых вместе. Возможно поэтому создается впечатление, что именно среди контекстов собственно местного значения окончание *-у* преобладает. Расчет процентного соотношения подобных примеров и примеров со стандартным окончанием показывает, что данное впечатление основано лишь на том, что для местного падежа самым частотным значением является собственно местное, а значит, в контексте данного значения в целом больше примеров, чем в остальных контекстах, причем как примеров с окончанием *-у*, так и со стандартным окончанием.

Следовательно, нет оснований считать, что семантический критерий сам по себе важен для присоединения к основам древнерусских сущест-

вительных мужского рода в формах предложного падежа окончания *-у*. О необходимости комплексного анализа факторов говорят, например, цифры из контекстов аблатива и объектного значения: там показатель принятия окончания *-у* самый маленький: 13% и 8% соответственно. Объясняется же это тем, что в данных контекстах выступают в основном одушевленные существительные, которые принимают нестандартное окончание очень редко (*искала на брате* № 101, *поручилис* <...> *по* <...> *козаке* № 186 [Пам. Смол.]). Это говорит о необходимости включения классификации значений местного падежа в более разветвленную, многоуровневую, классификацию факторов, которые могут влиять на выбор окончаний.

Список литературы:

АГ 1954 – Грамматика русского языка. М., 1952–*1954*.

Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб., 1755.

Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.

Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.

Кузнецов П.С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.

Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 2005.

СРЛЯ 2009 – Современный русский литературный язык: Новое издание: Учеб. / Под ред. П.А. Леканта. М., 2009.

Топоров В.Н. Локатив в славянских языках. М., 1961.

Хабургаев Г.А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.

Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.

Источники и сокращения:

Пам. Влад. – Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984.

Пам. Смол. – Памятники обороны Смоленска 1609–1611. М., 1912.

Южн. Чел. – Памятники южновеликорусского наречия: Челобитья и расспросные речи. М., 1993.

Сведения об авторе: Плотникова Анастасия Ильинична, аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, лектор кафедры русского языка философского факультета Люблянского университета (Словения). E-mail: moroth@yandex.ru.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Чекалина Е.М. Семантические аспекты шведской грамматики: системно-функциональный и сопоставительно-типологический анализ. М.: МАКС Пресс, 2017. 196 с.

Антропоцентрический подход к описанию явлений языка является одним из основных направлений развития современной лингвистики. Доказательством тому может служить проведение многочисленных конференций на эту тему и издание публикаций по соответствующей проблематике. В этом контексте особенно актуальное звучание приобретает публикация в издательстве МАКС Пресс в 2017 г. книги известного отечественного скандинависта, заведующей кафедрой германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ профессора Елены Михайловны Чекалиной «Семантические аспекты шведской грамматики: системно-функциональный и сопоставительно-типологический анализ».

Жанр рецензируемой книги не совсем обычен. На первый взгляд, перед нами сборник статей, поскольку формально в книгу вошли двенадцать отдельных публикаций по грамматике шведского языка, напечатанных автором в разных изданиях за последнее десятилетие: «Субъективный и объективный взгляд на вещи в зеркале шведского языка» (2008); «Функционально-семантические аспекты вариативности в современном шведском языке» (2012); «Семантический потенциал категории рода в современном шведском языке» (2011); «Судьба и статус имен лица в современном шведском языке и обществе» (2012); «Особенности функционирования и системный статус шведских местоимений как отражение динамики синхронии» (2006); «Норма и вариативность употребления местоимения *sin* в современном шведском языке» (2007); «Прагматические функции артиклей и местоимений в современном шведском языке (2011); «Аналитическая видовая конструкция в современном шведском языке» (2014); «Типология глаголов с возвратными показателями в скандинавских и русском языках» (2013); «Субъективная и объективная интерпретация событий в скандинавских языках и вид русского глагола» (2014); «Предельность / непредельность и грамматические средства выражения аспектуальности в языке с категорией вида и без нее (на материале русского и шведского языков)» (2014); «Язык оригинала и язык перевода в аспекте контрастивно-сопоставительного анализа (на материале шведского и русского языков)» (2015).

Статьи в книге располагаются не в хронологическом, а в тематическом порядке, который отражает весь спектр исследовательских интересов автора, к каковым относятся функционально-семантические исследования основных категорий имени и глагола шведского языка, а также контрастивно-сопоставительные исследования в области аспектологии шведского и русского языков.

По стройности развиваемой авторской концепции, глубине охвата языкового материала и широте межъязыковых сопоставлений рецензируемая книга приближается к целостной научной монографии.

Концептуальным стержнем рецензируемой работы является исследование характерных для шведского языка явлений вариативности в выборе языковых средств выражения релевантных для шведской языковой культуры прагматических смыслов. Во всех статьях автор последовательно идет от исследования плана выражения к плану содержания и показывает, что существующая формальная вариативность не случайна, а служит средством семанти-

ческой дифференциации. При этом убедительно доказывается однонаправленность вектора этой семантической дифференциации. В основе ее лежит противопоставление субъективации и объективации высказывания, когда за счет грамматических – и не только – языковых средств носитель шведского языка получает возможность представить свое высказывание либо как актуальное, перцептивно и / или концептуально близкое говорящему, либо, напротив, дистанцированное и тем самым представляемое в объективированном виде. Такой подход ставит во главу угла рассмотрения явлений шведской функциональной грамматики антропоцетрический фактор говорящего.

Автор целенаправленно показывает, что системное устройство и норма шведского языка таковы, что не только допускают, но и предполагают формальное варьирование. Вместе с тем по мере углубления в текст книги становится понятным, что сопоставляемые единицы шведской грамматики, по сути дела, уже не «формальные варианты», а квазисинонимичные грамматические единицы, которые, будучи близкозначными, на деле несут различную функционально-семантическую информацию, обусловленную установкой субъекта речи, что типологически оказывается принципиально важным для шведского языка. Ведущим прагматическим фактором, основанным на вариативности употребления близких по значению грамматических конструкций, является возможность различной интерпретации содержания высказывания, связанная с выражением говорящим либо объективного, либо субъективированного взгляда на ситуацию.

Заявленный подход позволяет дать целостное объяснение множеству фактов функционально-семантической вариативности, как, например, использование форм перфекта или претерита для описания прошлых событий, выбор форм аналитического и синтетического пассива, варьирование форм презентного и аналитического выражения будущего времени (с komma att), колебание между презентным и претеритальным выражением эмоциональной оценки. Варьирование именных категорий, например выражение неопределенности посредством либо неопределенного артикля, либо неопределенного местоимения, также связывается с противопоставлением актуальности (близости) / неактуальности (дистанцированности) сообщаемого с точки зрения говорящего, точно также как и варьирование в выборе либо притяжательного, либо возвратно-притяжательного местоимения. Использование указательных местоимений с артиклевой / безартиклевой формой существительного также получает объяснение, исходя из противопоставления прагматической близости / дистанцированности, как и множество других грамматических явлений, анализируемых в разных статьях сборника.

Цельносистемный подход к анализу языковых явлений проявляется в книге в том, что автор выходит за рамки грамматического варьирования, неоднократно показывая, что выбор говорящим, на первый взгляд, синонимических словообразовательных моделей подчинен тому же прагматическому принципу (как, например, наречные дублеты на *-t* и на *-ligen*).

Феномен языкового варьирования осмысливается как пронизывающий всю систему языка в целях дополнительной смысловой дифференциации, как, например, варьирование сильного и слабого спряжения одного и того же глагола для противопоставления прямого и переносного, переходного и непереходного значений или смысловое варьирование композитных основ с соединительной морфемой и без нее.

Важным аспектом изучения семантического варьирования в шведском служит его сопоставление с соотнесенными явлениями в русском языке. Так, субъективная и объективная интерпретация событий в скандинавских языках сопоставляется с видовыми противопоставлениями русского глагола, выявляются функциональные особенности категории возвратности в русском и шведском языках, анализируются варианты перевода шведских неопределенно-личных конструкций на русский язык.

Все наблюдения и выводы подкреплены глубоким анализом обширнейшего материала, в первую очередь тщательным анализом примеров из художественной литературы. В орби-

ту обсуждения вовлекается широкий круг исследований шведских авторов по обсуждаемой тематике, взгляды которых автор успешно синтезирует и развивает применительно к собственной грамматической теории.

В более широком скандинавистическом ракурсе хочется подчеркнуть тот факт, что выводы, сделанные Е.М. Чекалиной на материале шведского языка, верифицируются наблюдениями, которые исследователи делают относительно грамматической системы датского языка. Как это убедительно показал проф. П. Дурст-Андерсен[1], грамматическая система датского языка устроена таким образом, что в ней оказывается последовательно противопоставленными пережитая реальность и реальность конструируемая (objecive world vs. subjective world), а также конкретный опыт говорящего и его абстрактные знания и убеждения (concrete world vs. abstract world).

Теоретические и практические материалы исследования, предложенные в книге Е.М. Чекалиной, несомненно, будут востребованы как преподавателями и студентами шведского языка, так и исследователями других скандинавских языков, а также специалистами в области сравнительной аспектологии и, шире, грамматической типологии языков мира.

Д. Б. Никуличева

Сведения об авторе: Никуличева Дина Борисовна, докт. филол. наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, профессор кафедры скандинавских, финского, нидерландского языков МГЛУ. E-mail: nikoulitcheva@yandex.ru.

[1] *Durst-Andersen P.* Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation. København: Hans Reitzels Forlag, 2011. 200 s.

Ломоносовские чтения – 2017 на филологическом факультете

В рамках Ломоносовских чтений в 2017 г. на филологическом факультете МГУ в работе пленарного заседания, 26 секций и круглых столов приняли участие все кафедры и подразделения факультета. Обсуждались актуальные вопросы современной филологической науки. Обзор сделанных докладов дает представление об основных направлениях научной работы сотрудников филологического факультета.

На пленарном заседании было прочитано шесть докладов по литературоведческой и лингвистической проблематике. *С.В. Алпатов* в докладе «Адинатон: объем понятия в литературоведении и фольклористике» обсуждал методологические различия в понимании термина *адинатон* (греч. ἀδύνατον), который определяется как риторический прием, построенный на сопоставлении двух частей высказывания таким образом, что возможность одного из называемых (либо подразумеваемых) событий ставится в зависимость от осуществления второго заведомого невозможного события (типа *Когда рак на горе свистнет. Когда Пасха и Троица будут в один день*). Докладчик отметил сходства и отличия в подходе литературоведов-древников и фольклористов к определению этой стилистической фигуры, встречающейся в заговорах, паремиях, песенных жанрах и пр. Доклад *Е.Ю. Зубаревой* «Жанр “литературной прогулки” в контексте психологии творчества В.П. Некрасова» был посвящен анализу особенностей одной из жанровых модификаций прозы В.П. Некрасова, отразившей специфику его творческого метода. По мысли Е.Ю. Зубаревой, истоки появления новых жанровых форм следует искать также в профессиональных увлечениях В.П. Некрасова (он был архитектором по образованию). *Г.В. Зыкова* выступила с докладом на тему: «О концепции нового учебника по истории русской литературы второй половины XX века», описав пока не разрешенные проблемы в существующих учебных пособиях. Были рассмотрены различные варианты композиции учебника, в том числе и такие, которые исключали бы чрезмерно жесткую определенность интерпретации и оценки относительно недавних явлений истории литературы. *В.В. Сорокина* в докладе «Западноевропейская русистика в начале XXI в.» констатировала рост интереса западноевропейского литературоведения к русской литературе. Возросло количество публикаций о Пушкине, в частности в связи с русской постмодернистской литературой и проблемой интертекстуальности. Традиционен интерес к литературе русского авангарда. Исследования о русской литературе второй половины XX века касаются широкого круга тем, таких как соотношение реализма и модернизма; писатель и власть, национализм, антигерой, литература и коммерция и др. *А.И. Солопов* в докладе «“Науки юношей питают” – или “направляют”? О Цицероне как образце Ломоносова» проанализировал известную строку «Науки юношей питают» из предпоследней строфы «Оды на день восшествия на Всероссийский престол Ее Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» М.В. Ломоносова. Строка, восходящая к цицероновской «Речи в защиту поэта Архия», передает не рукописное чтение, а конъектуру, предложенную Иоанном Гервагием. А.И. Солопов показал, что в конъектуре нет необходимости: современные издатели восстанавливают рукописную форму agunt в тексте, а авторитетные словари (Oxford Latin Dictionary) у глагола ago выделяют значение «направлять, побуждать, подгонять, подстегивать, прину-

ждать, подталкивать». При этом смысл рукописного текста становится более глубоким: появляется противопоставление отрадной, безмятежной старости и активной, напряженной юности. В докладе *А.А. Липгарта* «История, эстетика и ложные интерпретации шекспировских текстов» был проведен анализ литературоведческих работ о произведениях Уильяма Шекспира. Их адекватная интерпретация представляет значительные сложности для исследователей, поскольку эти тексты были написаны более 400 лет назад и помимо очевидного вневременного содержат также и злободневный план, который становится понятным только при достаточном знании общего контекста шекспировской эпохи. Если таковое знание отсутствует, интерпретация шекспировских произведений может превратиться в своего рода импрессионистические упражнения, изобилующие априорными утверждениями относительно эстетических и содержательных свойств текстов и столь же произвольными реконструкциями биографии великого поэта. В докладе была предложена основанная на многочисленных исторических фактах общая концепция толкования шекспировских текстов.

Ниже излагается проблематика **кафедральных заседаний** согласно опубликованной **программе** Ломоносовских чтений 2017. В данном обзоре мы старались передать основные идеи каждого доклада.

На **кафедре русского устного народного творчества** сообщение *А.А. Ивановой* на тему «Сашенька Шурминская: к вопросу о “народной канонизации” местночтимых блаженных», основанное на материале вятских экспедиционных записей докладчицы, продолжило ряд ее исследований народного христианства и сакральной географии. *В.А. Ковпик* в докладе «К проблеме фольклорных и литературных источников сказки “Аленький цветочек”» осветил неоднородность источников и длительную историю литературной разработки этого известного сказочного сюжета.

На кафедре **теории литературы** в докладе *О.А. Клинга* «Формальная школа и уроки русского символизма (Андрей Белый)» рассматривалось влияние Андрея Белого как одного из ярчайших представителей русского символизма на становление формальной школы в России. *Л.В. Чернец* в докладе «Волки и… волки (типы “самодура”, “делового человека”, “красавца мужчины” в пьесах А.Н. Островского)» показала, что, создавая галерею персонажей, которых можно отнести к одному типу, Островский в то же время изображал разные индивидуальные характеры, надеясь также на «соавторство» актеров. *А.Я. Эсалнек* выступила с докладом «Принцип коммуникации в филологических исследованиях», рассмотрев сущность коммуникативной концепции Бахтина, осмысляемой на основе анализа его работ 1930–1950-х гг.

На кафедре **истории русской литературы** *Д.П. Ивинский* в докладе «Пушкин и Гоголь в историко-литературной концепции Андрея Белого» проанализировал результаты реконструкции ряда базовых моделей описания русской литературной эволюции, в которых А. Белый представил дальнейшее развитие русской поэзии как интерпретацию Пушкина через посредство Тютчева, Брюсова и Вяч. Иванова и других поэтов. *И.А. Беляева* проанализировала конкретное сближение тургеневских текстов с «Фаустом» Гете и на основе существующих схождений выявила внутреннюю логику художественных решений Тургенева. *В.А. Воропаев* представил обзор современного состояния науки о Гоголе с точки зрения введения в научный оборот новых источников и их истолкования. *В.Б. Катаев* поставил проблему полного издания, без изъятий, всех сохранившихся писем А.П. Чехова, в связи с тем что письма писателя подвергались произвольному купированию, в том числе в Академическом полном собрании сочинений и писем. *Р.Б. Ахметшин* выступил в докладом «Лейтмотив в шутке Чехова «Медведь», представив одну из возможностей для интерпретации композиционного смысла водевиля, связав ее с бытовой эмпирикой и воспоминаниями о Чехове писательницы Н.В. Голубевой.

На **кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса** *Д.В. Кротова* рассказала о трагическом мировосприятии В.Т. Шаламова (на ма-

териале поэтического цикла «Кипрей»), обладающем тем не менее значительным созидательным потенциалом. *М.В. Михайлова* в докладе «Л.Д. Зиновьева-Аннибал и Фрида Кало: типологические схождения» провела сопоставление произведений двух творцов, работавших в различных сферах искусства (словесность и живопись) на основании принадлежности авторов к сфере «женской саморепрезентации». Были приведены интересные примеры сходства рассказов из цикла Зиновьевой-Аннибал «Трагический зверинец» и картин Кало «Корни», «Олененок». *И.В. Монисова* и *Н.З. Кольцова* в докладе «Постижение национальной культуры средствами литературы и кинематографа (на примере повестей Анны Неркаги и их киноадаптации)» рассмотрели современную этнодраму режиссера В. Тумаева «Белый ягель», которая адаптирует к экрану повести выдающегося ненецкого прозаика Анны Неркаги «Белый ягель» и «Анико из рода Ного». *П.Е. Спиваковский* выступил с докладом «Лики трансгрессии в пьесе Э.С. Радзинского «Театр времен Нерона и Сенеки», в котором проанализировал проблематику самой глубокой пьесы Э.С. Радзинского, показывающей генезис системы лжи. *Ш.Г. Умеров* в докладе «Откровенность, в которую завернута тайна: Дневник С.К. Островской в жанрово-историческом аспекте» проанализировал парадоксальный гибридный жанр этого произведения – дневник мнимой откровенности, антидневник, в котором, однако, ложь нередко отступала перед неприкрашенной житейской правдой.

Кафедра истории зарубежной литературы. *В.Ю. Лукасик* рассмотрела возможные причины, по которым Жан Лемер де Бельж счел возможным издать под одной обложкой книгу «Прославление Галлии и удивительные судьбы Трои» и пародийно-куртуазные «Послания Зеленого Влюбленного». Было показано, что оба произведения не только органично дополняют друг друга, но и тяготеют к взаимозамещению. *Д.Л. Чавчанидзе* в своем выступлении рассмотрела факты нарушения идеологической заданности литературы Германии в предмартовский период (1815–1848 гг.). *В.М. Толмачев* проанализировал психологические и творческие аспекты идентификации Дж. Г. Байрона с Наполеоном на материале «Паломничества Чайлда Хэролда», лирики, биографии поэта и воспоминаний современников. *А.В. Сергеев* в докладе «Георг Брандес и кризис “литературы прорыва”» проанализировал кризисные явления в творчестве Х. Ибсена, А. Стриндберга, Х. Банга и других скандинавских авторов после того, как радикально-демократические идеи «движения прорыва» во главе с Г. Брандесом не нашли поддержки в скандинавских странах. *А.Ю. Зиновьева* представила анализ венецианской поэмы Дж.Г. Байрона «Беппо» (1817), показав, что венецианский купец Беппо становится для Байрона своего рода идеальным протагонистом, предшественником будущего Дон Жуана, романтическим «сверхчеловеком», побеждающим фатальные жизненные обстоятельства. Подобным образом поэма «Беппо» и значение примененной в ней римской октавы для романтической традиции понимались А.С. Пушкиным, В.Ф Ходасевичем, У.Б. Йейтсом, Т.С. Элиотом.

В научной **лаборатории «Русская литература в современном мире»** *Т.Н. Белова* рассказала о литературно-критических журналах русской эмиграции в США в XX столетии («Москва», «Новоселье», «Опыты» и др.). *Т.Я. Орлова* охарактеризовала книгу М. Цетлина «Декабристы», посвященную судьбе революционеров и их семей после разгрома восстания. *А.В. Злочевская* представила трехчастную модель мироздания в романе «Защита Лужина» В. Набокова: реальную – иррационально-мистическую – металитературную. *О.В. Розинская* проанализировала современную польскую русистику, в которой за последние 20 лет появилось немало серьезных работ по вопросам русской словесности. *В.Г. Моисеева* на материале романа М. Елизарова «Библиотекарь» (2017) рассмотрела принципы использования повествовательных стратегий различных жанровых форм – конспирологического триллера, соцреалистического производственного романа, романа-биографии и др. *Е.Г. Домогацкая* проанализировала литературно-критическое наследие поэта Ю. В. Мандельштама, принадлежавшего к младшему поколению первой волны эмиграции. *Е. А. Певак* в докладе «Мифология Серебряного века» сопоставляла богостроительские и богоискатель-

ские тенденции, которые нашли отражение в прозе З. Гиппиус, Ф. Сологуба, с одной стороны, М. Горького – с другой, а также религиозные аспекты мифотворчества в прозе А. Белого, М. Кузмина, прозаические опыты раннего и позднего А.М. Ремизова и др.

Кафедра классической филологии. *С.С. Степанцов* в докладе «Конъектура к Pind. 12.21» аргументированно предложил конъектуру в 12 Пифийской оде Пиндара к причастию χριμφθέντα («приблизившегося») в виде другого причастия, сходного по звучанию (χρεμφθέντα), но имеющего принципиально иной смысл («извергнутого»). *Т.Ф. Теперик* сделала доклад на тему: «Рецепция античности в творчестве Шекспира», в котором она подвергла анализу поэтику невербального поведения в трагедии Шекспира «Юлий Цезарь». Было показано, что Шекспир, ориентируясь в этом вопросе на биографию Плутарха «Цезарь», при сохранении общей семантики жеста, трансформирует язык жестов своих персонажей в соответствии с художественными задачами трагедийной поэтики. *Я.Л. Забудская* рассмотрела функции театральных мотивов, контекстов и аллюзий во всех биографиях Плутарха. В докладе *Е.В. Антонец* «К вопросу о структуре сложных периодов в речах Цицерона» было предложено использовать методику анализа сложных периодов К.-Ф. Негельсбаха в качестве инструмента для исследования прозаического произведения как единой синтаксической структуры.

На кафедре **византийской и новогреческой филологии** *Д.А. Афиногенов* рассказал о житии патриарха Никифора Игнатия Диакона как источнике для Феофана Пресвитера. *М.В. Бибиков* выступил с докладом на тему «Житие Антония Печерского в греческой традиции». Большое внимание было уделено новонайденному тексту фундаментального труда афонской традиции «Афониады» Иакова Неаскитиота, сохранившее афонское предание об «Антонии Русском» конца XVIII в. *К.А. Климова* представила обзор собранного в результате полевых исследований материалов экспедиций, организованных кафедрой византийской и новогреческой филологии. Каледарная обрядность греческого региона Серрес рассматривалась на общем балканославянском фоне. *Ю.Б. Мантова* рассказала о Житии Феоктисты Лесбосской. *И.В. Тресорукова* выступила с докладом о сложных предлогах, в котором был дан обзор существующих в греческом языке конструкций с наречным компонентом. *Б.Л. Фонкич* представил в своем докладе палеографический и кодикологический анализ Ватиканской рукописи Барб. 336.

На кафедре **славянской филологии** *Н.Е. Ананьева* сделала доклад об островных польских говорах Сибири, сохранившихся в Иркутской области, под Абаканом и под Томском. Были проанализированы разноуровневые признаки двух основных типов островных польских диалектов - генетически южного и северного. В докладе *А.Г. Шешкен* «Новейшая македонская проза. Романы и новеллистика Тани Урошевич» были выделены основные темы македонской прозы XXI в. отраженные в творчестве писателей разных поколений (В. Урошевича, В. Андоновского, Г. Смилевского). Главное внимание было уделено произведениям Тани Урошевич о судьбах русских эмигрантов. *С.Н. Мещеряков* выступил с докладом о сербском историческом романе 1990-х гг.

На кафедре **русского языка** заседание проходило в двух секциях: **«Динамические процессы в современном русском языке и его истории»** и «**Русская диалектология».** В рамках первой секции было прочитано пять докладов. В докладе *О.Г. Ревзиной* «Язык как индикатор времени» вопрос о соотношении языка и времени рассматривался в аспекте исторического существования языка. Детальному обсуждению подверглась концепция языка как «сложнодинамической» гетерогенной системы. Доклад *Е.И. Литневской* «Русская разговорная речь в неологическом освещении» был посвящен тому, как отражается разговорная речь в словарях новых слов, с одной стороны, и как отражается новизна слов в словарях разговорной речи, с другой. В двух докладах – *Т.В. Пентковской* и *А.В. Уржи* анализировались прагматические функции замены реалий соответственно в средневековых и современных переводах. В церковнославянских переводах речь шла о лексической адап-

тации реалий иноязычного оригинала. Т.В. Пентковская показала, что в формальном аспекте такая адаптация осуществляется либо с помощью глоссирования, либо с помощью прямой лексической замены (адаптирующий перевод). В современных переводах в результате исследования многочисленных контекстов замен реалий А.В. Уржа выявила четыре прагматические функции подобных операций, обозначенные как доместицирующая, аксиологически-идентифицирующая, идеологически-манипулятивная и форенизирующая функция. *М.В. Шульга* выступила с докладом «Аналитизм или синтетизм? О тенденциях развития грамматической системы русского языка», в котором показала возможности синтетизма в развитии морфологической системы русского языка. По ее мнению, параллельное существование в системе языка и даже развитие новых аналитических форм не свидетельствует о тенденции к аналитизму как к вектору развития грамматической системы языка. *Е.А. Кузьминова* рассмотрела Грамматику 1648 г. как регулятор динамики языковой нормы в ходе библейской книжной справы второй половины XVII в. На секции **«Русская диалектология»** было прочитано девять докладов. В докладах *Н.А. Редько* «Предикативы с общей семой ‘чувство вины’ в говорах архангельского региона» и *К.А. Бормотовой* (Екатеринбург) «Воплощение представлений о стыде в наименованиях предметов быта» на диалектном материале рассматривались особенности базовых концептов русского языка, формирующие региональные различия в языковой картине мира. *Е.А. Ковригина* в докладе на тему «*Скорбéть* и *скóрбь* в говорах архангельского региона» определила специфику функционирования общерусских слов в системе диалекта. Доклады *М.А. Афанасьевой* (Ярославль) «Неофициальные названия районов г. Ярославля» и *Т.Р. Галевой* (Владимир) «Основные принципы номинации и способы образования ойконимов (на материале Камешковского района Владимирской области)» были посвящены описанию системы топонимических единиц соответствующих регионов. В докладе *Д.Н. Гальцовой* (Воронеж) «Владимиро-поволжские говоры на территории Воронежской области (на материале говора села Новый Курлак Аннинского района)» были представлены наблюдения над речью диалектоносителей – выходцев из севернорусских территорий, живущих в окружении южнорусских говоров. *Л.В. Шестопалова* (Тула) рассказала о принципах составления школьного словаря диалектной лексики Воловского района Тульской области. В докладе *В. Гусевой* были рассмотрены интересные примеры народной этимологии в архангельских говорах.

На кафедре **общего и сравнительно-исторического языкознания** *С.Н. Кузнецов* рассмотрел генезис концепции языка Ф. де Соссюра, связи между основными положениями концепции Соссюра и формированием искусственных языков воляпюка, эсперанто, идо. *В.К. Казарян* в докладе «Этнолингвистический анализ армянского языка II–I вв. до н.э. (на территории Армянского нагорья)» представил дискуссионную проблему присутствия протоармянского языка на Армянском нагорье. *А.В. Блинов* в докладе «Категория модальности в молитве (на материале готского перевода «Отче наш»)» проанализировал различное грамматическое оформление прошения – соответственно в императиве (форма 2–го л.) и оптативе (3-го л.). Доклад *О.А. Волошиной* «Идеи Н. Крушевского об устройстве и функционировании языка в свете достижений нейролингвистики XX века» был посвящен закону ассоциации и интерпретации в концепции Н. Крушевского. *Ю.Н. Марчук* («Автоматизированный перевод в концепции Ю.В. Рождественского») рассмотрел машинный перевод как центральную проблему искусственного интеллекта – модель машинного перевода отражает существенные стороны интеллекта человека, производящего перевод. *И.Э. Стрелец* в докладе «Особенности лингвоперсонологического подхода к исследованию политической риторики в контексте выборов Президента США в 2016 г.» проанализировал результаты сопоставительного анализа предвыборной кампании Д. Трампа и Х. Клинтон.

Кафедра теоретической и прикладной лингвистики. *А.А. Кибрик, О.В. Федорова* и *Ю.В. Николаева* в докладе «Язык как он есть: русский мультимодальный дискурс» рассказали о работе над созданием первого отечественного мультимодального ресурса «Русские

рассказы и разговоры о грушах», созданного в рамках проекта РНФ по мотивам известного «Фильма о грушах» У. Чейфа (1980). Данный ресурс включает 24 записи естественной коммуникации между несколькими участниками, в совокупности с вокальной и кинетической аннотацией этих записей. *И.М. Кобозева* осветила цели и задачи коллективного исследовательского проекта «Структура многокомпонентных коннекторов русского языка и принципы ее представления в лингвистических базах данных» (РФФИ). В докладе *С.Г. Татевосова* «Четыре грамматики малых языков России были обсуждены современное состояние и перспективы развития проекта по изучения малых языков народов России, проводимый кафедрой теоретической и прикладной лингвистики с 1967 г. На ближайшие годы намечено создание четырех грамматических описаний – мишарского диалекта татарского языка, мокшанского языка, баргузинского диалекта бурятского языка и чукотского языка.

На кафедре **русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов** в пяти докладах были рассмотрены вопросы оптимизации преподавания русского языка иностранным учащимся: о совершенствовании обучающих материалов – их визуализации, ситуативно-жанровой и социальной ориентации и др. (*Л.Н. Норейко*); о значении отрицательного языкового материала для теории и практики преподавания РКИ (*Е.А. Филатова*); об очно-дистанционных курсах для иностранных учащихся по теме «Употребление глаголов движения» (*Е.А. Подшивалова*); о совершенствовании преподавания видов глаголов на разных этапах обучения (*И.А. Антонова*); о сложных вопросах изучения русской звучащей речи (*М.В. Фокина*).

На кафедре **русского языка для иностранных учащихся** *О.К. Грекова* выступила с докладом **о** лингвометодических особенностях программ РКИ государственных университетов современной Турции. Доклад *Е.А. Илюшина* был о версификации перевода «Божественной Комедии» Данте, сделанного А.А. Илюшиным (середина 1960-х – 1980-е гг.). Автор доклада приходит к выводу о верности утверждения о том, что «силлаботоника – частный случай силлабики» применительно к переводу А.А. Илюшина и о том, что этот перевод является силлабическим. В докладе *С.В. Киржановой* для обсуждения была предложена идея возможности интерпретации эмоционально-модальных интонационных оттенков через базовые, нейтральные ИК, разработанные Е.А. Брызгуновой. Доклад *А.Г. Матюшенко* содержал анализ стихотворения М.Ю. Лермонтова «Тучи», на примере которого рассматриваются возможные способы объяснения значений слов в поэтическом тексте. *О.М. Сергеева* в докладе «Фразеологизмы с глаголом “бить” и его приставочными дериватами» представила возможности расширения методической базы для преподавания русской фразеологии в иностранной аудитории. Доклад *И.Э. Стрельца* «Ролевая игра на занятиях по РКИ при изучении тем “Внешность”, “Одежда”, “Покупки”» был посвящен типичным дидактическим ошибкам в связи с подбором стимульного материала для ролевых игр. *Т.Г. Рощектаева* говорила о развитии навыков перевода на занятиях по русскому языку как иностранному.

На кафедре **русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов** рассматривались вопросы методики обучения русскому языку как иностранному с использованием новейших технологий (*Л.Г. Вихорева*); способы обучения звучащей речи с применением метода семантического анализа коммуникативного уровня русского языка (*О.В. Чалова*); проблема распознавания коммуникативных показателей адекватности / неадекватности собеседника в области социального взаимодействия в русском звучащем диалоге (*А.А. Коростелева*); различные виды работы с текстом в курсе обучения РКИ (*В.В. Добровольская*); сравнительный анализ синтаксических структур русского и корейского языков с точки зрения их аналитизма и синтетизма (*М.Ю. Ефремова*). В докладе *И.Э. Стрельца* был представлен опыт преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи» на нефилологических факультетах с точки зрения выявления лексико-грамматических лакун у первокурсников и создания обобщенного социально-психологического портрета современного студента.

Кафедра дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного. Доклад *М.В. Всеволодовой* «Грамматикализация как один из языковых механизмов» был представлен в стендовой форме. В докладе обсуждался широкий круг проблем, посвященных способам строгого разграничения фразеологизмов и собственно грамматических единиц, соотношению системы и нормы в языке, уникальным грамматическим категориям и языковым явлениям переходного типа. *Е.Л. Бархударова* в докладе «Аспекты описания фонетической системы русского языка в целях обучения иностранцев произношению» показала, что полноценное исследование иностранного акцента в русской речи предполагает его анализ на основе результатов сопоставления звукового строя изучаемого языка с родным. Доклад *Ф.И. Панкова* «Парадигматика наречия (фрагмент лингводидактической модели русской грамматики)» был посвящен анализу парадигматических возможностей русского наречия. В докладе были приведены аргументы того, что наречия обладают позиционной, контекстуальной и актуализационной парадигмами. *О.Ю. Дементьева* рассказала о возможностях применения понятия синтаксического поля предложения (концепция Г.А. Золотовой) в теории и практике преподавания русского языка как иностранного.

На кафедре **немецкого языкознания** два доклада были посвящены динамике развития лексики немецкого языка. *М.Н. Володина* проанализировала материалы 53-го Съезда германистов в Мангейме «Словарный состав языка: динамика, моделирование, комплексность». *Е.Г. Носова* в докладе «Инвективная лексика в немецкой речевой практике» рассмотрела особенности употребления оскорбительной лексики в разные исторические периоды жизни немецкого общества (античность, Средневековье, современность). В ряде докладов рассматривались особенности языка и композиции известных литературных произведений. *Л.Ю. Уварова* проанализировала роман Нобелевского лауреата Элиаса Канетти «Ослепление» (1935), показав, что «ослепление» – это метафорическое обозначение интеллектуальной и моральной слепоты персонажей романа, личностей одержимых, маниакальных, неспособных слышать, понимать других людей. *И.А. Гапонова*, говоря о повести современного писателя Уве Тимма «На примере моего брата», особое внимание уделила теме «культура воспоминаний» и лингвистическим способам ее отражения в произведении. В докладе *Т.В. Клюевой* «Особенности передачи российских реалий в книге М. Вольфа “Тайны русской кухни”» был проведен сравнительный анализ русской и немецкой кулинарной терминологии с позиции лингвострановедения, теории перевода и лексикологии.

Кафедра французского языкознания. *М.И. Олевская* выступила с докладом «Историческая долгота как решающий фактор фонемной самостоятельности отдельных французских гласных». Не имея фонемной самостоятельности, историческая долгота способствует, тем не менее, сохранению фонемного статуса отдельных французских гласных фонем, что особенно важно для фонем одного ряда, но разного подъема. *Е.М. Белавина* рассказала о фоностилистических особенностях идиолекта С. Леспинаса, являющегося ярким представителем сонорной поэзии. Доклад *Е.Э. Бабаевой* был посвящен истории возникновения и использования термина *la langue verte* (букв. *зеленый язык*) во французской лингвистике и лексикографии, который на протяжении XIX и XX вв. применялся для обозначения арго и, шире, совокупности различных регистров французского языка, имеющих устные формы бытования. *В.М. Амеличева* в докладе на тему «Опыт сопоставительного исследования русских и французских коннекторов неединственности на материале параллельного корпуса: методология и первые результаты» представила совместный проект Женевского университета и Института проблем информатики РАН. *Е.В. Клюева* проанализировала трудности перевода одной из самых известных баллад Вийона «Баллады повешенных» (Ballade des pendus). *А.Б. Сергеева* говорила о новом курсе «Современная французская неология». *К.И. Курбанова* рассмотрела вопрос о месте носовых гласных фонем в системе вокализма регионального варианта французского языка, а именно французского языка Валь д’Аосты.

Заседание секции **кафедры английского языкознания** было посвящено **памяти профессора Татьяны Андреевны Комовой**. С вступительным словом выступила заведующая кафедрой *О.В. Александрова*, подчеркнувшая огромную роль, которую играла в жизни кафедры и всего филологического факультета Т.А. Комова. Ее энергия, работоспособность, доброта и отзывчивость близки всем членам коллектива. Уход Т.А. Комовой – невосполнимая потеря, но ее научные разработки, плодотворные идеи и замыслы продолжают жить и развиваться в работах ее учеников и всей кафедры. В ходе заседания были сделаны доклады, где отчетливо прослеживались актуальные направления исследований школы кафедры, связанные с филологическим анализом литературных текстов, политического дискурса и дискурсивных свойств текста. *Е.А. Долгина* представила доклад на тему «Вертикальный контекст романа “Великий Гэтсби” Ф.С. Фитцджеральда», в котором рассмотрела исторические корни романа, его связи с эпохой и культурным контекстом. С темой этого доклада перекликался и доклад *Т.Ю. Кизиловой* «Филологический вертикальный контекст романа Дж. Барнса «England, England». В докладе *Н.Б. Гвишиани* «Понятие “исключительности” текста и способы выделения ключевых слов» была показана роль ключевых слов в формировании дискурсивных свойств текста. *Д.С. Мухортов* в докладе «О взаимосвязи лексико-семантических особенностей речи политика и его личностных характеристик» проследил характерные черты политического дискурса. Исследованию политического дискурса также был посвящен доклад *Ж.В. Рассошенко* «Когнитивно-прагматические особенности использования синтаксических средств связанности в политически-ориентированном дискурсе». *С.Б. Уланова* сделала доклад на тему «Наречия меры и степени в когнитивном освещении».

Кафедра германской филологии. В докладе *Е.Р. Сквайрс* «Научные связи в немецких письмах первых профессоров Московского университета» представлен материал писем Й. Роста, относящегося к первому поколению немецких профессоров, приглашенных для организации и преподавания курсов в Московском университете. *Н.А. Ганина* представила новые результаты исследований, связанных с открытием в г. Юрьевце парадного кодекса любекского городского права 1294 г., известного как кодекс Бардевика. *Т.А. Михайлова* выступила с докладом «К типологии семантических переходов: концепт «дорога» (на материале языков Европы)». В качестве базовой широкой семантики выявлено: «направленное перемещение; освобожденное место для направленного перемещения», а также как вторичное – «способ, образ действия». *Э.Б. Крылова* в докладе «Прагматическая семантика высказываний с модальными частицами bare и kun» подняла проблему выявления функционально-семантических особенностей данных модальных экспликаторов при сходствах их синтаксических и семантических свойств. В докладе *Е.М. Чекалиной* были рассмотрены типологические особенности глаголов с возвратными показателями в русском и шведском языках. Большой и семантически неоднородной группе русских возвратных глаголов соответствуют в шведском языке два типа: раздельнооформленные модели с возвратным местоимением *sig*, семантика которых предполагает активность смыслового субъекта, и типологически сходные с русскими глаголы с агглютинативной морфемой -*s*, которая может иметь как словообразовательный, так и словоизменительный статус. *Е.Л. Жильцова* рассмотрела вопрос об эпонимах (словах, образованных от имен собственных) в современном шведском языке. *И.В. Матыцина* анализировала историю шведского языка официально-делового общения, который определяли несколько разноплановых составляющих: латинский язык и латинская риторическая традиция, немецкий (и прежде всего средненижненемецкий) язык и язык областных законов. Доклад *Т.Л. Шенявской* был посвящен специфике шведско-норвежской коммуникации в условиях характерного для континентальной Скандинавии диалектного континуума. Особое внимание было уделено практике смешанного языка, получившей широкое распространение в популярных телешоу на шведском и норвежском телевидении.

На кафедре **романской филологии** *М.А. Косарик* проанализировала роль курса истории романского языкознания в подготовке романистов. Этот курс не только демонстрирует этапы истории романской лингвистической мысли, но также позволяет представить современные важнейшие концепции и принципы описания языка (социолингвистики, описания уровней языковой системы, истории языка, проблематики дискурса, лингводидактики и т. д.).

Кафедра финно-угорской филологии. *Н.С. Братчикова* рассказала о первых исследователях в финнистике, рассмотрев историю изучения финского языка с XVI по XX вв. *А.П. Гуськова* сделала доклад на тему «Проблемы лексикографического описания русской антонимии», рассказав о представлении русских антонимов в готовящемся к изданию в издательстве Tinta двуязычном русско-венгерском словаре в виде лексического приложения к словарю. *Е.З. Шакирова* проанализировала современную социально-психологическую прозу в Венгрии на примере романа Аттилы Бартиша «Спокойствие», в котором на истории одной семьи исследуется духовное состояние личности, сложившейся в годы социалистического строя 1950–1980-х гг.

В лаборатории **фонетики и речевой коммуникации** *О.Е. Фролова* рассмотрела субъективные и объективные аспекты речевого оскорбления. Рассматривались такие параметры ситуации оскорбления, как адресованность и неадресованность, увеличивающая количество участников (обида за кого-л.). *Н.И. Миронова* в докладе «Речевая агрессия в Интернет-рекламе» обратилась к интернет-коммуникации, в которой гипертекстовые технологии, используемые в сетевой рекламе, дают возможность сделать рекламное сообщение скрытым. Доклад *Е. В. Щенниковой* «Отражение преступления в языке» был посвящен проблеме установления в текстах различной жанровой природы, в частности на примере разбора трех сюжетов из комедийной телепрограммы «Comedy Club», лингвистических признаков пропаганды наркотических средств и психотропных веществ. В докладе *С.А. Крейчи* были проанализированы особенности межъязыковой интерференции у русскоговорящих носителей корейского и японского языков на базе данных ритмических структур и с учетом особенностей артикуляции гласных и согласных звуков, характерных для корейского и японского языков. *Ф. О. Байрамова* показала, что база данных звучащей русской речи – один из инструментов для обучения экспертов, решающих идентификационные и диагностические задачи.

На секции **«Компьютерные технологии в филологическом образовании»** *Г.Е. Кедрова* в докладе «Специализированные социальные сети как значимый элемент онлайнового и офлайнового обучения» представила как профессиональные научно-образовательные социальные сети (Mendeley, ResearchGate, Academia.edu), которые, по мнению докладчика, могут изменить всю концепцию современного образовательного процесса и придать новое измерение понятию виртуальной образовательной среды (VLE). *С.Б. Потемкин* проанализировал возможность обучения студентов-филологов логическому программированию **с** использованием языка программирования ПРОЛОГ. *Л.М. Захаров* говорил о новых задачах обучения студентов-гуманитариев умению использовать компьютерные программы как общего, так и специального назначения. *Е.В. Тупикина* рассмотрела актуальные вопросы технического обеспечения преподавания иностранных языков на филологическом факультете. *О.Е. Фролова* проанализировала возможности Национального корпуса русского языка при изучении языка писателя. Так, задавая подкорпус, можно сопоставлять стилистику языка А. Платонова и официальных и публицистических документов времени создания его произведений. *В.В. Потапов* рассмотрел влияние английского языка на немецкую разговорную речь в Интернете.

Кафедра ибero-романских языков организовала Круглый стол на тему «Проблемы методологии преподавания ибero-романских языков». В докладе *Ю.Л. Оболенской* «Задачи и возможности преподавания в рамках образовательных моделей бакалавриата и магистра-

туры» обобщен опыт работы кафедры за шесть лет обучения бакалавров и магистров. В докладе *О.А. Сапрыкиной* «Профессиональная подготовка филологов: актуальные проблемы» обращено внимание на недопустимость копирования зарубежных образовательных стандартов и снижения требований к уровню подготовки специалистов-филологов. Сообщение *В.В. Долженковой* было посвящено концепции современного курса по испанской разговорной речи и структуре создаваемого ею учебного пособия нового поколения. Сообщение *А.В. Кутьковой* «SIELE: первый универсальный экзамен на знание испанского языка» познакомило с новым видом сертификации знаний и навыков в области испанского языка как иностранного. Доклад стажера Мадридского автономного университета (Испания) *А.Ю. Шевелева* был посвящен новому направлению испанской филологии, в рамках которого активно исследуется проблематика, связанная с текстологическим анализом.

На кафедре **общей теории словесности** Ломоносовские чтения прошли в форме Круглого стола на тему **«Стратегии использования “общих мест” в современной культуре»**. *Т.Д. Венедиктова* проанализировала некоторые методы литературоведческой работы с «общим местом» как индикатором культурно-исторической динамики в рамках дискурсивного подхода к литературному тексту. В докладе *С.А. Ромашко* были рассмотрены эстетические игры европейского авангарда с «ассортиментом» бюргерских клише, выражающих стереотипные представления и служащих материалом для создания ироничных и гротескных образов.

Тематика **Ломоносовских чтений – 2017** отражает современные тенденции филологических научных интересов в изучении активных процессов в фонетике, грамматике, словообразовании и лексике русского и других европейских языков; межъязыковых контактов; лингвистической теории и истории языков; диалектологии; античных и византийских традиций в языках и литературе; русской и европейских литератур в их историческом развитии и современном состоянии, теоретических и прикладных вопросов преподавания языков как иностранных, современных технологий в образовательном процессе.

Е. В. Петрухина

Сведения об авторе: Петрухина Елена Васильевна, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: elena.petrukhina@gmail.com.

Круглый стол «Язык и дискурс СМИ в XXI веке»

9 сентября 2016 г. в Пушкинской гостиной филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова состоялся круглый стол «Язык и дискурс СМИ в XXI веке», организованный в рамках учебно-научного центра «Язык средств массовой информации» в продолжение традиции научных мероприятий, посвященных медиалингвистике, на филологическом факультете. Традиция эта берет свое начало с первой Международной конференции «Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования», прошедшей в октябре 2001 г. В Оргкомитет круглого стола, председателем которого стала декан филологического факультета проф. *М.Л. Ремнева*, а сопредседателем – зам. директора Института языкознания РАН проф. *В.З. Демьянков*, вошли сотрудники факультета: руководитель учебно-научного центра «Язык средств массовой информации» проф. *М.Н. Володина* (зам. председателя), зам. декана по науке проф. *О.В. Александрова,* проф. *И.М. Кобозева* и ст. преподаватель *М.Ю. Папченко.*

На приглашение Оргкомитета откликнулись как известные ученые, постоянные участники факультетских мероприятий по изучению языка СМИ, так и новые лица, в том числе молодые исследователи, впервые заявившие о себе в этом авторитетном медиалингвистическом сообществе.

Выступления, прозвучавшие на круглом столе, группируются по темам, вынесенным на обсуждение Оргкомитетом или предложенным самими участниками круглого стола.

1. **Исследование языка и дискурса СМИ в аспекте восприятия и продуцирования текста**.

На эту тему выступила *М.Н. Володин*а (филол. ф-т МГУ)*,* которая рассказала о становлении и развитии комплексного междисциплинарного исследования языка и дискурса СМИ, основы которого были заложены на филологическом факультете МГУ в рамках учебно-научного центра «Язык средств массовой информации». Живой интерес присутствующих вызвал сопровождавший выступление фильм-презентация, посвященный истории создания и основным достижениям центра в учебной и научной деятельности: проведению международных конференций и круглых столов, изданию сборников докладов и учебных пособий в Москве и за рубежом, получивших широкое признание не только студентов-филологов, но и тех, кто связан со сферой медиакоммуникации.

2. **Медийный дискурс и информационно-языковая экология общества**.

О.В. Александрова (филол. ф-т МГУ) в своем сообщении «Современный медийный дискурс как отражение жизни общества» на ярких примерах продемонстрировала, что понятие «дискурс», ставшее с конца XX столетия одним из основополагающих для разных областей человеческого знания, «в огромной степени применимо к языку средств массовой информации». Здесь наиболее динамично отражаются все стороны жизни общества. По мнению Александровой, именно в сфере СМИ пересекаются различные виды и типы дискурса – политического, национального, регионального, культурного и т. д. Такое пересечение можно найти на всех языковых уровнях: лексическом, грамматическом, риторическом и др. Особенно это характерно для современных масс медиа, функционирующих в эпоху глобализации, и мгновенно доносящих до широкой аудитории сведения разнообразного характера.

Оживленную дискуссию вызвало выступление *М.А Степановой* (МГИМО) «Альтернативные немецкоязычные информационные ресурсы и информационно-языковая экология общества». Доверие или недоверие к масс медиа представляет серьезную проблему. Опрос,

проведенный телевизионным журналом ZAPP (NDR) в декабре 2014 г., показал, что более двух третей опрошенных граждан ФРГ мало или вовсе не доверяли немецким средствам массовой информации[1]. В современном медиапространстве Германии все громче заявляют о себе «альтернативные медиа» (блоги и другие сетевые журналы, противопоставляющие себя традиционным СМИ), возрастает их «роль в процессе формировании общественного мнения и более объективной картины мира по сравнению с мейнстримом». М.А. Степанова полагает, что сопоставление данных альтернативных медиа и традиционных СМИ (ТВ, радио, прессы) может быть полезно для поиска наиболее объективных и аргументированных комментариев и информационных передач.

3. **Механизмы воздействия СМИ на массовое сознание**.

В.З. Демьянков (ИЯ РАН) в выступлении «Языковые техники манипуляции в СМИ и гигиена чтения») подчеркнул, что выявление стратегий противодействия манипуляции читательским сознанием является не менее важной задачей исследования языка СМИ, чем установление языковых техник такого манипулирования. В этом контексте он выдвинул понятие «гигиена чтения», включающее в себя констатацию и усовершенствование приемов интерпретации сообщений, позволяющих извлечь достоверные сведения даже из референтно неоднозначных и двусмысленных сообщений, что было продемонстрировано на наглядных примерах (ср. «Доллар падает», когда котировка упала всего на несколько сотых процента). Одним из основных принципов гигиены чтения, согласно В.З. Демьянкову, является осознание гипотетичной природы интерпретации на всех шагах восприятия текста.

В выступлении О.Е. Фроловой (филол. ф-т МГУ) «О способах манипулятивной дискредитации оппонента в СМИ» на материале комментария М. Веллера к одной из статей У. Эко были выявлены и проанализированы следующие приемы: а) дискредитирующая таксономия, б) дискредитация терминологии, в) представление единой, недискретной экстралингвистической ситуации, обладающей рядом признаков, как цепи дискретных ситуаций, каждой из которых приписывается только одна характеристика. О.Е. Фролова убедительно показала, что манипуляция (некорректное скрытое воздействие на адресата) затрагивает как сигнификативный, так и рефенциальный уровень высказывания.

4. **Критерии верификации и достоверности медиатекста**

К этой теме, тесно связанной с предыдущей, были обращены два выступления.

А.А. Негрышев (Владимирский ГПУ) в своем выступлении «О критериях достоверности медиатекста» подошел к данной проблеме с позиций семантики. Предлагаемые им критерии достоверности в новостном субдискурсе СМИ основаны прежде всего на дифференциации семантики терминов достоверность, объективность, и адекватность. Дав определение понятию достоверности текста, он построил критерии достоверности на анализе дискурсивных отношений и включил в них: 1) соотвествие облигаторных / факультативных актантов текстового события типу референциального события (происшествие, действие, мероприятие и пр.); 2) подачу данного / нового с учетом когнитивного, дискурсивного и ситуационного тезауруса реципиента; 3) отсутствие в тексте каких-либо приемов референциальной подмены в сфере номинации, предикации и локации; 4) отнесенность текста к объективной модальности реальности при отсутствии средств субъективной модальности.

А.А. Данилова (филол. ф-т МГУ) в своем сообщении «Проблема верифицируемости текста СМИ как лингвистическая проблема» отметила, что множественность источников информации, доверие пользователя Сети к информации от анонимных источников, легкость манипуляции визуальной информацией и т. д. делают принципиально важным умение отличить вымышленное сообщение, опубликованное в СМИ (фактоид), от факта. Данилова выделяет следующие параметры верификации новостного текста: 1) присутствие в тексте указания на реальный источник новости; 2) персонифицированность источника информации; 3) наличие даты информации как принципиальной части новостного интернет-текста; 4) правильное написание новостного источника; 5) наличие в первоисточнике соответству-

[1] ZAPP Studie: Vertrauen in Medien ist gesunken / NDR: website, 17.12.2014. http://www.ndr.de/fernsehen/sendungen/zapp/ZAPP-Studie-Vertrauen-in-Medien gesunken, medienkritik100.html (дата обращения: 03.04.2016).

ющей новости; 6) правильный перевод новости; 7) правильная атрибуция фотографии; 8) лексико-грамматическое оформление текста: модальность текста, повелительное наклонение, побудительные конструкции. Проверка текста СМИ по данным параметрам составляет первый этап его определения как описывающего имеющий место факт или фактоид, необходимый для последующей экстралингвистической верификации текста.

5. **Массовая коммуникация в контексте психосемантики.**

Данная тема была предложена член-корр. РАН, зав. лабораторией психологии общения и психосемантики факультета психологии МГУ *В.Ф. Петренко*. Эта тема позволила ему вынести на обсуждение две важные проблемы: обучение средствами массовой коммуникации и информативность сообщения, передаваемого по каналам СМИ. Выступая против мейнстрима западного стиля обучения, где учитель есть только транслятор некоторых объективных данных и теорий, а также против представления об обучении как об оказании «педагогических услуг», Петренко обращается к теории «личностного знания» М. Полани. «Знания выступают как конструктивные модели, включающие в себя ценностные, обусловленные культурой и языком установки, когда через идентификацию с личностью учителя, воспитанник получает доступ к коллективному бессознательному знанию (частично уже освоенному учителем), которое обладает несопоставимо большим объёмом информации, чем рациональное (осознанное) знание». Другая проблема связана с оценкой информативности передаваемого в ходе массовой коммуникации образного ряда, информационная нагрузка которого зависит от богатства ассоциаций, личностных смыслов, когнитивной сложности получателя сообщения и не укладывается в теорию информации К. Шеннона. В.Ф. Петренко по необходимости кратко остановился на разрабатываемых им психосемантических методах построения субъективных семантических пространств, которые должны применяться при оценке информативности сообщений на «мягких языках», содержащих символы, визуальные образы и музыку.

6. **Современные тенденции в политическом медиадискурсе**.

Е.Г. Борисова (МГЛУ) и *С.А. Дондо* (газета «Планета Антиглоб») в выступлении «Типы политического дискурса: тенденции обновления и их отражение в языке» рассматривали лексические маркеры, позволяющие выявить типы политического дискурса. На основе проведенного анализа выделяются либеральный, коммунистический, традиционный (национально-патриотический, монархический, клерикальный) дискурсы и «язык власти». Наряду с этим отмечается тенденция к обособлению антиглобалистского дискурса, характеризующегося, с одной стороны, отсутствием слов, недопустимых в речи сторонников любых направлений, вошедших в антиглобалистское сообщество («отрицательно манифестативных» для них), а с другой стороны, наличием таких манифестативных для антиглобалистов выражений, как новый мировой порядок, новые кочевники, электронный концлагерь, ювенал и нек. др. Отмечены были также лексические изменения в «языке власти» и формирование неолиберального дискурса интеллигенции.

П.Б. Паршин (МГИМО) в своем выступлении «О мягкой силе и кавычках: выражение (“)мягкая си*л*а(”) в российских СМИ» рассмотрел это популярное в современном политическом дискурсе выражение, разные понимания которого ранее анализировал в своих публикациях, в новом ракурсе – с точки зрения семантики и прагматики кавычек, каковые, как установил автор, коррелируют с вариативностью пониманий мягкой силы, а также с идеологическими позициями авторов текстов. С этой точки зрения Паршин выделил: 1) собственно цитатные кавычки – оценочно нейтральные, но дистанцирующие от содержания и активирующие, как всякое выделение, некие ожидания адресата; 2) негативно-оценочные кавычки в интервале от иронических до агрессивно стигматизирующих, предполагающие несогласие с закавыченным способом выражения и приписывание ему совершенно иной, чем следует из его языковой формы и оригинального узуса, семантики (ср. «Мягкая сила» – это технология «цветных революций»); 3) формально-аналитические кавычк**и**, акцентирующие метафорическую природу выражения мягкая сила и, как правило, оживляющие эту метафору с целью противопоставить ей парадигматически связанные метафоры по схеме «мягкая сила» – жесткие последствия и т. п. Употребление выражения

без кавычек встречается гораздо реже и, как правило, в позитивных контекстах (ср. мягкая сила культуры / науки / образования). На основе проведенного анализа были высказаны гипотезы о дальнейшей судьбе данного выражения.

Весьма интересным было выступление аспирантки *Е.П. Мурашовой* (МГЛУ) «Политическая реклама в семиотическом аспекте (на материале англоязычного политического спота)», представившей результаты исследования 500 политических спотов (не более чем пятиминутных видеороликов, направленных на достижение политической цели). Опираясь на классификации семиотических кодов в телевизионной коммуникации Дж. Фиске и У. Эко, Мурашова пришла к выводу, что для политического спота характерны те же виды семиотических кодов, причем в политическом споте эти коды взаимодействуют для достижения единой прагматической цели – побудить зрителя к желательному для адресанта политическому поведению. На примере спота *The One*, подготовленного командой Дж. Маккейна в преддверии выборов Президента США 2008 г. и основанного на полимодальной метафоре «Б. Обама – пророк Моисей», было показано, как цель дискредитации Б. Обамы достигается за счет взаимодействия портретного, лингвистического и звукового кодов на трех семантических уровнях – реальности, репрезентации и идеологии. Языковой компонент в споте служит гарантом правильности декодирования авторского замысла. В заключение была предложена общая схема анализа, в компактной и наглядной табличной форме представляющая механизм взаимодействия кодов.

7. **Речевая практика СМИ в ее отношении к языковой норме**.

О.Н. Григорьева (филол. ф-т МГУ) выступила с сообщением «Речевая мозаика современных СМИ в контексте социальных изменений начала XXI века». Она рассмотрела сдвиги, которые произошли в языке российских СМИ за последние десятилетия под влиянием культурных и социальных факторов, отметив стилистическое разнообразие языка в рамках одного и того же текста, соединение в нем слов из разных исторических периодов. Происходит активный процесс адаптации английских заимствований, их вхождение в язык стало более естественным и органичным. Словарный состав расширяется также за счет активизации старых слов (сударь, франт и т. п.). Метафоричность языка СМИ пошла на убыль. Исходя из тематики новых слов и актуализованных старых, Григорьева заключает, что все большую роль в жизни современного человека играет концентрация внимания на собственной личности, в первую очередь на внешности.

В предложенной *Е.В. Суровцевой* (филол. ф-т МГУ) теме «Современные православные журналы на уроках РКИ» высказывается мысль о необходимости изучения современных православных журналов в преподавании РКИ. Приняв как данность то, что классическая русская литература основана на православном вероучении, Суровцева делает вывод, что для адекватного понимания основных понятий православия необходимо использовать современные православные журналы «Фома», «Наследник», «Нескучный сад» и др. Статьи в этих изданиях написаны хорошим современным языком и невелики по объёму. В пользу правомерности привлечения данных изданий для изучения русского языка как иностранного говорит и то, что лексемы, относящиеся к православному вероучению, в настоящее время возвращаются в активное употребление, а выражаемые ими понятия находят в указанных журналах подробное и обстоятельное разъяснение, что было проиллюстрировано на примере лексемы *грех*.

Е.Д. Щасная (Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси) в своем выступлении «Разговорный стиль в речи молодых телеведущих Беларуси» наглядно продемонстрировала выявленные в проведенном ею исследовании особенности языка и стиля данной группы говорящих: отклонение от произносительных норм (нестандартное увеличение длительности звуков, редуцирование вплоть до нуля сочетаний звуков, заполненные паузы хезитации); разговорная и сленговая лексика и идиоматика; цитаты; русско-белорусская «трасянка» как маркер иронии; пуристическая лексики как маркер речи белорусскоязычной молодежи; юмор, иронизирование; вкрапления белорусских слов и произношения в русскую речь и национально маркированная лексика в белорусской речи с целью приближения к зрителю.

8. **Изменения в системе жанров медийного дискурса**

К данной теме обратился *А.Г. Пастухов* (Орловский государственный институт культуры) в своем выступлении «Смешанные жанры журналистики vs. мультимодусный дизайн медиатекста?». Констатировав, что в современной медиапрактике происходит диффузия жанровых форм, распространение таких смешанных (с позиции противопоставления информирования и оценки) жанров, как репортаж, портрет, интервью и комментарий, он проанализировал ситуацию с позиции рецепции медиатекстов. С этой точки зрения, мультимодусность (разграничение частей текста, статические и динамические изображения, графика и т. п.) и мультифрагментарность медиасообщения предлагают различные точки входа, разнообразные возможности интерпретации и рецепции. Это создает для читателя ряд проблем: выбора точки входа, интеграции информации, поступающей из различных источников (текст, фотографии, графики и т. д.). Исходя из важнейших когнитивных принципов, которые лежат в основе дизайна современных медиа, Пастухов призывает ограничиться лишь композиционными (жанровыми) и навигационными аспектами дизайна медиасообщения, а не его функциональными элементами (цвет, контрастность, линеарность, фактура и т. д.). Жанр и композиция, в сочетании с когнитивными и коммуникативными параметрами, оказывают, по его мнению, гораздо большее воздействие на читателя в плане пользовательских предпочтений и реализации генеральной стратегии рецепции медиатекста.

9. **Роль Интернета в формировании общественного сознания и речевого поведения**

Г.Е. Кедрова (филол. ф-т МГУ) посвятила свое выступление Веб 2.0 как новому виду профессионально ориентированной коммуникации. Она отметила, что в самое последнее время центр внимания и пользователей, и исследователей феномена сетевой коммуникации переместился с социальных сетей на специализированные профессиональные сетевые сообщества и проекты, ориентированные на обмен результатами научных исследований. В выступлении были подробно рассмотрены особенности и возможности профессиональных научно-образовательных социальных сетей «большой тройки» (ResearchGate, Academia. edu и Mendeley), формирующей костяк всего современного научного информационного пространства.

В выступлении *Н.И. Клушиной* (ф-т журналистики МГУ) обсуждалось влияние Интернета на современный русский язык. В сообщении были поставлены актуальные проблемы, связанные с доминированием интернет-коммуникации и формированием современной медиа-культуры, оказывающей воздействие на все сферы общественной жизни, включая функционирование языка. В фокусе внимания оказались вопросы о статусе Википедии как наиболее массового интернет-словаря; о ненормативной пунктуации в сфере неофициального интернет-общения, об интернет-словах, построенных по окказиональным словообразовательным моделям и о том, что традиционная культура заменяется медиакультурой, которая оказывает огромное влияние на массовое сознание. Дигитализация современной культуры порождает проблему ее дегуманизации. Поэтому важнейшей задачей масс медиа сегодня становится поворот к человеку, к развитию не только его технологических возможностей, но в первую очередь – к развитию его духовных устремлений.

Выступления вызывали живой отклик и часто переходили в дискуссию, в ходе которой открывались дальнейшие перспективы разработки проблем медиалингвистики.

М.Н. Володина, И.М. Кобозева

Сведения об авторах:

Володина Майя Никитична, докт. филол. наук, профессор кафедры немецкого языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: mnvolodina@mail.ru.

Кобозева Ирина Михайловна, докт. филол. наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E mail: kobozeva@list.ru.

Русская грамматика: описание, преподавание, тестирование

7–9 июня 2017 г. в Хельсинки состоялась Международная научная конференция «Русская грамматика: описание, преподавание, тестирование», организованная кафедрой русского языка и литературы Хельсинкского университета при поддержке МАПРЯЛ. География конференции весьма обширна. Сюда съехалось около 200 ученых из 24 стран, в том числе из России, Финляндии, Швеции, Украины, Казахстана, Эстонии, Италии, Германии и Японии. В состав оргкомитета вошли такие известные русисты, как Ахти Никуласси, Арто Мустайоки, Екатерина Протасова, Михаил Копотев, а также молодой типолог Ксения Шагал.

«Место проведения конференции было выбрано не случайно, – пишут организаторы конференции на своем сайте. – Хельсинки является крупнейшим за пределами России научным центром исследования русского языка, методов его изучения и преподавания. Научному сообществу хорошо известны имена таких финских славистов, как Валентин Кипарский, Игорь Вахрос, Марья Лейнонен, Арто Мустайоки, Ханну Томмола и других, внесших весомый вклад в изучение проблем истории и современности русского языка».

На пленарных заседаниях конференции было сделано шесть докладов.

А. Мустайоки говорил о функциональном подходе к описанию языка, его истории и многочисленных возможностях применения в преподавании русского языка как иностранного и неродного. В докладе описывалась разработанная А. Мустайоки модель русского функционального синтаксиса. Большое внимание докладчик уделил категории конативности и различным способам ее выражения – однословным (с помощью видовых форм глагола) и неоднословным (с помощью конструкций с глаголами *пытаться*, *стараться*, *удаться* и т. п.)

Г.И. Кустова рассказала о проекте «Русская корпусная грамматика» (rusgram.ru), над которым сейчас работают московские лингвисты под руководством В.А. Плунгяна. Опираясь на материалы Русского национального корпуса, с одной стороны, и достижения типологии и теоретической русистики последних лет, с другой, участники проекта создают активную русскую грамматику – систему правил, позволяющих порождать грамматичные высказывания, осуществлять выбор той или иной из конкурирующих форм и адекватно понимать тексты, созданные на русском языке.

Доклад *А. Бергман* был посвящен обучению РКИ в гетерогенных группах. Проблема преподавания РКИ в гетерогенных группах за пределами Российской Федерации с каждым годом становится все актуальнее. Растет число русскоязычных детей, покидающих страну в раннем возрасте. В семьях русских эмигрантов рождаются дети, осваивающие русский язык вне языковой среды. Это так называемые «эритажники», или «наследники», нуждающиеся в специальных, адаптированных программах по русскому языку. К сожалению, чаще всего такие учащиеся попадают в те же группы, что и настоящие иностранцы, достигшие высокого уровня владения русским языком. О специфике ведения таких групп и рассказывала А. Бергман.

Из доклада *В.Б. Касевича* и *Ю.В. Меньшиковой* участники конференции узнали о множественности русских грамматик. Докладчики призывали различать грамматику говорящего и грамматику слушающего и разработать специальные модели описания каждой из них.

М.Д. Воейкова поделилась с аудиторией интересными наблюдениями над особенностями употребления русского глагольного вида в сослагательном наклонении.

Председатель МАПРЯЛ *Л.А. Вербицкая* сделала обзорный доклад об уже пятидесятилетней истории Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы

и о проведенных в разные годы тринадцати конгрессах МАПРЯЛ. Участники конференции были приглашены на четырнадцатый конгресс МАПРЯЛ, который планируется провести в 2019 г. в Астане.

В.М. Алпатов рассказал о различных вариантах описания русской грамматики, основывающихся на англоязычном и русскоязычном подходах к языку. Основная идея доклада заключалась в том, что, ориентируясь при описании одного языка на грамматическую структуру другого, мы часто искажаем языковую действительность или вовсе не замечаем присущих описываемому языку уникальных фактов.

В докладе *Х. Томмола* были представлены результаты подробнейших сопоставительных и типологических наблюдений над русской грамматикой.

Секционные доклады проводились по нескольким актуальным для современной теоретической и прикладной русистики направлениям: грамматика конструкций, корпусная лингвистика, русская аспектология, синтаксис русского языка, анализ дискурса, изучение детской речи, методика преподавания РКИ, особенности освоения и использования русского языка билингвами, языковые контакты и проблемы интерференции языков.

Прозвучавшие на конференции теоретические доклады охватывали широчайший круг тем: от анализа отдельных слов, граммем, синтаксических и дискурсивных единиц до описания тропов и двусмысленностей в языке современной поэзии (*Н.А. Фатеева; Л.В. Зубова*), учебных грамматик XVIII–XIX вв. (*Н.И. Кряжева*) или гендерных стереотипов современного русского языка (*Ю.П. Князев*).

Среди общетеоретических секций следует отметить работавшую в течение всех трех дней конференции секцию **«Конструкционные подходы к русскому языку»**. Вниманию слушателей были представлены доклады о конструкциях, объединенных тем или иным синтаксическим или семантическим признаком: подчиненные восклицания (*Н.А. Зевахина*), односоставные предложения (*М.М. Ровинская*), изъяснительные конструкции (*Т.И. Стексова*), конструкции сравнения (*Н.А. Зевахина, С.С. Джакупова*, *А.С. Вишенкова*). Описывались также конструкции, обладающие общей грамматической формой или конкретной лексической единицей: будущее НСВ (*Н.М. Стойнова*), причинные предлоги (*М. Бьерклунд*), частица *якобы* (*В.Ю. Апресян, А.Д. Шмелев*). Большое внимание уделялось вариативным конструкциям: с родительным vs дательным падежом субъекта (*О.И. Глазунова*), с возможностью заполнения одной и той же валентности формами винительного или предложного падежа (*В.Ю. Апресян*), с изменением переходности глагола (*Е.В. Муравенко*). *М.А. Бородина* представила подготовленный в соавторстве с *Е.В. Рахилиной* доклад о русских устаревших конструкциях в текстах XIX в., а *Н.В. Богданова-Белгарян*, *Т.Ю. Шерстинова*, *Г.Я. Мартыненко* и *О.Я. Блинова* сделали доклад а грамматике современного русского языка повседневного общения. *М.Я. Дымарский* рассказал о своих наблюдениях над жестким и мягким детерминизмом в синтаксисе.

Также несколько дней работала секция «**Вид**». Доклады, представленные на ней, были посвящены вопросам аспектуальной семантики и прагматики (*Е.Г. Борисова*, *И. Козера*, *Е.В. Горбова, М.Л. Федотов*), а также аспектуального словообразования (*Г. Ульсон, Д. Хоригути*). *Е.Э. Пчелинцева* сделала доклад о пределах глагольной номинализации и семантике предела в русском языке. *В.А. Кузьменкова* рассказала об описательных предикатах как одном из способов компенсации видовых значений. Из доклада *Ю. Канэко* слушатели узнали о том, как передается смысл ‘достижение предела действия’ при переводе с русского языка на японский.

В последний день конференции открылась специальная секция **«Синтаксис сложного предложения»**, где было представлено семь докладов. *И.М. Кобозева* рассказала о факторах, влияющих на выбор линейного порядка клауз в сложных предложениях, выражающих таксисное отношение контактного предшествования. Доклад *М.Ю. Князева* был посвящен двум типам придаточных предложений с союзом *что* и связанным с ними ограничениям на одушевленность. *О.Е. Пекелис* поделилась с аудиторией результатами исследования эллипсиса подлежащего главной клаузы в русском языке, данное явление было описано с точки зрения типологии коррелятивов. Из доклада *К.А. Богдасарян*, *Н.С. Акутиной* и *И.Ю. Чечуро* слушатели узнали об особенностях аккомодации по множественности и ее связи с кван-

тификаторами в русском языке. *К.С. Акопян* представил подробное описание союзных функций русской частицы *только*. *Е.Л. Шнитке* продемонстрировала результаты корпусного исследования дистрибуции времени в клаузальных комплексах с сентенциальным дополнением у изучающих русский язык как иностранный. *А.Б. Летучий* рассказал о влиянии грамматических свойств главного предложения на придаточное в русских конструкциях с сентенциальными актантами.

Еще одна специальная секция была посвящена **детской речи.** На ней были представлены результаты лонгитюдных и экспериментальных исследований речевого онтогенеза. Участники секции обсуждали когнитивные модели освоения грамматической семантики (*Т.А. Гридина*), различные стратегии освоения морфологической системы: стремление к норме vs к системе (*Г.Р. Доброва*). Также было представлено много докладов, посвященных освоению отдельных аспектов русской лексики и грамматики: способов выражения объектных значений (*Т.А. Круглякова*), модальных слов (*В.В. Казаковская*), конструкций с императивом третьего лица (*К.А. Иванова*), способов построения высказывания той или иной коммуникативной структуры (*П.М. Эйсмонт*).

О функционировании русского языка вне языковой среды говорили на трёх секциях: «Билингвизм», «Языковые контакты» и «Русский язык за пределами России».

На секции «**Билингвизм**» обсуждались теоретические вопросы функционирования русского языка как второго родного: особенности согласования со сказуемым подлежащных количественных групп (*Е.А. Власова*), словообразовательные стратегии освоения «унаследованного» языка (*В. Вардиц*), становление русской падежной системы у монолингвов и билингвов (*Е.Ю. Протасова*, *М. Мяки*), состояние морфологического компонента в системе англо-русских билингвов (*А.А. Смыслова*), вариативность языковой структуры в речи шведско-русских двуязычных детей (*Н. Рингблом*), – а также проблемы обучения детей и подростков русскому языку как второму родному (*М. Рутцен*; *Т.Ю. Самостьян*; *Н.Н. Рогозная*). Ряд докладов (*Т.В. Кузьмина*; *О. Ненонен*) был посвящен анализу ошибок, допускаемых билингвами в письменной речи.

Секция **«Языковые контакты»** была представлена шестью докладами, посвященными самым разным аспектам межъязыкового взаимодействия: регионализмам (*Д.Ш. Харанутова*), дискурсивным маркерам (*Н. Стоянова*), особенностям семейной коммуникации в двуязычных обществах (*Ж.К. Ибраева, А.Н. Алишариева*). *Н.М. Стойнова* и *С.А. Оскольская* сделали доклад о глагольных категориях в русском языке нанайцев, *А.В. Мель* рассказал об особенностях РКИ в многоязычной Швейцарии. *А.В. Пеетерс-Подгаевская* и *Л. Аркема* поделились своими наблюдениями над имитацией речи иностранца (foreigner talk) и присущими ей морфологическими ошибками.

На секции **«Русский язык за пределами России»** обсуждались социолингвистические проблемы функционирования русского языка за рубежом. Здесь говорили о языковой ситуации в странах бывшего СССР: Казахстане (*Н.Г. Шаймердинова; Э.Д. Сулейменова*), Эстонии (*Е.И. Костанди, И.П. Кюльмоя*), Украине (*Л.А. Кудрявцева*) и Беларуси (*О.С. Горицкая*), – а кроме того, в Румынии (*А. Красовски*) и в Германии (*В.Н. Арифулин; Х. Вальтер*).

Специалисты в области **методики преподавания РКИ** обсуждали вопросы, посвященные новым образовательным технологиям и средствам обучения: МООК и другие возможности дистанционного обучения (*Э.Г. Азимов; Н.Ю. Ярыгина*), электронные учебники, проектную деятельность на уроках РКИ (*Р. Гусман Тирадо, Л. Соколова*; *Г. Наумович*), социальные сети и другие интернет-ресурсы (*Т.В. Штадлер*), делились опытом проведения отдельных тематических курсов РКИ, разработанных для различных аудиторий (*Е.А. Гасконь*; *Н.А. Михайлов*; *Н.Д. Афанасьева, И.Б. Могилева, С.С. Захарченко*; *И. Коршаин*; *М. Хокканен*; *Т.П. Рындак, Е.А. Куркина, Н.Л. Тихомирова*; *Л.Г. Громова*). Л. Шпилевич рассуждал о профессиональной компетенции преподавателя РКИ и ее формировании в эпоху Интернета. Преподаватели-практики рассказывали о возможных стратегиях обучения отдельным лексическим и грамматическим явлениям русского языка: модальности (*О.В. Добрунова*), глагольному виду (*Ю.А. Мареева*; *А.Л. Леонтьева*), конструкциям с сочинительными союзами (*М.С. Милованова*), фразеологизмам (*М. Ахмади*). Несколько докладов было

посвящено проблемам русского словообразования (*Е. Жеймо*; *Н.С. Иванова*; *И. Иванов*). *А.Л. Шарандин* сделал доклад о лексеме как модели номинации в обучении РКИ. Р. Питталуга рассказал о возможностях оценки качества перевода с помощью фреймового представления семантики глаголов. *Н.А. Дубинина* представила доклад о субтесте «Лексика. Грамматика», входящем в программу сертификационного тестирования школьников по русскому языку как иностранному.

Особое внимание на конференции уделялось возможностям использования новых информационных технологий: корпусов и электронных образовательных систем в преподавании русского языка как иностранного и неродного.

Отдельная секция объединила доклады, посвященные **корпусным подходам к языку и возможностям их применения в практике преподавания РКИ**. *С. Славкова* рассказала об использовании русско-итальянского параллельного корпуса в работе с итальянскими студентами-переводчиками. *О.С. Еремина* на примере русских неопределенных местоимений с префиксом *кое-* показала, как можно с помощью русского учебного корпуса (RLC) обнаружить лакуны в методическом описании языкового материала. *М.Ю. Ольшевская* и *О.А. Культепина* сделали доклад об опыте использования корпусных технологий на уроках РКИ, посвященных глагольному виду.

Секция **«Технологии в преподавании и изучении русского языка»** собрала огромное количество слушателей. Открывая ее, *А. Никуласси* предложил всем вместе поразмышлять о критериях выбора электронной образовательной среды. *Н.А. Багрова* на примере опыта преподавания курса «Чтение экономических и технических текстов по русскому языку» проанализировала плюсы и минусы e-learning обучения. Слушатели конференции узнали об электронных образовательных ресурсах, разрабатываемых в московском Институте русского языка имени А.С. Пушкина (*М.Ю. Лебедева*; *М.Ю. Лебедева, Д.Ф. Аббакумов*) и в университете Хельсинки (*М.В. Копотев*), о платформе «Верные слова», придуманной *А.И. Левинзон* (НИУ ВШЭ), образовательной среде ViLLE, позволяющей автоматически генерировать упражнения и тренировочные задания по русскому языку (*Г. Черницкая*; *Н. Весикко*), о международном информационно-просветительском проекте «Современный русский» (*Т.Н. Скок*), электронном учебнике РКИ для медицинских вузов (*А.Т. Бактыбаева*), тренажерах, создаваемых в центре РКИ Школы лингвистики НИУ ВШЭ (*Е.Л. Шнитке*), новой серии учебных пособий по русскому языку, включающих электронные упражнения и задания (*А. Энкель*). *Е.В. Арутюнова* познакомила участников секции с различными электронными орфографическими ресурсами в интернете. Коллеги из Финляндии (*Й. Ляхтейнен* и *Н. Синкко*) рассказали о специфике электронных экзаменов по русскому языку, проводящихся в финских школах. Группа исследователей из НИУ ВШЭ – *Е.А. Кузьменко*, *А. Б. Кутузов, Л.М. Пивоварова* – представили слушателям проект по автоматическому извлечению русских конструкций при помощи кластеризации векторных представлений слов.

В последний день конференции *М.В. Копотевым, М.Ю. Лебедевой* и *О.С. Ереминой* был проведен **круглый стол «Технологии в преподавании и изучении РКИ»**, где участники обсуждали возможности создания общей платформы, которая могла бы объединить открытые материалы, созданные преподавателями РКИ из разных стран: тесты, тренажеры, аудио- и видеозаписи, онлайн-курсы, поурочные разработки и др. Участники круглого стола пришли к выводу, что такая платформа позволила бы значительно повысить эффективность работы преподавателей РКИ и способствовала бы объединению различных методических школ и продвижению русского языка в современном мире.

Хочется отметить блестящую организацию конференции и поблагодарить коллег из Хельсинкского университета за теплый и радушный прием.

А. Л. Леонтьева

Сведения об авторе: Леонтьева Анна Леонидовна, канд. филол. наук, доцент Школы лингвистики НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: cheshiremouse@yandex.ru.

Международная конференция «Безвременье как сюжет» в Твери

6–9 апреля 2017 г. в городе Твери состоялась очередная конференция, посвященная репрезентации времени. Конференция «Безвременье как сюжет», организованная кафедрой истории и теории литературы Тверского государственного университета, на этот раз не просто стала продолжением фундаментальных исследований феномена времени в русской литературе, но и позволила обратиться к проблеме под иным углом зрения. Представленная ранее модель самодовлеющих категорий «Прошлое – настоящее – будущее», равно как и модель «Вечность – мгновение», позволяла рассматривать репрезентацию истории в рамках традиционалистского литературоведения как средство постижения настоящего, проекции на будущее посредством оппозиций «свой» / «чужой» и шире: постижение законов трансформации дискретных и континуальных моделей темпоральности на индивидуальном, социальном и религиозных уровнях.

Категория же «безвременья» оказывается тождественной «вневременному» и становится особенно привлекательной с точки зрения художественной самоценности как репрезентация времени «ускользающего». Собственно природа «безвременья» изначально загадочна и амбивалентна, о чем говорилось во вступительном докладе *А.Ю. Сорочана* (Тверь). Что особенно показательно, в отличие от других концептов, «вневременное» не исчерпывается ни линейными, ни циклическими моделями; классификация сюжетных моделей безвременья разрабатывалась на заседаниях секций «Эстетика безвременья», «Мотивы безвременья», «Безвременье и время», «Безвременье как эпоха», «Время: движение и неподвижность». Всего прозвучало 36 докладов; в нашем обзоре отмечены наиболее заметные выступления.

В.А. Кошелев (Арзамас) выступил с докладом «Синдром Печерина, или Человек без времени». В своей работе автор наметил одну из ведущих линий для анализа «безвременья». На материале «Замогильных записок» В.С. Печерина мы можем наблюдать динамику времени, однако в не классическом его понимании. Нигилизм героя записок порожден ненавистью к отчизне, а следовательно, неизбежно приводит к отчуждению от «настоящего». Здесь же автор отсылает к «Отцам и детям» Тургенева, обнаруживая некий парадокс; для построения будущего необходимо разрушение прошлого, но попытка обретения самости в настоящем для Печерина все же оказывается тщетной, что легко объясняется отсутствием привязки к конкретному времени в тексте. Герой не находит «спасения» и в религиозных исканиях, а «безвременье» напрямую противопоставляется «вечности», где «целостность себя» – это одновременно характеристика героя и экспликация конкретного временного отрезка , которая в проекции на будущее все-таки оценивается положительно. Доклад *А.М. Грачевой* (Санкт-Петербург) «Нелинейное время в творческой практике Алексея Ремизова 1940–1950-х гг.» продолжил заданную тему; полное выпадение из времени происходит в пространстве сновидческой реальности, однако предметы объективной действительности позволяют установить трансцендентные отношения с метафизическим «я» и выстроить ассоциативную цепь из прошлого в будущее, порождая мотив предчувствия, предвосхищения события, который является особенно важным, если не ключевым, для понимания исследуемой категории. Совершенно на ином материале ту же тему раскрыла *Э.Ф. Шафранская* (Москва). Ее выступление «Летаргарий: образ безвременья в русской постколониальной литературе» было посвящено прозе Сухбата Афлатуни, где «безвременье» рассматривается как «травма», следствие политически нестабильной

ситуации в стране. По мнению автора, «вневременное» парадоксально проявляется на стыке времен, при переходе от одного общественно-политического строя к другому. Название работы несет печать субъективности; метафора «жизни как затянувшегося сна», представленная автором, делает такое прочтение единственно возможным. Так, летаргический сон – не что иное, как символическая фиксация момента на фоне всеобщего исторического движения, он неминуемо порождает негацию настоящего и дает далеко не утешительные прогнозы на будущее.

Альтернативные пути решения данной проблематики были изложены в докладе *С.А. Васильевой* (Тверь) «Нет ни прошедшего, ни будущего: революции как безвременье (Вс. Соловьев – М.Е. Салтыков-Щедрин)». Смена общественного строя насильственным путем рассматривается автором как абсолютная стагнация, отсутствие как прошлого, так и будущего: «Страшное настоящее не только лишает прошлое смысла, но и поглощает будущее, что и позволяет интерпретировать революцию как остановку или же “водоворот”». И у Салтыкова, и у Соловьева подобный «водоворот» не более чем фрагмент, вырванный из общего пространства-времени; но концепция Щедрина линейна и отчасти ориентирована на прогресс в будущем, в то время как у Соловьева «человечество идет не вперед, а в сторону». Обе модели, в сущности, координируются классической пушкинской формулой «бунт бессмысленный и беспощадный», «борьба ради борьбы» знаменует время пустых надежд и ожиданий.

Попытка представить «безвременье» как сложение времен была обозначена в работе *Д.Д. Николаева* (Москва) «Литературные портреты безвременья: от Н.К. Михайловского к А.А. Измайлову». В своем докладе автор наглядно продемонстрировал влияние «болезни века» на индивидуальный портрет личности. Рассматривая статью Н.К. Михайловского «Герой безвременья» (1891) о тождестве биографических данных писателя и создаваемых им художественных моделей, можно сделать вывод о том, что конкретный автор не принадлежит к конкретному историческому времени; так, бездеятельность жизни Лермонтова, завлекшая его в «кольцо безвременья», породила уже известное отрицание объективной реальности. Единственное индивидуальное свойство проявлено лишь в оппозиции: «Безвременью противостоит только творческое начало». В целом же «безвременье» выступает в качестве своеобразного общественно-политического штампа, это длительный отрезок времени, выпадение из которого возможно в момент наибольшего подъема общественных сил, проявления индивидуальностей (отмена крепостного права, революция и т. д.).

«Эстетике безвременья» был посвящен доклад *С.В. Фролова* (Санкт-Петербург) «Внекалендарность в основе периодизации русской музыки», где на фоне линейной модели выстраивается многоуровневая временная структура. Докладчик ярко продемонстрировал, как те или иные музыкальные предпочтения мотивируются конкретным временным отрезком, но во всех случаях катализатором является так называемый «социальный заказ». Таким образом, уничтожение общественной корпорации и есть выход за рамки времени, который, однако, подобно салтыковской «борьбе ради борьбы», знаменует лишь «интерес музыки самой к себе». Взгляд на «безвременье» как реализацию мощного концептуального единства в песенном тексте предложили *Ю.В. Доманский* (Москва) в докладе «Формула “и времени больше не будет” в концепции времени Егора Летова» и *Д.Л. Карпов* (Ярославль), доклад которого был посвящен тому же тексту («Когда “Маятник качнется в правильную сторону”?»). Ключевым мотивом в песне Летова оказывается «солнцеворот», рассматриваемый с нескольких точек зрения. Амбивалентность данного понятия порождена парадоксом – символом реальной истории, балансирующим в пространстве художественного текста на грани Истины и Лжи, «Правильного и Неправильного». Исход один: все приведет к тому, что «времени больше не будет», но совершенно не важно, хорошо это или плохо, важна сама вера в грядущую перемену. Остановка же времени в кинематографической проекции была рассмотрена *С.Н. Еланской* (Тверь) в докладе «µЗыбко все вокруг, шатко”: фильм “Предсказание” Эльдара Рязанова как пример кайротической атемпоральности». Историческое воспринимается не более как игра фортуны, а выход из нее возможен только посредством кайроса – «остановки настоящего». Смысл же собст-

венно «предсказания» сводится к насильственному вырыванию человека из исторического времени в «атемпоральное время конца».

Секцию «Мотивы безвременья» открыла *В.К. Никитина* (Абердин, Великобритания), выступление которой было посвящено «безвременью и времени в лирической песне и свадебном причитании». Определение семантики обряда во времени оказывается первостепенной задачей, его сакрализация напрямую зависит от индивидуального восприятия, развенчивающего собственно мотив «безвременья» в момент «перехода». Также идея относительности времени раскрывалась в докладах *Н.С. Жерновой* (Вологда) «Мотив потерянного времени в книгах Алексея Ремизова», *С.М. Пинаева* (Москва) «Мифологическое время как “двойная бесконечность” в поэзии Максимилиана Волошина» и *И.Л. Багратион-Мухранели* (Москва) «“Не последние ль близятся сроки?” Время в “Поэме без героя” А.А. Ахматовой». *А.М. Лобин* (Ульяновск) в докладе «Эпоха перестройки глазами историков: стратегии и описания» рассматривал проблему, уже ориентируясь не на дифференцированные темпоральные модели, а на личностные конструкты людей, принадлежащих к разным социальным группам и пытающихся воссоздать посредством риторических стратегий «единую историческую реальность», основываясь на мемуарных текстах.

Возможность взаимодействия «бесконечности» с другими временным категориями активно обсуждалась в рамках секции «Безвременье как эпоха». Доклад *Б.Ф. Колымагина* (Москва) «О некоторых тенденциях религиозной поэзии в эпоху безвременья» поставил весьма интересную проблематику «блокировки» вневременного, в основном на материале поэзии Олега Асиновского. По сути, исследуемая категория в рассматриваемых текстах не просто воплощает период застоя, а выражает упаднические настроения с неутешительным прогнозом на будущее. Теперь время не является отнологической категорией, оно «провисает» и превращается в «пустую абстракцию», и нет места как для прошлого и настоящего, так и для будущего. «Беспамятство» выступает в качестве проекта «безвременья» и само воспоминание о Небесной Родине оказывается не больше чем иллюзией, описание которой адресовано «профанам». Выступление *И.В. Мотеюнайте* (Псков) было посвящено самиздатскому альманаху «Майя». В докладе «“Пролетела осень, наступило лето”: провинциальный андеграунд “без вёсен и зим”» рассматривалось ощущение потерянного времени, порожденное невостребованностью результатов творческой деятельности. В докладе «Способы изображения “безвременья” в воспоминаниях о февральской революции 1917 года в Твери» *И.В. Мироновой* (Тверь) были представлены собственно атрибуты «безвременья». Интересной становится сама перспектива рассмотрения революции как тупика на пути всеобщего движения истории с разных точек зрения в автобиографической прозе авторов, принадлежащих к разным политическим лагерям и социальным группам.

«Время в движении» было обозначено в докладе *Гун Цинцин* (Пекин, КНР) «Движение времени в прозе В. Маканина 1970–1980–х годов». В контексте прозы В.С. Маканина рассматривается диалектика временного и вечного как экзистенциальная доминанта в пространстве художественного мира. Представленные модели «прошлого», «повседневного», «скоротечного настоящего» подчинены единому механизму, который с авторской точки зрения и воплощает идеальное «безвременье». Противоположная тенденция наметилась в работе *Корнелии Дорынек* (Краков, Польша) «Прошлое как ключ к сознанию: “В поисках утраченного времени” глазами Мераба Мамардашвили». Здесь сознание является необходимым компонентом для построения хронологической цепи. Выстраивание ретроспективного ассоциативного ряда проецируется лирическим героем Пруста в настоящее, где и происходит конечная фиксация значимого события или явления. Осмысление данного подхода на материале философской антропологии становится особенно показательным для репрезентации «вневременного».

В докладе *О.И. Федотова* (Москва) «Можно ли остановить время?» шла речь о фатальной зависимости течения времени от солнца. Светило является своеобразным хронометром в пространстве как мифологического, так и реального мира. Границы между «ре-

альным» и «художественным» становятся в этом случае довольно-таки размытыми, и выпадение из времени легко рассмотреть в системе бинарных оппозиций (свет / тьма, свой / чужой). «Светлое и сияющее солнце – символ «своего» мира как упорядоченного пространства», в то время как солнце, погружающееся во тьму, – символ хаоса, представленного в работе как затмение и сигнал остановки времени. Выступление *С.И. Кормилова* (Москва) было посвящено «временному и вневременному в “Ревизоре” и “Мертвых душах”». Докладчик продемонстрировал, что «нарушения» хронологии, иногда продуманные и имеющие глубокий смысл, подчас становятся и результатом случайности и неверной трактовки. Условность «безвременья», которая проявлена в сюжетах классических текстов, стала основанием оживленной дискуссии, которая плавно перетекла в обсуждение тем следующих конференций, которые будут посвящены сюжетному потенциалу индивидуального и социального времени.

А.С. Филатова

Сведения об авторе: Филатова Алина Сергеевна, магистрант кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета. E-mail: moiseeva.a79520616272@yandex.ru.

Александр Владимирович Леденев

В День Победы, 9 мая 2017 г., исполнилось 60 лет доктору филологических наук, профессору кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Александру Владимировичу Леденеву.

Слова «юбилей» и «юбиляр» по отношению к нему кажутся как будто бы чрезмерными и нарочитыми. Гулкая патетика поздравлений, обязывающий напор пожеланий – А.В. Леденев всегда уклонялся от того, что несет в себе приметы отрепетированного акционизма, показного подчеркивания заслуг перед Отечеством. Среди любимых словечек Александра Владимировича – «ненатужный»; оно с исключительно позитивными коннотациями регулярно проскальзывает в его научных работах как обозначение свободного, полетного движения мысли, или изящного и словно бы случайного поворота фразы, или промельков авторской языковой игры. И вообще «ненатужный» – это не только про литературу, это про сам стиль жизни: напряжение, усилие, мучительное упорство – все это должно оставаться за кадром, а поступки и научные решения должны выглядеть легко, безупречно, естественно и красиво.

Один день Александра Владимировича может запросто включать в себя скоростной спуск на сноуборде в Приэльбрусье и оппонирование на защите докторской диссертации; если какая-то научная конференция проходит в прибрежном городе – независимо от географической широты и от времени года он обязан исследовать море и окрестные горы. И это не только эхо вполне профессиональных занятий спортом в юности. Одна из статей А.В. Леденева называется «“Мускулы музы”: спортивные мотивы в творчестве Владимира Набокова». Набоковская метафора искусства равно значима и в жизни исследователя, и в биографии его «персонажа»: оба отлично осознают, что энергия человеческого интеллекта и мышечная «физика» неразделимы, а утрата органичной связи между ними чревата переходом на «мышью беготню», творческой одышкой, интеллектуальным бессилием, прорывами в текстуре бытия.

А.В. Леденев принадлежит к числу тех ученых, трудами которых создаются целые направления в науке. Именно изучение творчества только-только вернувшегося к читателю в конце 1980-х гг. Владимира Набокова – с огромным англоязычным арсеналом исследований и не двинувшимся дальше азов отечественным – стало той литературоведческой областью, в которой работы Александра Владимировича размечали маршруты и прокладывали новые пути. Российское набоковедение на рубеже 1980–1990-х было сплошь «ездой в незнаемое», а уж локомотивом решались управлять самые храбрые. Это, в общем-то, даже не метафора: Александр Владимирович вырос в семье машиниста электровоза на железнодорожной станции Ртищево в Саратовской области. Рецептурная же направленность методических работ А.В. Леденева тоже не случайна: его мать была фармацевтом, закончила Московский медицинский институт и мечтала, чтобы сын учился в Москве.

После окончания аспирантуры А.В. Леденев десять лет работал в Ярославском педагогическом университете. До сих пор ярославские ученики и коллеги вспоминают его как самую яркую звезду – блистательного лектора, лучшего заведующего кафедрой литературы, кумира студентов.

В 1993–1994 гг. А.В. Леденев проехал и американскими маршрутами Набокова. Одним из страстных желаний остается посещение набоковских мест. Он навестил «тень» писателя в Швейцарии, где тот провел последние годы жизни; побывал в Монтрё, как и в британском Кембридже, на острове Корфу, в предместьях Афин. Набоков стал постоянным спут-